

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2022 Том 17 № 4 (36)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (uralpress.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanry-rechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8)
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в Международные базы данных Scopus, ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2022

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алтатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Ст. Гайда, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
И. Э. Ключанов, Ph.D., проф. (Вашингтон, США)
Р. Лакофф, Ph.D., проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Белоруссия)
А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Белоруссия)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
П. Серио, Ph.D., проф. (Лозанна, Швейцария)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
М. Сифиану, Ph.D., проф. (Афины, Греция)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Р. Г. Тирадо, Ph.D., проф. (Гранада, Испания)
Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>
Stanisław Gajda (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0002-2288-9723>
Olena I. Goroshko (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0002-8592-1022>
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>
Robin Lakoff (Berkeley, USA)
Igor E. Klyukanov (Washington, USA), <https://orcid.org/0000-0003-2240-0980>
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>
Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>
Patrick Sériot (Lausanne, Switzerland), <https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>
Maria Sifianou (Athens, Greece), <https://orcid.org/0000-0002-3231-937X>
Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>
Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), <https://orcid.org/0000-0002-4615-6436>
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования отдельных жанров

- Т. В. Дубровская**
Пенза, Россия
- Мультимодальный анализ в жанроведении:
семиотика туристического буклета..... 250
- А. В. Карабыков**
Симферополь, Россия
- Анафема: трансформация жанра в секулярную
и постсекулярную эпохи..... 262
- Л. В. Балашова**
Саратов, Россия
- «Дипломатичное» и «недипломатичное» в жанрах
дипломатического дискурса: на материале метафор
в текстах пресс-конференции и интервью Министра
иностраннх дел РФ С. В. Лаврова, посвященных
военной спецоперации на Украине 272
- Э. Р. Лассан**
Вильнюс, Литва
- К столетию А. Д. Сахарова: дискурс А. Д. Сахарова как
научная публицистика (обозначение говорящего как
маркер жанра)..... 285

Жанры в художественном творчестве

- В. П. Крючков,
О. В. Якунина**
Саратов, Россия
- Возможности и ограничения жанра психологического
эссе, или Опыт медленного чтения статьи
Л. С. Выготского о «Легком дыхании» И. А. Бунина..... 293
- Е. И. Рогожина**
Саратов, Россия
- Речезанровая структура флирта у советской
интеллигенции: композитные жанры и субжанры
(на материале драматургических текстов Л. Зорина
и В. Азерникова) 302

Жанры в фило- и онтогенезе

- Е. В. Галкина,
С. В. Краснощекова,
Е. В. Кожевникова**
Санкт-Петербург, Россия
- Референциальные особенности текстов нарративного
жанра при освоении первого и второго языка..... 311

Рецензии. Обзоры. Хроника

- О. А. Прохвятилова**
Москва, Россия;
Шэньчжэнь, Китай
- Религиозный стиль как система жанров (Рец. на кн.:
Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля
[Текст] : монография / Т. В. Ицкович. – М. : ФЛИНТА,
2021. – 400 с.)..... 319

CONTENTS

Studies of Individual Genres

- T. V. Dubrovskaya**
Penza, Russia
- Multimodal analysis in genre studies:
Semiotics of the tourist booklet 250
- A. V. Karabykov**
Simferopol, Russia
- Anathema: Transformation of the genre in the secular
and postsecular eras 262
- L. V. Balashova**
Saratov, Russia
- “Diplomatic” and “undiplomatic” in the genres of diplomatic
discourse: based on metaphors of Russian foreign
Minister Sergey Lavrov used during press conferences
and interviews on the special military operation in Ukraine 272
- E. R. Lissan**
Vilnius, Lithuania
- On the centenary of A. D. Sakharov: Sakharov’s discourse
as science publicistics (identifying the speaker
as the genre marker) 285

Genres in Art

- V. P. Kryuchkov,**
O. V. Yakunina
Saratov, Russia
- Possibilities and limitations of the psychological method
in the analysis of a literary work (based on the analysis
L. S. of Vygotsky’s psychological essay on “Light Breathing”
by I. A. Bunin) 293
- E. I. Rogozhina**
Saratov, Russia
- The structure of flirtation as a speech genre in dialogues
of Soviet intelligentsia: Composite genres and subgenres
(based on plays by L. Zorin and V. Azernikov) 302

Genres in Philo- and Ontogenesis

- E. V. Galkina,**
S. V. Krasnoshchekova,
E. V. Kozhevnikova
Saint Petersburg, Russia
- Referential features of narrative genres in the process
of language acquisition 311

Reviews. Chronicle

- O. A. Prokhvatilova**
Moscow, Russia;
Shenzhen, China
- The religious style as a system of genres
(Review of the book: Itskovich T. V. A Genre System
of the Religious Style [Text]: monograph / T. V. Itskovich. –
Moscow, FLINTA, 2021. – 400 p.) 319

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 250–261

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 250–261

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-250-261>, EDN: TMQQSM

Научная статья

УДК 81'22'42

**Мультимодальный анализ в жанроведении:
семиотика туристического буклета**

Т. В. Дубровская

¹Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, ¹заведующий кафедрой «Английский язык», ²профессор кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью, gynergy74@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>

Аннотация. В статье комплексный жанр туристического буклета исследуется как устойчивый тип поликодового текста, обслуживающего социально-коммуникативную ситуацию продвижения туристического продукта. Жанр представляет собой семиотически сложный комплекс, транслирующий информацию посредством разных семиотических систем. В работе поставлен ряд методологических вопросов относительно разработки модели жанрового анализа, которая позволила бы учитывать поликодовый характер жанра. Автор отмечает сложности, с которыми сталкивается аналитик поликодового текста, и ставит цель выявить механизмы взаимодействия между вербальными и визуальными компонентами жанра туристического буклета на семантическом и формальном уровнях, а также показать, как элементы мультимодального анализа могут быть направлены на разные параметры жанра. Материалом исследования стали туристические буклеты (всего 85 штук), собранные в 2007–2019 годах в Австралии, Великобритании, Германии, Польше, России и других странах мира. Методологически автор опирается на теорию речевых жанров, семиотику, критический дискурс-анализ, мультимодальный анализ. В результате анализа установлено, что жанр «туристический буклет» имеет ряд обязательных и факультативных признаков, причем присутствие визуальной составляющей обязательно. Показано, что цвет в изображении может актуализировать как диктумное содержание, так и модусное, передающее эмоционально-оценочные коннотации; фотографии могут выступать носителями прецедентных смыслов; визуальный и вербальный элементы вступают в отношения конвергенции, несмотря на различия используемых кодов, что обеспечивает когерентность жанра. Для комплексных жанров актуальны интертекстуальные связи между жанрами в его составе, причем эти связи могут носить кросс-кодовый характер, когда связь устанавливается между элементами разных семиотических систем, вербальной и невербальной. Сделан вывод о необходимости разработать стройную модель анализа поликодовых жанров.

Ключевые слова: поликодовый жанр, мультимодальность, вербальный, визуальный, семиотика, знак, туристический буклет

Для цитирования: Дубровская Т. В. Мультимодальный анализ в жанроведении: семиотика туристического буклета // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 250–261. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-250-261>, EDN: TMQQSM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Multimodal analysis in genre studies: Semiotics of the tourist booklet

T. V. Dubrovskaya

¹Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

²Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

Tatiana V. Dubrovskaya, gynergy74@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>

© Дубровская Т. В., 2022

Abstract. The paper discusses the complex genre of tourist booklet as a fixed type of multimodal text that serves in a communicative situation of promoting a tourist product. This genre is a semiotically complex phenomenon, which conveys information through different semiotic systems. The methodological issues are posed as to a perspective model of genre analysis that would take into account the multimodal nature of genres. The author points to major hindrances that an analyst faces when doing multimodal analysis. The study focuses on discovering mechanisms of the interplay between verbal and visual components on semantic and formal levels, as well as showing how the elements of multimodal analysis can be targeted at various genre parameters. The booklets (85 items) for the study were collected in 2007–2019 in Australia, Great Britain, Germany, Poland, Russia and other countries. Methodologically, the paper draws on speech genre theory, semiotics, critical discourse analysis, and multimodal analysis. The claims are advanced that the tourist booklet has both obligatory and optional features, the visual component being obligatory. It is revealed that the colours of visuals can have factual and modal meanings embedded in them; photos convey precedent meanings; while using different semiotic codes, visual and verbal elements join the convergence relations and, thus, provide for genre coherence. The complex genre includes intertextual links between genres in its structure. These links may be of cross-code nature, since they are established between the elements of different semiotic systems, verbal and non-verbal. The conclusion is drawn that a consistent analytical model for multimodal genres has to be designed.

Keywords: multimodal genre, multimodality, verbal, visual, semiotics, sign, tourist booklet

For citation: Dubrovskaya T. V. Multimodal analysis in genre studies: Semiotics of the tourist booklet. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 250–261 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-250-261>, EDN: TMQSM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исследование мультимодальности: введение

Характеризуя рассматриваемый в этой статье жанр туристического буклета как «поликодовый» мы хотим обозначить своё понимание этого жанра как семиотически сложного комплекса, транслирующего информацию посредством разных семиотических систем, которые предполагают восприятие разными органами чувств. Вопросы терминологии и различения понятий *мультимодальный, поликодовый, креолизованный, смешанный, мультимедийный* обсуждались отечественными учеными ранее [1, 2], и мы не ставим такой задачи. Отмечая значительную синонимичность понятий и их зависимость от национальных традиций, Е. А. Кожемякин суммировал основные черты текстов такого рода: семиотическая гетерогенность, симультативная многоканальность трансляции сообщения, коммуникативная комбинаторность [2: 20]. Анализ поликодовых текстов как комбинаций вербальных и невербальных коммуникационных знаков обычно обозначается термином «мультимодальный анализ» по аналогии с соответствующим англоязычным термином.

При том что мультимодальный анализ завоевывает все более прочные позиции в социальной семиотике и теории коммуникации [3, 4, 5, 6], кажется, что отечественное жанроведение всё ещё очень осторожно обращается к формам, отличным от собственно языковых. Впервые, это можно объяснить традицией, идущей от М. М. Бахтина и связывающей жанр

именно с речевыми формами, «относительно устойчивыми типами высказываний» в некоторой сфере использования языка [7: 250]. Кроме того, и само обозначение «РЕЧЕВОЙ жанр» предполагает рассмотрение языка. Вспомним здесь ставшую классикой отечественного жанроведения анкету РЖ Т. В. Шмелёвой [8] и её последний пункт – это именно ЯЗЫКОВОЕ воплощение. Вторым фактором, вероятно, выступает «исследовательская привычка», давление парадигмы, когда работы выполняются в рамках установленных канонов направления. В этом смысле показательны статьи и монографии, авторы которых, даже изучая визуальные компоненты жанра, описывают эти элементы словами [9: 92–93; 10: 82–83]. Таким образом, они фактически ресемiotизируют сообщение, представляя его не в оригинальной визуальной форме, а в более привычной и приемлемой для речеведения и вообще лингвистики форме вербальной. Мы также вынуждены в рамках данной статьи прибегать к описательной методике, поскольку исследователь поликодового текста неизбежно сталкивается с проблемой авторского права на изображения, и это еще один проблемный аспект мультимодальных исследований.

Было бы неправильным проигнорировать речеведческие работы, авторы которых помимо вербальной составляющей обращают внимание и на невербальные компоненты жанров (фото, элементы интерактивности и др.). Это, главным образом, исследования интернет-коммуникации (см., например, [11, 12, 13]). Здесь, однако, мы видим очередную пробле-

му – отсутствие устоявшейся методологии и общепринятого инструментария. Кроме того, существует ряд проблем технического плана: этические соображения, а также частая невозможность цветного воспроизведения материала в журналах и книгах по финансовым причинам. Наконец, значимым препятствием в интеграции мультимодальности в отечественное жанроведение видятся формальные и бюрократические аспекты организации научной деятельности. При декларируемой и даже требуемой от научных исследований мультимодальности характер работ в значительной степени определяется паспортами научных специальностей, и изучение разного рода семиотических ресурсов, даже в их привязке к языку, возможно в журналистике, культурологии, но не в рамках лингвистических специальностей. Все эти проблемы требуют коллегиального обсуждения и решения.

В то же время игнорировать разнообразие и многоканальность современного коммуникативного – и жанрового – пространства просто невозможно. Учёные всё чаще совершенно эксплицитно заявляют о сдвиге в лингвистических исследованиях, когда «использование языка больше не осмысливается теоретически как изолированный феномен», а анализ и интерпретация языковых ресурсов осуществляется «в тесной связи с другими семиотическими ресурсами, которые применяются одновременно для конструирования смысла» [14: 1] (Перевод с английского, немецкого, польского языков здесь и далее мой. – Т. Д.). З. Норрис утверждает, что «точка зрения, которая безусловно ставит язык в центр, ограничивает наше понимание сложности взаимодействия» [15: 2]. А. А. Кибрик отмечает: «Если бы исследование человеческой коммуникации начиналось с чистого листа, имело бы смысл рассматривать язык максимально инклюзивно, как он есть в жизни, то есть с включением просодии, жестикюляции, направления взора и др.» [4: 71].

Несмотря на все сложности, связанные с исследованиями мультимодальности, лингвисты признают не только принципиальную многоканальность коммуникации, но и тенденции, указывающие на распространение в преимущественно вербальной среде средств других семиотических кодов. В. В. Прозоров пишет, что в газетных текстах «возрастает роль изобразительного ряда (фотографии, иллюстрации, шрифтовой дизайн и т. д.)» [16: 163]. Обращаясь к жанрам современной медиасферы, Т. В. Шмелёва отмечает значительные подвижки в их системе, предлагает осмыслить их с учетом семиотики [17: 38–39] и эксплицитно пишет о способности медиажанров «соединять различные коды» и воплощаться «не только на естественном языке, что характерно для

речевых жанров, но и аудиально, визуально, экранно – в рамках таких институций, как радио, телевидение, интернет» [17: 46]

В свете вышесказанного очевидно, что мультимодальность и семиотическая сложность присуща в той или иной мере всей коммуникации, не только медиажанрам. В рамках данной статьи мы обращаемся к жанру туристического буклета, который изучался нами ранее как жанр профессионального дискурса и как инструмент выстраивания отношений между профессиональными и непрофессиональными коммуникантами [18]. В данной работе, опираясь на категории семиотики и лингвистической прагматики, мы ставим **цель** выявить механизмы взаимодействия между вербальными и визуальными компонентами на семантическом и формальном уровнях, а также показать, как элементы мультимодального анализа могут быть направлены на разные параметры жанра. Иными словами, наша работа имеет методологическую направленность, хотя также сделаны и определенные выводы относительно характеристик жанра. **Материалом** исследования стали туристические буклеты (всего 85 штук), собранные нами в 2007–2019 годах в Австралии, Великобритании, Германии, Польше, России и других странах мира.

1. Туристический буклет: общая семиотика и прагматика

В рамках данной статьи в категорию туристического буклета мы условно включаем буклет и брошюру. При коммуникативной идентичности буклет и брошюра несколько различаются с точки зрения материального исполнения. Буклет как материальный предмет получает следующее определение в «Толковом словаре иноязычных слов»: «Непериодическое издание в виде листов печатного материала, обычно складываемых параллельными сгибами (наподобие ширмы)» [19: 145]. Брошюра описывается как «небольшая книжка (обычно общественно-политического или научно-популярного характера» [19: 143]. Эти определения не отражают функциональных характеристик изданий, которые в настоящее время широко используются в рекламной деятельности для представления подробной информации о продвигаемом продукте. И буклеты и брошюры используются как коммерческими, так и некоммерческими предприятиями (фондами, учебными заведениями, музеями и т. д.) в рекламных и имиджевых целях. Отечественные производители полиграфии при разграничении буклета и брошюры нередко ссылаются на ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», согласно которому объем брошюры не превышает 48 страниц.

Отметим, однако, что объем зарубежных туристических брошюр нередко бывает больше и, вероятно, определяется главным образом запросом заказчика. Далее мы рассматриваем буклеты и брошюры как одну категорию промоций изданий в силу идентичности их коммуникативных и семиотических характеристик и используем обозначение «туристический буклет».

Самый распространенный размер туристического буклета – это 1/3 от листа А4, что обусловлено утилитарно: пользователю удобно держать такой предмет в руках при передвижениях, а скромный размер позволяет положить его в небольшую наплечную сумку или даже в карман. Бумага изданий обычно глянцевая, хорошего качества, обеспечивающая хорошую износостойкость. Издания всегда полихромны и содержат большое количество визуальных компонентов: картинок, фотографий, схем, карт, символов, логотипов и т. д. Сочетание вербального и визуального компонентов составляет обязательный признак буклета, и если убрать один из компонентов, это разрушает принцип организации материального предмета. В некоторых случаях на обложке издания используется тиснение, что предполагает нацеленность на тактильное восприятие предмета пользователем. Однако тиснение – признак факультативный, встречается крайне редко.

С туристическим буклетом связана и определенная пространственная семиотика, поскольку существует несколько традиционных локусов, где можно найти буклеты и брошюры: это стойки информации в аэропортах, административные стойки (ресепшены) гостиниц, центры информации для туристов, билетные кассы музеев и других учреждений культуры и т. д. Специфика локусов, открытый доступ и непосредственная близость к потребителю сигнализируют о бесплатном характере продукта. Все перечисленные типичные признаки обуславливают узнаваемость буклетов как материальных предметов, содержащих информацию для целевого потребителя продвигаемого собственно туристского или культурного продукта.

2. Семиотика визуального в жанре туристического буклета

Туристический буклет как разновидность промоций издания может обсуждаться не только как материальный предмет, но и как жанр, поскольку он представляет собой устойчивый тип поликодового текста, обслуживающего социально-коммуникативную ситуацию продвижения туристического продукта, обладающего заданной коммуникативной направленностью и типичными структурно-содержательными и стилевыми характеристиками,

которые имеют вербальную и невербальную формы актуализации. Если опираться на концепцию М. Ю. Федосюка, то туристический буклет следует охарактеризовать как комплексный жанр. Комплексные жанры состоят из компонентов, каждый из которых обладает относительной завершенностью и представляет собой текст определенного жанра [20], и именно таким видится нам туристический буклет. Добавим к этому, что комплексный жанр это не произвольный набор жанров. В первую очередь, он вбирает в себя ограниченный набор жанров, облигаторных и факультативных, которые композиционно организованы в определенном порядке, что определяет общую когерентность комплексного жанра. Облигаторными для туристического буклета жанрами являются описание достопримечательностей или развлечений, приглашения или призывы посетить определенные места, расписания, сообщения контактных данных. В числе факультативных жанров обнаруживаем слоганы компаний, прайслисты, карты и др. При этом, к примеру, название и слоган компании всегда находятся на первой странице, а контактные данные на последней, в соответствии с логикой человеческой мысли: знакомство с информацией подводит к решению посетить место, и тогда возникает необходимость узнать, где оно расположено. Далее в анализе мы также покажем, как создается общая когерентность комплексного жанра за счет взаимосвязей между разными его фрагментами как вербальными, так и визуальными.

Визуальный компонент текста функционирует как знак. При этом, по замечанию Р. Барта, «на практике мы все равно сначала читаем изображение, а не текст, его сформировавший: роль текста в конечном счете сводится к тому, чтобы заставить нас выбрать одно из возможных означаемых» [21: 305]. Приоритетный характер визуального компонента в привлечении внимания к продукту, продвигаемому буклетом, оспорить сложно. Именно картинка «цепляет» получателя текста, заставляя его затем обращаться к вербальному компоненту, потребление которого требует больше усилий.

Ч. Пирс, как известно, отмечал существование трёх типов знаков: знаки-иконны (*icons*), основанные на принципе сходства между означаемым и означающим; знаки-индексы (*indexes*), в основе которых лежат отношения смежности явлений и причинно-следственные связи; знаки-символы (*symbols*), основанные на условной, «договорной», связи между означаемым и означающим [22]. В учебном пособии по рекламе Е. В. Гиниятова оценивает разные изображения в рекламе с точки зрения их принадлежности к одному из трёх типов, замечая в то же время, что «одна и та же знаковая фор-

ма, в зависимости от контекста, может входить в состав различных видов знаков <...> Отнесение образа женщины к одному из трех видов знаков возможно только в контексте конкретной рекламы – через интерпретацию смысла знака в совокупности с другими знаками рекламного сообщения» [23: 52]. К знаковой совокупности, комплексу вербального и визуального, и её соотносительности с параметрами жанра мы и обратимся далее.

При проведении мультимодального анализа документа Дж. Бейтман предлагает использовать базовые единицы анализа (*base units*) и представляет список таких единиц, который включает в числе прочих заголовки, предложения, иконки, таблицы, постраничные ссылки, фотографии, рисунки, диаграммы, названия фотографий, текст на фотографиях и рисунках, горизонтальные и вертикальные линии, стрелочки и т. д. [5: 111]. Далее мы обратимся к трем типам единиц в туристическом буклете: цвету, фотографиям и картам.

2.1. Цвет как знак и его отношение к диктуму и модусу

В разных культурах тому или иному цвету приписываются различные национально-специфические коннотации, однако мы полагаем, что цвет как элемент визуального изображения можно рассматривать не только как символ с конвенциональным значением, но и как иконический знак, который отражает фактические физические характеристики означаемого (референта). В случае использования цвета как иконического знака, его толкование будет более или менее универсально и не будет зависеть от национальной принадлежности адресата. Так, темно-зелёный или зелено-жёлтый цвета естественных оттенков, цвета травы и листвы, оказываются востребованы в оформлении буклетов организаций, связанных с природой, растительным и животным миром: ботанических садов, национальных природных парков, зоопарков. Не только сами фотографии на обложках буклетов представляют фрагменты природных объектов и сняты в зелено-голубой гамме, но и оформляющая их рамка нередко имеет зелёный или жёлтый цвет. В качестве примера приведем буклет Национального парка Йоркширские долины в Великобритании. (Поскольку владельцы авторских прав на оформление буклетов, обсуждаемых здесь и далее, не ответили на наши запросы о возможности использования в статье ряда изображений, мы вынуждены ссылаться на фотографии из открытых источников, комментировать оформление буклетов вербально, а также отдельно цитировать и комментировать вербальную составляющую буклетов.)

В буклете Национального парка Йоркширские долины фотографическое изображение типичного пейзажа с домиком (рис. 1), оформление в зелёной цветовой гамме и текст на первой странице буклета выступают в семиотическом единстве. Вербальный компонент актуализирует семантику природы через словосочетание *national park* и характеризует место как *breathing space* (место, где легко дышится). Подобным образом, буклет Ботанического сада Западной Австралии, оформленный в зелёных и охристых оттенках, содержит лексику семантического поля «природа» (*botanic garden, native flora*) и указания на рекомендуемые действия человека в этих местах: *take a walk* (прогуляйтесь), *experience* (испытайте).

Другой любопытный пример использования цвета как иконического знака – буклет Музея человеческого тела в Берлине. Буклет оформлен в розовых тонах с намёком на цвет человеческого тела, а на первой странице размещено фото одного из экспонатов. (В качестве иллюстрации мы используем скриншот с одного из интернет-сайтов, рис. 2.)

Цвет человеческой плоти, однако, подвергается **визуальной эвфемизации**, приобретая в оформлении фона не совсем натуральные оттенки от бледно-розового до насыщенного розово-фиолетового. Фактическое сходство между означаемым (телом) и означающим (розовым цветом) сохраняется, но становится менее очевидным и поэтому менее вызывающим. Кроме того, фон, состоящий из геометрических фигур, многоугольников разных оттенков розового, непосредственно соотносится с вербальным компонентом – фразой на немецком *Facetten des Lebens* (грани жизни), которую он актуализирует визуально. Метафорическое выражение «грани жизни» получает абсолютно прямолинейную визуализацию в форме многогранников.

Таким образом, в приведенных примерах цветовая палитра используется как иконический знак, устанавливающий метонимическую связь между означающим (изображением) и обозначаемым (репрезентируемым объектом) по принципу фактического сходства. Выполняя такую функцию, цвет соотносится с основным содержанием жанра – **диктумом**. Г. Кресс и Т. ван Лёвен обсуждают функции цвета и указывают на их параллелизм с метафункциями языка (по М. Халлидею) [24]. Одна из метафункций, обозначающаяся как *ideational*, состоит в конструировании репрезентаций мира. Думаем, что она в значительной мере соотносится с диктумным содержанием, которое, как показано, реализуется не только вербальными, но и визуальными средствами.

Цвет как знак может актуализировать не только диктумное содержание, но и содер-

Рис. 1. Национальный парк Йоркширские долины.

Источник: <https://kindadukish.wordpress.com/2013/05/02/the-50-adventures-every-child-should-have-by-the-age-of-11%C2%BE/>

Fig. 1. Yorkshire Dales National Park.

Source: <https://kindadukish.wordpress.com/2013/05/02/the-50-adventures-every-child-should-have-by-the-age-of-11%C2%BE/>

Körperwelten im Juni 2016 (30% sparen)

MeMu Menschen Museum, Berlin

Рис. 2. Музей человеческого тела.

Источник скриншота: <https://www.groupon.de/deals/gl-menschen-museum-2>

Fig. 2. Body Worlds museum.

Source of the screenshot: <https://www.groupon.de/deals/gl-menschen-museum-2>

жание **модусное**, связанное с передачей эмоционально-оценочных коннотаций. В такой функции цвет выступает как знак-символ, значение которого конвенционально и контекстуально обусловлено, и поэтому для интерпретации знака важна вербальная составляющая семиотического комплекса. Бук-

лет Немецкого музея шпионажа оформлен в тёмно-синей цветовой гамме с яркими включениями кислотно-зелёного цвета. Точно так же оформлена страница Музея в социальной сети Фейсбук (признана экстремистской и запрещена на территории России) (рис. 3).

Deutsches Spionagemuseum

@spionagemuseum · ★ 4.5 (636 reviews) · History museum

Learn more

Рис. 3. Страница Немецкого музея шпионажа на Фейсбук (признана экстремистской и запрещена на территории России). Источник скриншота: <https://www.facebook.com/spionagemuseum/about/>

Fig. 3. Webpage of the German Spy Museum on Facebook (banned in Russia as an extremist organization). Source of the screenshot: <https://www.facebook.com/spionagemuseum/about/>

Тёмно-синие тона, очевидно, символизируют таинственность и подкреплены сюжетом на картинке – это силуэт одинокой фигуры с кейсом на тёмной улице в свете фар автомобиля. Слоган, продублированный на немецком и английском (*Erlebnis-Ausstellung über die Welt der Spione – A thrilling journey through the history of espionage*), содержит лексемы с семантикой субъективных переживаний (*Erlebnis* – приключение, переживание; *a thrilling journey* – захватывающее путешествие). Вероятно, кислотно-зелёный цвет должен не только привлечь внимание, но и подчеркнуть яркость впечатлений от музея, а также его современность и технологичность. Словосочетание HightechMuseum (высокотехнологичный музей) написано как раз на ярко-зелёном фоне, образуя с ним формальное единство (рис. 4).

Цвет задействован в конструировании категории адресата-посетителя, причем конструируются не собственно социальные характеристики (возраст, статус, пол, род занятий и т. д.),

а характеристики эмоциональные: вовлечённость и заинтригованность. Применение цвета для выражения модусных смыслов и коннотаций соотносится, на наш взгляд, с межличностной метафункцией языка (*interpersonal function*) по М. Халлидею, которую Г. Кресс и Т. ван Лёвен экстраполируют на цвет.

Рис. 4. Высокотехнологичный музей: надпись на ярко-зелёном фоне

Fig. 4. Hightech museum: an inscription against the bright green background

2.2. Фото как знак и носитель прецедентных смыслов

Фотографии составляют обязательную часть буклета как жанра, и изъятие фотографических изображений повлекло бы его

разрушение. Фотографии могут выполнять иллюстративную функцию, однако даже самые бесхитростные иллюстрации нередко имеют иконическое или символическое значение. На рис. 5 мы видим обложку туристического путеводителя по Перту и его пригородам (Австралия).

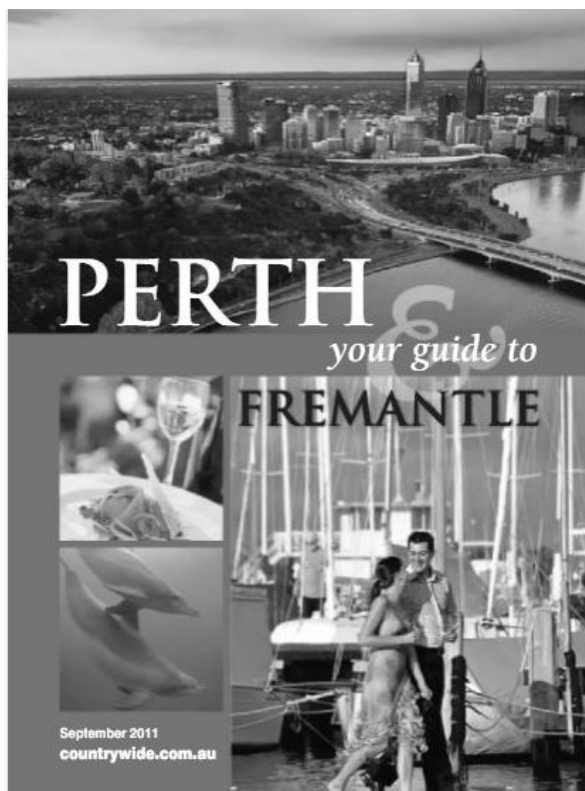

Рис. 5. Путеводитель по Перту и Фримэнтлу.
Источник: www.scribd.com/document/74893276/Perth-Guide

Fig. 5. Guide to Perth and Fremantle.
Source: www.scribd.com/document/74893276/Perth-Guide

Это коллаж из четырёх разных фотографий: с изображением небоскрёбов Перта, счастливой пары на фоне яхт в прибрежной зоне Фримэнтла, тарелки с морепродуктами и бокала вина, а также дельфинов. Все изображения создают репрезентации ряда фактических фрагментов реальности, предлагаемых туристам и гостям Перта, с одной стороны, и, с другой стороны, выступают символами набора положительных эмоций: радости общения, романтики, удовольствия от хорошей погоды, вкусной еды и наблюдения за экзотическими животными. Отметим особенность расположения текста на обложке: названия географических пунктов находятся точно на соответствующих снимках коллажа, т. е. они выполняют две функции одновременно: являются частью названия буклета

и подписями к фотографиям. Вербальный компонент на обложке путеводителя ограничен, но уже страница 2 содержит рекламное объявление, связанное в смысловом отношении с обложкой: рекламируются круизы для наблюдения за животными, включая дельфинов, и общения с ними (*Swim with wild dolphins; Cruises to see dolphins, penguins and sea lions*). Подобным образом в тексте буклета «подкрепляются» и другие визуальные элементы, заявленные на обложке. Таким образом, визуальный и вербальный компоненты в рамках буклета вступают в отношения конвергенции, несмотря на различия используемых кодов. Важно отметить, что такая конвергенция происходит не только между разными кодами, но и между разными жанрами в рамках комплексного жанра буклета, что обуславливает его когерентность.

Отдельного рассмотрения заслуживает феномен **прецедентности** в том виде, как он реализуется посредством фотографических изображений. Фотография, на которой зафиксирован исторический момент, не только выполняет функцию репрезентации фрагмента реальности в прошлом, т. е. является знаком-иконой, но и нередко становится знаком-символом, поскольку означаемое гораздо шире означающего, имеет несколько смысловых пластов и не сводимо к запечатленному на снимке факту или событию. Приведем пример такого фото в буклете, предлагающем пешие туры по Берлину. Каждая страница буклета посвящена описанию одной экскурсии, и компания предлагает в том числе экскурсию, посвященную жизни Берлина в годы холодной войны. Страница озаглавлена *Behind the Wall. Cold War Berlin* (За стеной. Берлин в годы холодной войны). Для фона заголовка использован насыщенный красный фон. Отметим, что только этот раздел буклета, посвященный холодной войне, имеет фон красного цвета, вероятно, символизирующего социалистический период в жизни Восточной Германии и «красную угрозу» с Востока. Такое символическое толкование цвета становится возможным благодаря прочтению текста, который даёт краткие описания особенностей жизни в ГДР с акцентом на множественные пороки системы. Берлин назван ключевым городом в борьбе за контроль Европы (*the pivotal city in the struggle to control wartorn Europe*) и эпицентром холодной войны (*the epicentre of the Cold War*). Вербальная репрезентация жизни в ГДР включает множественные лексические маркеры вражды, разделения, давления (*behind the wall, most heavily policed state, devious methods under surveillance*), а названия немецкой, советской, американской и британской

разведывательных служб выделены жирным шрифтом и привлекают внимание:

*What was it like to live 'Behind the Wall' in the **GDR**, the eastern bloc's most heavily policed state? Discover the devious methods of the **Stasi** (Eastern German State Security), their systems and devices that kept the entire Eastern German population under surveillance for 40 years. Find out how the **KGB** helped their 'comrades' in their attempt to outwit the **CIA** and **MI6**.* (Выделения жирным шрифтом оригинальные. – Т. Д.)

В верхней части страницы расположена фотография, изображающая человека в военной форме, перепрыгивающего через ограждение из колючей проволоки, однако текст на странице не содержит никаких комментариев к этому фото. Не будем строить догадки, полагают ли составители буклета, что читатель знаком с фото или оно призвано вызвать дополнительный интерес к экскурсии. Мы исходим из того, что в контексте истории Германии фото хорошо известно. На фотографии запечатлен момент, когда восточно-германский солдат Ганс Конрад Шуманн, покинув свой пост по охране границы в период возведения Берлинской стены, бежит из Восточного Берлина на территорию Западного

Берлина. Эта история произошла в 1961 году, а фотография, названная впоследствии «Leap into Freedom» (Прыжок к свободе), приобрела характер прецедентного артефакта и стала символизировать эпоху холодной войны (рис. 6).

Между текстом на странице буклета и фотографией устанавливаются оппозитивные отношения: с текстом связана семантика подавления и несвободы (вспомним выделенные жирным шрифтом названия разведывательных служб и выражение *under surveillance* – под наблюдением), тогда как фотография, её история и название несут семантику неподчинения и освобождения. Текст и фото образуют единое семиотическое целое, успешная интерпретация которого возможна только при определенном уровне фоновых знаний адресата.

2.3. Карты, их функции и фактор адресата

Можно утверждать, что одним из ядерных элементов буклета является карта – практически каждый туристический буклет содержит карту. Наши наблюдения показывают, что существует четыре основных типа карт, которые

Рис. 6. Leap into Freedom (Прыжок к свободе).

Источник: <https://www.mutualart.com/Artwork/Leap-into-Freedom-/C987C70C6D5EE50B>

Fig. 6. Leap into Freedom.

Source: <https://www.mutualart.com/Artwork/Leap-into-Freedom-/C987C70C6D5EE50B>

можно выделить по принципу объекта референции: 1) карты, изображающие схему целого региона. Обычно их можно встретить в буклетах, продвигающих целый регион как туристический объект. Пример – (рис. 7), карта Подляского воеводства, расположенного

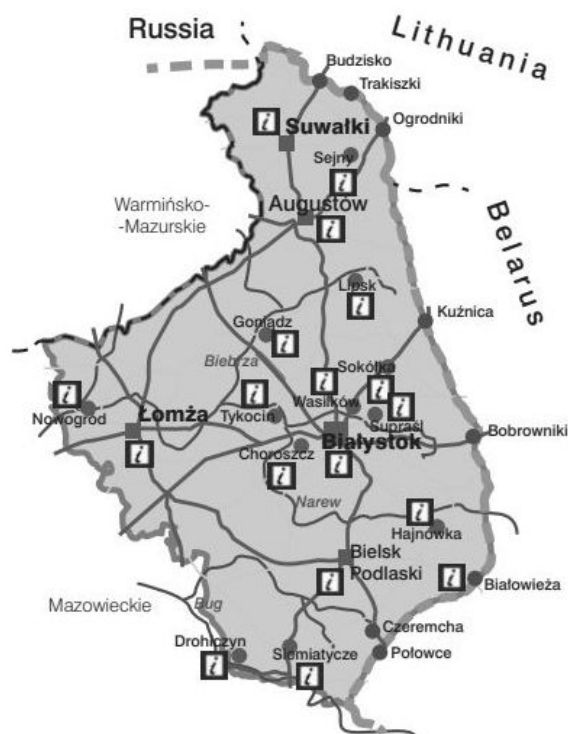

Рис. 7. Карта Подляского воеводства Польши из путеводителя по воеводству. Источник: <https://pb.edu.pl/iro/wp-content/uploads/sites/32/2019/09/PROT.pdf>
Fig. 7. Map of Podlaskie Province in the guide to the province. Source: <https://pb.edu.pl/iro/wp-content/uploads/sites/32/2019/09/PROT.pdf>

на северо-востоке Польши; 2) карты, изображающие весь город или достаточно большой его фрагмент (обычно центральную часть); 3) карты, изображающие отдельный фрагмент города или местности, на котором отмечено местоположение конкретного туристического объекта; 4) «внутренние» карты конкретных объектов, обеспечивающие возможность навигации в ограниченном пространстве (например, схемы музеев, выставок и т. д.).

Карты построены по одному принципу – по принципу максимально схематичного, упрощенного, легко считываемого графического представления некоторого физического пространства и объектов в нем. Так, на рис. 7 граница между странами обозначена ярко-оранжевой пунктирной линией, границы между воеводствами – сплошной голубой линией, крупные населенные пункты – красными квадратами или кружками, пункты информации для туристов – знаками *i*. На карте отсутствуют дополнительные элементы, поскольку

функция карты состоит в утилитарном использовании.

В то же время фактор адресата и тематическая направленность репрезентируемого объекта определяют художественную стилистику карты, цветовую гамму, включение дополнительных элементов. Так, карта Краковского Аквариума (Польша), имеющаяся в нашей коллекции, выполняет не только собственно навигационную функцию, но и функцию просветительскую и развлекательную (К сожалению, мы не можем разместить в статье фото карты по причине отсутствия авторских прав на рисунок и представим словесный анализ.) Поскольку Аквариум – это место семейного отдыха с детьми, карта создана в стилистике комикса или мультфильма: яркие цвета, схема зала с рекомендованным маршрутом (он выделен красным), прорисованные животные с ярлыками-обозначениями. Слева от плана этажа размещена панель зеленого цвета (о природном характере этого цвета мы уже писали) с иконическим изображением компаса, символизирующим путешествия и познание мира. На панели сверху вниз расположены краткие справки о представленных животных. Стилистика этих текстов соответствует общей стилистике буклета и карты: тексты написаны простыми короткими предложениями и предлагают только самую важную или интересную информацию о животном, сохраняя, однако, минимальную научную терминологию. Например:

Kameleon

Potrafią zmieniać barwy ciała w zależności od nastroju lub stanu fizjologicznego.

(Хамелеоны)

Mogut zmieniać kolor ciała w zależności od nastroju lub fizjologicznego stanu.

Интересны и дополнительные оформительские элементы, например, фон, стилизованный под старинную бумагу с эффектом патины, на которую нанесены линии меридианов и пиктографические элементы, изображающие людей, а также синие знаки-иконки, обозначающие лестницы, стол информации, туалеты. Очевидно, что страница буклета с картой образует единый семиотический комплекс, ориентированный в большей степени на детское восприятие и реализующий сразу несколько функций – навигационную, просветительскую и развлекательную, выполнение которых становится возможным за счет поликодовости текста. Таким образом, фактор адресата определяет состав и организацию задействованных языковых и неязыковых ресурсов.

Заключение

Поскольку для современной коммуникации характерна мультимодальность в разных формах и видах, теория речевых жанров должна развиваться в сторону включения мультимодального анализа в свою парадигму и разработки последовательного алгоритма такого анализа. Теория речевых жанров на данный момент предлагает устоявшуюся модель анализа, но она методологически недостаточна для поликодовых жанров. Аспект «языковое воплощение» требует переименования и дополнения посредством обращения к другим семиотическим ресурсам и типам взаимодействия между языковым и неязыковым компонентами. При исследовании речевых жанров, осложненных визуальными элементами, недостаточно только указаний на наличие таковых. С одной стороны, требуется декомпозиция изображений на более мелкие единицы и их интерпретация в привязке к различным аспектам жанра – коммуникативной цели, диктуму и модусу, факторам автора и адресата. С другой стороны, для понимания семиотических комплексов важен

их синтаксис – взаимосвязь (семантическая и формальная) между элементами, актуализированными разными кодами, а также между элементами жанра и прагматикой (социокультурной средой, фоновыми знаниями автора и адресата). Для комплексных жанров актуальны также и интертекстуальные связи между жанрами в его составе, причем эти связи могут носить кросс-кодовый характер, когда интертекстуальная связь устанавливается между элементами разных семиотических систем, вербальной и невербальной. Применение некоторых приемов мультимодального анализа мы показали на примере комплексного жанра туристического буклета, который представляется жанром достаточно «неудобным» для анализа в силу смешения кодов, разнообразия тематической направленности, объема, а также варьирующейся композиции. Думаем, однако, что именно обращение к сложному неканоническому материалу может способствовать дальнейшему развитию теории жанров речи. Разработка стройной модели анализа поликодовых жанров и ее утверждение как методологического инструмента еще ждут своего часа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Загидуллина М. В. Мультимодальность: к вопросу о терминологической определенности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31). С. 181–188.
2. Кожелякин Е. А. Мультимодальный медиадикурс: методологические вызовы // Современные направления в лингвистике и преподавании языков : проблема метода : сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. I. Методы в лингвистике / под общ. ред. Т. В. Дубровской. Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. С. 19–24.
3. Загидуллина М. В. Язык как «семиотический ресурс» в конкурентной среде: неизбежность трансдисциплинарности в изучении современной коммуникации // От дифференциации наук – к трансдисциплинарности : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 250-летию Александра фон Гумбольдта / под ред. И. П. Амзаракова. Абакан : Хакассский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2019. С. 21–26.
4. Кибрик А. А. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 1. С. 70–80.
5. Bateman J. A. Multimodality and genre: A foundation for the systematic analysis of multimodal documents. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2008. 312 p.
6. Kress G. Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication. L. ; N. Y. : Routledge, 2010. 236 p.
7. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1996. С. 250–296.
8. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
9. Покровская Е. А., Дудкина Н. В., Кудинова Е. В. Речевые жанры в диалоге культур. Ростов н/Д : Foundation, 2011. 200 с.
10. Рябцева Э. Г. Визуальная информация в текстах рекламного дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : сб. науч. тр. Вып. 16. Орёл : ООО «Горизонт», 2019. С. 76–86.
11. Горошко Е. И., Павлова Л. В. Трансформация текста под воздействием жанровой системы социальных медиа сервисов коммуникативного интернет-пространства (на материале англоязычных политических сайтов) // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 122–136.
12. Дубровская Т. В. «Любови достойна только мать и Гелендваген 5.5»: пацанская лирика как жанр молодёжного интернет-дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 56–65 <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-56-65>
13. Щурина Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 156–168. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168>
14. O'Halloran K. L. Introduction // Multimodal discourse analysis. Systemic-functional perspectives / ed. K. L. O'Halloran. L. ; N. Y. : Continuum, 2004. P. 1–7.
15. Norris S. Analyzing multimodal interaction: A methodological framework. N. Y. ; L. : Routledge, 2004. 177 p.
16. Прохоров В. В. Власть и свобода журналистики. М. : Флинта ; Наука, 2012. 240 с.
17. Шмелева Т. В. Жанр в современной медиасфере // Шмелева Т. В. Медийное речеведение : сборник статей. URL: http://www.medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394527055_0816.pdf (дата обращения: 12.05.2021).
18. Dubrovskaya T. V. The tourist booklet as a genre of professional discourse: Interaction with the customer //

Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5, iss. 2. P. 37–50.

19. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2005. 944 с.

20. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

21. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. 616 с.

22. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М. : Логос, 2000. 448 с.

23. Гиниятова Е. В. Реклама в коммуникационном процессе : учеб. пособ. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2009. 79 с.

24. Kress G., Leeuwen T. van. Colour as a semiotic mode: Notes for a grammar of colour // Visual Communication. 2002. № 1 (3). P. 343–368.

REFERENCES

1. Zagidullina M. V. Multimodality: The terminological issue. *Sign: Problematic Area of Media Education*, 2019, no. 1 (31), pp. 181–188 (in Russian).

2. Kozhemyakin E. A. Multimodal discourse: Methodological challenges. *Modern developments in linguistics and language teaching: 3rd International conference proceedings: in 2 volumes*. T. V. Dubrovskaya, ed. Vol. I. Methods in linguistics. Penza, Penza State University, 2019, pp. 19–24 (in Russian).

3. Zagidullina M. V. Language as a “semiotic resource” in a competitive environment: inevitable transdisciplinarity in modern communication studies. In: I. P. Amzarakov, ed. *From research differentiation to transdisciplinarity: All-Russia conference to mark A. von Humboldt 250th anniversary*. Abakan, Khakass State University named after N. F. Katanov, 2019, pp. 21–26 (in Russian).

4. Kibrik A. A. Russian multichannel discourse. Part 1. Posing the problem. *Psychological Journal*, 2018, vol. 39, no. 1, pp. 70–80 (in Russian).

5. Bateman J. A. *Multimodality and genre: A foundation for the systematic analysis of multimodal documents*. New York, Palgrave Macmillan, 2008. 312 p. (in Russian).

6. Kress G. *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. London, New York, Routledge, 2010. 236 p.

7. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. In: *Estetika slovesnogo tvorчества. 2-e izd.* [Toward the aesthetics of the word. 2nd ed.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1996, pp. 250–296 (in Russian).

8. Shmelyova T. V. Speech genre model. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, pp. 88–98 (in Russian).

9. Pokrovskaya E. A., Dudkina N. V., Kudina E. V. *Rechevyje zhanry v dialoge kultur* [Speech genres in the dialogue of cultures]. Rostov-on-Don, Foundation Publ., 2011. 200 p. (in Russian).

10. Ryabtseva E. G. Visual information in texts of advertising discourse. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse. Vyp. 16* [Genres and text types in scientific and media discourse, iss. 16]. Oryol, Gorizont Publ., 2019, pp. 76–86 (in Russian).

11. Goroshko E. I., Pavlova L. V. Text transformation caused by genre system of social media services in the Internet communicative space (based on English language political websites). *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 122–136 (in Russian).

12. Dubrovskaya T. V. “Only Mother and Geländewagen 5.5 Deserve Love”: Busters’ Lyrics as a Genre of the Youth Internet Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 56–65 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-56-65>

13. Schurina Y. V. Genre individuality of Instagram social net. *Speech Genres*, 2016, no. 1(13), pp. 156–168 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168>

14. O’Halloran K. L. Introduction. In: O’Halloran K. L., ed. *Multimodal discourse analysis. Systemic-functional perspectives*. London, New York, Continuum, 2004, pp. 1–7.

15. Norris S. *Analyzing multimodal interaction: A methodological framework*. New York, London, Routledge, 2004. 177 p.

16. Prozorov V. V. *Vlast i svoboda zhurnalistiki* [Power and freedom of journalism]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012. 240 p. (in Russian).

17. Shmelyova T. V. Genre in the modern media. In: Shmelyova T. V. *Medijnoe rechevedenije: sbornik statei* [Media genre studies: collection of articles]. Available at: http://www.medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394527055_0816.pdf (accessed 12 May 2021).

18. Dubrovskaya T. V. The tourist booklet as a genre of professional discourse: Interaction with the customer. *Training, Language and Culture*, 2021, vol. 5, iss. 2, pp. 37–50.

19. Krysin L. P. *Tolkovyj slovar inoyazychnukh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 944 p. (in Russian).

20. Fedosyuk M. Y. Unsolved problems in speech genre theory. *Voprosy yazykoznanija* [Issues in Language Studies], 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).

21. Barthes R. *Izbrannyje raboty: Semiotika. Poetika* [Selected papers: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p. (in Russian).

22. Peirce Ch. S. *Izbrannyje filosofskie proizvedenija* [Selected papers in philosophy]. Moscow, Logos Publ., 2000. 448 p. (in Russian).

23. Giniyatova E. V. *Reklama v kommunikatsionnom protsesse* [Advertisement in communication process]: teaching manual. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2009. 79 p. (in Russian).

24. Kress G., van Leeuwen T. Colour as a semiotic mode: Notes for a grammar of colour. *Visual Communication*, 2002, no. 1 (3), pp. 343–368.

Поступила в редакцию 12.08.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 07.10.2021

The article was submitted 12.08.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 07.10.2021

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 262–271

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 262–271

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-262-271>, EDN: VFFBTK

Научная статья

УДК 811.161.1'27

Анафема: трансформация жанра в секулярную и постсекулярную эпохи

А. В. Карабыков

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Россия, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4

Карабыков Антон Владимирович, доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры философии, meavox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9675-5429>

Аннотация. Цель статьи – дать очерк тех многосторонних изменений, которым подвергся речевой жанр анафемы в русской культуре XIX–XXI вв., и пролить свет на их причины. Так как анафема принадлежит к сакральным перформативам, прагматическая успешность которых прямо зависит от набора метафизических воззрений, свойственных Средневековью, – то на примере данного жанра в общих чертах прослеживается судьба всей этой подсистемы в условиях глобальных духовных сдвигов Модерна и Постмодерна. Доказывается, что, хотя анафема не вышла из употребления в Русской церкви, она претерпела жанровую консервацию в одном направлении и гибридизацию в другом, а также серьёзное теологическое переосмысление. Этот последний процесс начался после отлучения от Церкви Л. Н. Толстого (1901) – события, имевшего необычайный резонанс в начале XX в. В связи с ним анализируется «Определение Святейшего Синода» – ключевой перформатив, которым было создано это событие и который стал новой вехой в жанровой истории русско-православной анафемы. Показывается, что этот, как и последующие документы данного типа, в своей жанровой специфике определялись мировоззренческим фоном эпохи, памятью жанра и рядом второстепенных факторов.

Ключевые слова: сакральные перформативы, условия успешности, гибридные жанровые формы, отлучение Л. Толстого, секуляризация

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

Для цитирования: Карабыков А. В. Анафема: трансформация жанра в секулярную и постсекулярную эпохи // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 262–271. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-262-271>, EDN: VFFBTK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Anathema: Transformation of the genre in the secular and postsecular eras

A. V. Karabykov

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol, Republic of Crimea 295007, Russia

Anton V. Karabykov, meavox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9675-5429>

Abstract. The purpose of the article is to give an outline of those multilateral changes which the speech genre of anathema has undergone in Russian culture of the XIX–XXI centuries, and to shed light on the causes of these changes. Since anathema belongs to sacred performatives, whose pragmatic success directly depends on a set of metaphysical views peculiar to the Middle Ages, the fate of their entire subsystem in the conditions of global spiritual shifts of Modern and Postmodern eras is traced by means of an example of that genre. It is proved that, although anathema has not gone out of use in the Russian Church, it has undergone genre conservation in one direction and hybridization in another, as well as a serious theological rethinking. This latter process began after the excommunication of Leo Tolstoy (1901), the event that had an extraordinary resonance in the early twentieth century. In connection with it, “The Definition of the Holy Synod” is analyzed. It was the main performative which created that event and became a new milestone in the genre history of

the Russian-Orthodox anathema. It is shown that this, as well as subsequent documents of that type, were determined in its genre specificity by the contemporary worldview context, the memory of the genre and a number of secondary factors.

Keywords: sacred performatives, felicity conditions, hybrid genre forms, excommunication of L. Tolstoy, secularization

Acknowledgments. Research for this work was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project № 20-011-00622 “Philosophy as action: the pragmatics of textual conduct”.

For citation: Karabykov A. V. Anathema: Transformation of the genre in the secular and postsecular eras. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 262–271 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-262-271>, EDN: VFFBTK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение: метафизика церковного проклятия

Анафема (от греч. ἀνάθεμα) – речевой жанр, принадлежащий к типу сакральных перформативов¹. Согласно классическому определению перформатива, это «высказывание, эквивалентное действию, поступку», которое «входит в контекст жизненных событий, создавая социальную... или межличностную ситуацию, влекущую за собой определённые последствия» в реальности [1: 372]. Соответственно, сакральными я называю перформативы, создающие такие ситуации, одним из участников которых являются незримые, духовные существа: Бог, духи или языческие «боги». И, если говорить о традиционном – архаическом и средневековом – сознании, не знавшем строгого разделения реальности на социокультурную и природную сферы, то в его понимании последствия этих коммуникативных событий могли выходить за пределы социокультурной области, прямо влияя на бытие в целом и природный мир в частности. В силу понятных причин сакральные перформативы, поддерживаемые, кажется, всеми традиционными культурами, выходили из употребления, когда те обмирщались и модернизировались.

Если говорить о проклятии, чьей церковно-институализованной формой служит анафема, то, как и в случае с благословением, позитивным антиподом проклятия, действенность этого перформатива связана с представлением о творческой силе Бога. Она даруется человеку в благословении, наполняя земным благополучием и изобилием даров его жизнь, и отнимается в проклятии, оставляя человека обнаженным перед стихиями мира. Сверх того, в отдельных образцах этого жанра, наиболее близких к магическим

заклинаниям, божественная энергия меняет своё качество: из созидательной и животворящей она превращается в деструктивную и умерщвляющую. В качестве иллюстрации можно привести житийный мотив проклятия, совершаемого святым по отношению к досаждающим ему нечестивцам. Восходящий к ветхозаветным прообразам², он был распространён и на католическом Западе, и на православном Востоке. К примеру в житии Иакова Низибийского, созданном в V веке Феодоритом Кирским, рассказывается, как однажды этот святой шёл вдоль берега реки, где немного поодаль занимались стиркой молодые женщины. Завидев аскета, они нарочно по сильнее оголились, чтобы привести его в смущение и посмеяться над ним. «Человек Божий, вознегодовав на это и желая при этом случае показать силу Божию, чтобы чудом поразить нечестие, проклял поток, – и вода в нём тотчас иссохла». Не вполне удовлетворённый карой, он «наказал также за бесстыдство девиц, призвав на главы их преждевременные седины, – за словом его тотчас последовало дело (курсив мой. – А. К.) – исчез чёрный цвет их волос» [2: 14–15].

В отношении метафизической основы церковного проклятия – анафемы, имевшей более теологически отрефлектированный характер, – необходимо сделать уточняющее дополнение. В свете христианского богословия зло является не самостоятельной сущностью, но умалением, утратой добра, тождественного бытию, вследствие удаления от Бога, подателя жизни. Церковь же вмещает в себя полноту энергийного присутствия Божества в земном мире. Потому отпадение от Церкви означает выход из той сферы, где преимущественным образом действуют благодатные силы Бога.

¹Я исхожу из классического, бахтинского, определения речевых жанров как устойчивых моделей, по которым люди строят высказывания в разнообразных, относительно устойчивых ситуациях общения. Приоритетным признаком жанра, выявляющим его своеобразие, считаю прагматику. В согласии с этим взглядом, в каждом жанре можно выделить ключевой для него речевой акт (или акты) и далее в этом акте иллюкутивную цель.

²См., в частности: 4 Цар. 2:24.

Зримым символом этого отпадения, как правило, служит физическое угасание, немощь, смерть. Важно заметить, что люди совершают его по собственной воле, позволив дьяволу ввести себя в заблуждение. Являясь мистическим и вместе социальным институтом, Церковь, с одной стороны, фиксирует акт отпадения от неё своим постановлением, но с другой – используя данную ей «власть ключей»³, придаёт ему завершённость, совершает ответное отречение от отступника. Так, по регламенту, принятому в XIII веке киевским митрополитом Кириллом, анафеме подлежали те, кто устраивал кулачные бои и прочие игрища в дни церковных праздников, демонстрируя тем самым свою чуждость Церкви. И что особенно существенно, погибшим в них грозило вечное проклятие, а не просто констатация их греховности в час смерти (ср.: «да будут прокляты в сий век и в будущий»)⁴ [4: 183]. Аналогичное воззрение на анафему как равнозначную проклятию, т. е. почти магически активный акт, также встречаем в «Просветителе» Иосифа Волоцкого. Обсуждая казусы анафематствования «не по воле Божией», этот церковный деятель XV–XVI веков увещает: всякий, «кто недостойно проклянет кого-либо или свяжет – сам себя проклянет и свяжет... Божий суд не следует ни патриаршему, ни епископскому суду – не только неблагословению и отлучению, но и проклятию, если проклятие это без вины. Ты видишь, что Божий суд не следует еретическому проклятию, но клятва еретиков на них возвращается» [5: 347]. Чтобы проиллюстрировать свой тезис, Иосиф повествует о некоем пресвитере, который, стоило ему проклясть из зависти одного праведника, тотчас подвергся нападению «множества бесов», навсегда обездвигивших его руки [5: 346]⁴.

Угасание сакрального перформатива

Метафизические воззрения, фундировавшие сакральные перформативы, утратили релевантность в секуляризованной культуре Модерна, что обусловило выпадение этих форм из жанровой системы⁵. Но жанры,

институализованные Церковью, остались в поле собственных ей дискурсивных практик, неся на себе печать двусмысленности, отличавшую всё сакральное в контексте новой, обмирщённой, картины мира. Под влиянием такого контекста анафема и близкие ей перформативы даже в самой Церкви не могли не подвергнуться трансформации. В отношении анафемы этот процесс обнаружил себя в нескольких формах. Одной из них стала *консервация* – снижение частотности жанра, сокращение, вплоть до исчезновения, новых случаев анафематствования и, как следствие, «застывание» конкретного текста, воспроизводимого каждый год в неделю Торжества православия. Введённый в русский богослужебный устав в XVI веке, этот текст дополнялся затем именами еретиков, а позже и государственных преступников. Но в XIX веке он сокращается и обезличивается: с 1801 года из него исключают имена еретиков, а с 1869 – всех преступников, обобщённых формулой «держатые на бунт» против самодержцев [6: 277–278]. Ещё одной формой преобразования анафемы явилась богословско-теоретическая *реинтерпретация* его прагматики и содержания. Квинтэссенция этого жанра постепенно свелась к простой фиксации чьей-либо апостазии, что придало анафеме по преимуществу констативный характер «Анафема – это только подтверждение того факта, что человек, противопоставляющий учению Церкви грёзы своего гордого ума, уже отпал от Церкви», – учит архимандрит Рафаил Каверин [8: 313]. «Отлучение от Церкви и есть диагноз: душа человека поражена гангреной», – вторит ему другой современный автор, приводя как образец подлинно православной анафемы знаменитое отлучение Л. Н. Толстого [9: 307, 303–308]⁶.

Сколь бы неизменной в православной традиции ни представляли такую констативно-воспитательную анафему сегодня, это была в действительности очень поздняя трансформация. Она не должна скрывать от нас факт, что в ранней и средневековой Церкви – и на Востоке, и на Западе – анафема мыслилась

³О понятии «власти ключей» см.: [3: 196–205].

⁴Забегая вперёд отмечу, что примеры из русской культуры я привёл преднамеренно, чтобы показать несостоятельность анахронической, на мой взгляд, точки зрения, разделяемой сегодня некоторыми православными авторами о гуманистски-воспитательном пафосе анафемы в православной традиции, в отличие от её католического варианта. Ср.: «В Православии церковная А. (здесь и далее анафема. – А. К.) представляет собой... “врачующий” акт изоляции от сообщества верующих, акт воспитательный и в отношении анафематствованного и в отношении сообщества верных. А. применяется после неоднократных тщетных попыток вызвать у совершившего преступление покаяние и с надеждой на покаяние и возвращение его в церковное общение в будущем, а следов[ательно], и на спасение его. Католич[еская] традиция продолжает считать А. проклятием и утратой надежд на спасение» [6: 275].

⁵Развёрнутый анализ этой темы см.: [7: 264–306].

⁶Этот же автор, «ранний» о. Андрей Кураев, похоже, и ввёл после знакомства с делом Толстого ошибочную идею, подхваченную затем рядом прочих апологетов, о православной анафеме как сугубо педагогической мере (см. предыдущее примечание): «Итак, слово “анафема” имело смысл “проклятия” только в иудаизме и, отчасти, католичестве, но отнюдь не в Православии» [9: 307].

как сакральный и даже магический⁷ перформатив. Институализованное проклятие прежде всего являлось карой, и только потом констатацией. Мы убедились в этом при знакомстве с церковными законами и агиографическими сюжетами. Об этом же с предельной ясностью говорят слова Августина: «*Damnatio... qua poena in ecclesia nulla maior est*» – «Проклятие..., больше которого в Церкви нет кары» [10]⁸. Можно сказать с ещё большей решительностью: люди Средних веков воспринимали анафему как символическую казнь, в результате которой человек считался духовным, а часто и гражданским мертвецом, поскольку это церковное действие чаще всего влекло за собой социальные санкции: поражение в правах, преследование и, возможно, казнь [12: 421]⁹.

Ещё одним новшеством, которое претерпела анафема в процессе секуляризации, было *изменение прагматики жанра и, как следствие, появление гибридных форм*, в которых черты традиционно-средневековой анафемы соединяются с элементами смежных жанров, поддерживаемых светской культурой: приговором, указом, постановлением и т. п. Вопреки теоретическому образу анафемы, начертанному православными апологетами XX–XXI веков, она не стала, да и не могла стать констативным жанром. В конце концов, в каждом описывающем реальность высказывании есть перформативный модус (*я утверждаю/сообщаю, что р*). Чаще всего он имплицитен, но в этих гибридных формах вполне выражен. Чтобы увидеть это, обратимся к документу, чьё появление ознаменовало новую веху в истории православной анафемы. Я говорю о тексте, имеющем пространное название: «Определение Святейшего Синода от 20–23 февраля 1901 г. № 557 с посланием верным чадам Православной Греко-Российской Церкви о графе Льве Толстом». Этот церковный документ был необычен тем, что из сакрального перформатива он превратил анафему в канцелярско-бюрократический перформатив. Традиционное церковное проклятие отливало в формулу «*имярек да будет анафема*» (*ἀνάθεμα ἔστω*), т. е. «да будет отлученным (проклятым)», которая со вре-

менем дополнилась вариантами «*имярек – анафема*» и «*анафематствую(-ем) имярек и/или его ересь*» [6: 276]. Тем временем Определению перформативность сообщается прежде всего одним из заключительных речевых актов, а именно: «*Ныне о сем (т. е. о том, что «Церковь не считает своим членом» Льва Толстого. – А. К.) свидетельствуем пред всею Церковью к утверждению правосостоящих и вразумлению заблуждающихся* (выдел. мною. – А. К.), особенно же *к новому вразумлению самого графа Толстого*» [13]. Как видим, этот перформатив имеет преимущественно нотариальный и назидательный пафос. Его действенная сила много более скромна, чем у классических формул традиционной анафемы, ибо в этом свидетельстве акцент приходится не на сам акт, а на предмет свидетельствования, запечатленный в диктумной части высказывания (*свидетельствуем, что р*). И тут же, обратив внимание на скорбь близких Толстого из-за его духовного состояния, которое, став официально зафиксированным этим документом, не сможет быть изменено без официальных же процедур, авторы Определения дополняют свой канцелярский перформатив другим, теперь традиционно-христианским: молитвой. Помимо прояснения мотива, они предваряют молитвословие ремаркой, указывающей на возможную неокончателность состояния Толстого и, соответственно, дающим надежду всем о нём скорбящим: «Посему, свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние в разум истины (2 Тим. 2:25). Молимся, милосердый Господи, не хотяй смерти грешных, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь» [Там же].

Перформативная ущербность Определения

Усилиями апологетов РПЦ «Определение Святейшего Синода» стало хрестоматийным примером типичной православной анафемы только в конце XX века. Напротив, в начале столетия если не все, то большинство знакомившихся с документом видели в нём

⁷Способный прямо воздействовать на бытие; понятие церковно-христианского магизма раскрыто в работе [7: 166–183].

⁸Ср. подобные по смыслу слова константинопольского иерарха Иоанна Златоуста: «...Анафема не то ли значит, чтобы такой-то был предан дьяволу, не имел участия во спасении, был отвержен от Христа?» [11: 220–221].

⁹В уже цитированной статье из современной официально-церковной «Православной энциклопедии» после слов о «врачующем» свойстве анафемы в Православии, всегда связанной с «надеждой на покаяние и возвращение» отлучённого в церковное лоно, К. А. Максимович не обходит молчанием то, что «наказание еретиков и раскольников в Патриарший период (русской истории. – А. К.) не ограничивалось А[нафемой] – она, как правило, дополнялась либо телесными (в том числе членовредительскими) наказаниями, либо изгнанием и заточением, а зачастую и смертной казнью через сожжение (последняя применена к “жидовствующим” в 1504, по отношению к раскольникам старообрядцам узаконена царским указом от 1684)» [6: 277]. Не являются ли в таком случае утверждения о врачующем и воспитательном характере анафемы фальшью?

его жанровую проблематичность. Дело в том, что в плане жанрового содержания и прагматики Определение было беспрецедентным текстом в культурном мире русского православия. С другой стороны, в этом рушившемся мире была всё ещё жива память о традиционной анафеме. По этой причине она явилась нормативным образцом, с которым неизменно и само собой сопоставлялось Определение. И столь же естественно, что их явные расхождения вызывали массу недоумений относительно того, как именно следует понимать и классифицировать этот документ, определяющий церковный статус Толстого.

Применив к Определению критерии, по которым чаще всего определяют степень успешности перформативов, его нельзя признать вполне удавшимся [14: 26–35]. Войдя в детали созданного им события, мы убеждаемся в невыполненности или неполном исполнении условий, детерминирующих качество перформатива. В частности, со стороны авторов документа – команды амбициозных иерархов, мечтавших о выходе Церкви из-под начала царской администрации посредством реставрации патриаршества, – мы видим серьёзные колебания и затянувшуюся интригу в связи с выбором процедуры отлучения [15: 452–485; 16: 223–244]. Так что в итоге конвенциональная процедура, предусмотренная традицией, но очень долго не использовавшаяся (вне чина Торжества православия), была заменена уклончивым новоделом. Это породило недоверие к документу, повредив его действенность. Промедление синодалов обуславливалось неясностью в отношении того, какие интенции полагалось обнародовать им относительно дела Толстого. Говоря упрощённо, они видели, что идеальная интенция, предполагаемая традиционной анафемой, будет неуместной в этой ситуации: одиозной не только с позиций политкорректности, но и вообще в контексте обмирщённой, гуманистической культуры времени *fin de siècle*. Надлежало эксплицировать иные намерения, проросшие из почвы новой чувствительности: филантропной сострадательности, толерантности, благоразумия. Но для такого выражения у Русской церкви не было жанровых средств, уместных в том столь необычном положении. Пришлось изобретать, прибегнув к адаптации и комбинированию форм, имевшихся в сакрально-церковной и государственно-административной практике.

Это ухищрение заметил едва ли не каждый, кто следил за происходившим. В первую

очередь сам Толстой. Встретив известие о выходе Определения¹⁰ вопросом: была ли провозглашена анафема?, он выразил неудовольствие, когда узнал, что нет, а в целом же остался равнодушным [17: 223; 18: 426]. Немного позже, взявшись за ответ Синоду, он не преминул сразу заявить о некорректности использованной процедуры, построенной на подмене единственно уместной анафемы плеонастическим «заявлением»: «Оно (Определение. – А. К.) незаконно или умышленно двусмысленно – потому, что если оно хочет быть отлучением от церкви, то оно не удовлетворяет тем церковным правилам, по которым может произноситься такое отлучение; если же это есть заявление о том, что тот, кто не верит в церковь и ее догматы, не принадлежит к ней, то это само собой разумеется, и такое заявление не может иметь никакой другой цели, как только ту, чтобы, не будучи в сущности отлучением, оно бы казалось таковым, что собственно и случилось, потому что оно так и было понято» [19: 245–246]. Как видим, отлучённый ставит на вид обществу и синодалам, по его мнению, два главных недостатка совершённого перформатива: откровенное нарушение принятой в таких случаях процедуры и/или расхождение намерений её субъектов с нормативными интенциями, которые, на его взгляд, подразумевались избранным ими жанром. И так как первая претензия явно формальна (иерархи просто не могли ошибиться в выборе процедуры), то действительный выпад касался прагматических манипуляций с жанром.

Позже некоторые авторы Определения ещё более запутали ситуацию, акцентируя в комментариях констативность своего документа. Чтобы выразить его суть, они дали ход термину «отпадение», призванному стусевать привычное отлучение [15: 496–497]. Отпадение называло ключевое событие, которое случилось с Толстым без их ведома и участия и которое они только задокументировали – пусть и с конкретными церковно-правовыми последствиями: запретом на церковное погребение, поминовение за богослужением и проч. «В своем послании... Синод засвидетельствовал лишь существующий факт (курсив мой. – А. К.), и потому негодовать на него могут только те, которые не разумеют, что творят», – наставлял обидевшуюся на Церковь жену писателя митрополит Антоний Вадковский [20: 294]. Епископ Сергей Старогородский, ставший впоследствии патриархом, пошёл ещё далее, заявив, что

¹⁰ Синодальный документ был обнародован в газете «Церковные ведомости» 24 февраля 1901 года и на следующий день был перепечатан в центральной прессе. Сама дата публикации была выбрана так, чтобы не совпадать с днём праздника Торжества православия, который выпал в том году на 18 февраля, и вместе с тем быть рядом с ним, как само Определение с анафемой.

синодальный документ в самом деле близок к анафеме, но только её почему-то трактуют совсем не так, как следует: «Анафема никогда (курсив мой. – А. К.), по существу своему, не была орудием кары, как бы некоторым отмщением грешнику за совершённый грех» [цит. по: 21: 143]. По словам иерарха, она «всегда имела в виду или исправление грешника» или, если это было невозможно, «оповещением церковного общества» о появившейся ереси в целях его защиты [Там же]. Нет нужды повторно доказывать голословность этих суждений, которые внесли свою лепту в создание ложного образа жанра, утвердившегося в конце XX века, когда реальный его образ уже стёрся из культурной памяти русских.

В отличие от Толстого и многих других современников, отмечавших «иезуитское влияние»¹¹ синодалов в вопросе о сущности Определения и его канонических следствий, В. В. Розанов увидел в церковном акте ещё одну нестыковку. Он, как и многие, считал, что в той ситуации самым уместным было честное анафематствование. Но дело в том, что оно просто не могло быть совершённым теми лицами, чьими усилиями вышло в свет Определение. На его взгляд, они не воплощали собой волю и глас Церкви: «Синод не есть религиозное учреждение, почти не есть, очень мало есть, – писал скандальный литератор, который сам позднее чуть было не подвергся отлучению. – Отсюда прозаичность бумажки о Толстом, им выпущенной: Синод не умеет религиозно говорить» [23: 290]. Это его бессилие особенно очевидно в столкновении с огромным религиозным феноменом, которым явился «поздний» Толстой. Глубокое различие обеих сторон конфликта, по Розанову, предопределило неудачу канцелярского перформатива синодалов: «Все это чувствовали и все остались холодны к решению, безотчётно чувствуя, что в нём нет ни святости, ни религиозности» [23: 291].

Бесспорно, Розанов погорячился, говоря о всеобщей холодности. Помимо образованной и полуобразованной публики, отнёсшейся «со смехом к отлучению Толстого» (А. П. Чехов), и многочисленных поклонников, с восторгом поддержавших опального романиста, поднялся голос из среды «глубинного» народа [24: 213]. Узнавая об Определении в основном понаслышке, его представители понимали церковный акт почти исключительно как анафему, причём зачастую в самом

магически-действенным смысле. Такова была память жанра, освежаемая чином Торжества православия, ритуальные анафематствования которого они воспринимали тоже по-средневековому. По словам архиепископа Никанора Бровковича, ссылавшегося в 80-х годах XIX века на свидетельство знакомого чиновника, «народ наш называет этот обряд не православием, а проклятием: пойдем, говорит он, на проклятие. И в самом деле, этому обряду дана такая мрачная обстановка, что он слишком выдаётся вперед своею грозною стороною, “проклятием”...» [цит. по: 25]. Не удивительно, сразу нашлось немало тех, кто, посчитав Толстого преданным проклятию, решил, что обращаться с ним отныне следует соответственно. Когда спустя полтора месяца со дня постановления Толстой писал ответное письмо Синоду, он указал на волну ненависти «в людях непросвещенных и нерассуждающих», поднятую этим документом: «“Теперь ты предан анафеме и пойдешь по смерти в вечное мучение и издохнешь как собака, анафема ты, старый чорт... проклят будь”, пишет один. Другой делает упреки правительству за то, что я не заключён ещё в монастырь, и наполняет письмо ругательствами. Третий пишет: “Если правительство не уберёт тебя, – мы сами заставим тебя замолчать”; письмо кончается проклятиями. (...) Признаки такого же озлобления после постановления синода я замечаю и при встречах с некоторыми людьми» [19: 246–247]. Тогда же по провинциальным церковным газетам и в монастырских беседах пошли слухи о видениях и негативных чудесах, обнаруживавших «подлинный», сатанинский облик «трехояканого графа» [26: 306–307]. Как и во многих происшествиях заката Русского царства, в деле Толстого, встретившись, столкнулись две России: полусредневековая, народная и обмирщённая, и интеллигентская – со спектром промежуточных форм между ними.

Возвращение анафемы

В конце XX столетия, после безвластия в советскую эпоху, Русская церковь стала восстанавливать свою институциональную автономию и административные полномочия. Турбулентность и внутренние конфликты, отличавшие этот процесс, побудили вспомнить его участников о высшей дисциплинарной мере, предлагаемой традицией. Анафема стала снова востребованной. Но какое жанровое

¹¹ Это фраза зятя писателя М. С. Сухотина, вовсе не симпатизировавшего толстовству. Он отмечал: «Я слышал от церковников, когда им указывают на неправильное отлучение Л. Н. от церкви (главным образом с процессуальной стороны), что его никто и не отлучал, а было просто со стороны церкви удостоверение, что его убеждения такие-то несовместимы с наименованием сына православной церкви. Таким образом, будто бы не церковь отлучила Л. Н., а он сам себя отлучил, а церковь только об этом свидетельствует» [22: 159].

обличье она приняла в этот раз? В общем и целом это были те же «бумажные» перформативы канцелярий, что и Определение синода, а не храмовые действия в духе Торжества православия. Однако с первых отлучений Архиерейского Собора 1997 года мы замечаем, пусть и скромную, тенденцию к усилению в них исходного, «анафемного» момента. Если авторы Определения постарались отдалить свой документ от формы и прагматики традиционного жанра, избегая самих терминов «анафема», «проклятие» и даже «отлучение», то в эти новые постановления и указы вернулась древняя формула: *«имярек да будет анафема»*. Словом, теперь, как встарь, всё стали снова называть своими именами, но только в силу кардинальной разницы в ментальностях, едва ли с теми же метафизическими импликациями. Вот пример финальной формулы из «Акта об отлучении от Церкви Глеба Павловича Якунина», принятого тогда же: *«Освященный Архиерейский Собор, расследовав антицерковную деятельность бывшего священника Глеба Якунина, на основании 28-го Апостольского правила (далее идут формулировки этого и прочих канонов. – А. К.)... единогласно определяет: Отлучить Глеба Павловича Якунина от Церкви Христовой. Да будет он анафема перед всем народом»* [27: 399]. Чего не хватает этому перформативу, чтобы стать классической анафемой, – это претензии на его действенность в вечности.

Пройдёт ещё немного времени, и в официальном дискурсе Церкви, хотя и в виде маргинального явления, возникнут более средневековые выражения и интенции. Они теснее свяжут архиерейские указы с анафемами времён их жанрового расцвета, который был особенно ярким на Западе. Не знаю, можно ли найти образчик этой медиализации красноречивее, чем тот, что был написан в канцелярии одесского митрополита УПЦ МП Агафангела Саввина. *«Определением Нашим от 21 июня 2005 года, – гласит решающая формула Агафангелова указа, – ...священник Василий Время лишается всех степеней священного сана, ибо утратил залог Благодати Духа Святаго, преподанного ему в день хиротонии в сан священника, о нем же будет истязан во Второе и Страшное Пришествие Великого Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Да будет проклят клятвопреступник Василий Время и его дом»* [28]. Затем исторгнутый из сана признаётся *«находящимся вне Православной Церкви»*, а часть сельской паствы, ставшая на сторону священника в конфликте с архиереем, получает колоритную угрозу: *«Дети у них останутся некрещеными, усопшие будут мучаться*

(sic!), таинства, совершаемые лишенным сана Василием Время, будут недействительны. Да будет скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое» (Римл. 2,9)» [Там же]. Как видим, даже фраза из послания апостола превращена в императив, чтобы сколь можно больше нагнести заклинательную суггестию этого текста.

Замечу также, что проклятие виновника вкупе с «домом» – это чрезмерная жестокость даже в сравнении с законами былых, суровых, времён. Так, в Духовном регламенте Петровской эпохи распространение анафемы на близких отлучённого запрещается: *«...сам точию единолично анафеме сей подлежит, но ни жена, ни дети...»* [цит. по: 6: 277]. Как следует расценивать эту одесскую новацию? Действительно ли её автор ощутил себя живущим в ещё более «средневековом» мире? Или же, сознавая оскудение перформативной мощи некогда грозных актов, церковный иерарх задумал восполнить его бóльшим охватом своего проклятия? Второй вариант выглядит убедительнее: чрезмерность анафемы Агафангела, очевидно, имеет риторический пафос. Тем не менее он не исключает того обстоятельства, что метафизические воззрения, обеспечивавшие действенность сакральных перформативов в прошлом, в известной мере возрождаются в наше время, называемое иными «новым русским Средневековьем» [29]. Рассматриваемый мной подъём анафемы происходит в русле более общего духовного движения, проявляющегося в моде на эзотеризм, распространении лженаук и клерикализации общества. Вместе с тем эта «история о том, как невозможное недавно стало возможным» отнюдь не сводится к такой глобальной трансформации, когда одна унифицированная онтология сменяется другой – столь же внутренне единой, но благоприятствующей религиозному и/или магическому, а не научному образу мысли [30: 187]. Речь идёт о разрушении единой онтологии Модерна и появлении на её месте ниш для самых разных форм мышления и дискурсивных практик, поставленных перед необходимостью соседствовать друг с другом. Иначе говоря, постсекулярность, в режиме которой анафемы Агафангела сосуществуют с научными диссертациями и эротическими романами, есть одно из имён Постмодерна. Позволяя игры в архаику, он при этом ставит им довольно строгие пределы, сколь бы серьёзно ни переживались те их участниками, принадлежащими к отдельным культурным нишам.

Заключение

Жанр анафемы прошёл и продолжает проходить через многоаспектную трансформацию, обусловленную культурно-исторической динамикой: глобальными изменениями ментальности и картины мира, преобладающих каналов коммуникации, идеологий, политических режимов и проч. Особую роль в этом процессе играет память жанра, которая, как и культурная память в целом, тоже мутировала. Вопреки анахроническим универсализациям, проводимым некоторыми православными апологетами, традиционная анафема являлась сакральным перформативом, имевшим карательную и устрашающую интенции. Такой характер был присущ анафеме и на католическом Западе, и на православном Востоке. В обеих конфессиональных ойкуменах действенность этого перформатива обеспечивалась примерно одинаковой системой представлений, определённой мной ранее как церковно-христианский магизм. Когда в итоге «расколдовывания мира» новоевропейским разумом эта система была сломлена, обмирщённая культура лишила поддержки анафему. Оставшись в жанровом арсенале Русской церкви, она претерпела консервацию и обезличивание в богослужебном чине Торжества православия. В роли же «адресного» акта, совершаемого по конкретному поводу, анафема не применялась в России, вероятно, со времени казни вождей пугачёвского бунта (1775). Рецидивом персональной анафемы

стал выход в свет «Определения Святейшего Синода», которым был *de facto* отлучён от Церкви Л. Н. Толстой (1901). Отличавшееся жанровой гибридностью и прагматической амбивалентностью, Определение по преимуществу явилось не сакральным, а административно-канцелярским актом. Акцент в нём падал не на сам перформатив, а на дескрипцию диктумной части («свидетельствуем, что *p*»). В силу влияния жанровой памяти, внушавшей, что в той ситуации могла быть уместной только традиционная анафема (которая была бы вместе с тем проблематичной с точки зрения общекультурного контекста), синодальный документ не был – или же был не вполне – перформативно успешен. Однако он дал главный стимул к богословско-апологетическому переосмыслению анафемы в дескриптивном (анафема как диагноз) и гуманистическом (анафема как назидание) ключе, став эталонным представителем этого жанра, историческая подвижность которого была заретуширована в данном дискурсе. На рубеже XX–XXI веков, когда российская культура и общественная жизнь вошли в фазу Постмодерна и постсекулярности, наметилась тенденция к восстановлению анафемы в её традиционной форме. Далёкая от завершения, она способствовала переносу «центра тяжести» во всё ещё гибридных текстах с констативного на перформативное начало, так что вместо «свидетельствуем» они всё чаще гласят «да будет!».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Перформативы // *Языкознание: Большой энциклопедический словарь*. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 372–373.
2. Блаженный Феодорит. История боголюбцев, или повествование о святых подвижниках. М. : Паломник, 1996. 233 с.
3. Карабыков А. В. Логос и глагол. Символ, слово, речевое действие в культуре христианского Средневековья. СПб. : ИЦ «Гуманитарная академия», 2013. 352 с.
4. Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 2. София : Болгарская АН, 1987. 308 с.
5. Иосиф Волоцкий, преп. Просветитель. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 432 с.
6. Максимович К. А. Анафема // *Православная энциклопедия*. Т. 2. М. : Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2001. С. 274–279.
7. Карабыков А. В. Культурно-коммуникативный механизм и формы осуществления перформативности в истории культуры : дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2014. 347 с.
8. Каверин Р., архим. Об анафеме // Что такое анафема. М. : Издательство «ДАРЪ», 2006. С. 311–316.
9. Кураев А., диак. Что значит отлучение от Церкви // Что такое анафема. М. : Издательство «ДАРЪ», 2006. С. 245–311.
10. Aurelius Augustinus. De correptione et gracia liber // S. Aurelii Augustini. Opera omnia. Editio Latina. PL 44. URL: https://www.augustinus.it/latino/correzione_grazia/index.htm (дата обращения: 16.08.2021).
11. Иоанн Златоуст. Слово об анафеме (проклятии) // Что такое анафема. М. : Издательство «ДАРЪ», 2006. С. 215–229.
12. Афанасьев Н. Вступление в Церковь // Шмемман А. Водой и духом. Афанасьев Н. Вступление в Церковь. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2004. С. 194–445.
13. Определение Святейшаго Синода, отъ 20–22 февраля 1901 года № 557, съ посланиємъ вернымъ чадамъ Православныя Грекороссійскія Церкви о графе Льве Толстомъ // Церковныя ведомости, издаваемыя при Святейшемъ Правительствующемъ Синоде. № 8. 24 Февраля 1901 года. СПб. : Синодальная Типография, 1901. С. 45–47. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/document/opredelenie-svyatejshego-sinoda.htm> (дата обращения: 20.09.2021).
14. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.
15. Ореханов Г., прот. Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы. М. : Эксмо, 2016. 608 с.

16. Фирсов С. Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. М. : Держава, Сатисъ, 2007. 460 с.
17. Басинский П. В. Лев Толстой: Свободный человек. М. : Молодая гвардия, 2017. 302 с.
18. Розанов В. В. Л. Н. Толстой и Русская Церковь // Исупов К. Г. (сост.) Л. Н. Толстой: pro et contra. Антология. СПб. : Издательство РХГА, 2000. С. 426–436.
19. Толстой Л. Н. Ответ на определение Синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 34. М. : Художественная литература, 1952. С. 245–253.
20. Ответ митрополита Антония графине С. А. Толстой // П. Паламарчук (сост.). Анафема. История и XX век. М. : Издательство Сретенского монастыря, 1998. С. 293–295.
21. Иоаннъ Шаховской, архим. Толстой и Церковь. Берлин: Ихтисть, 1939. 203 с.
22. Сухотин М. С. Лев Толстой // Макашин С. А. (ред.) Литературное наследство. Т. 69. Кн. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 141–236.
23. Розанов В. В. Об отлучении гр. Л. Толстого от Церкви // Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. М. : Республика, 1992. С. 290–291.
24. Чехов А. П. Письмо Н. П. Кондакову // Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 9. М. : Художественная литература, 1950. С. 213.
25. Гаврюшин Н. К. «Меня официально провозгласили неправославным»: архиепископ Никанор (Бровкович). URL: <https://minds.by/news/menya-ofitsial-no-provozglasil-nepravoslavny-m-archiepiskop-nikanor-brovkovich#.YXbwXpn3Gg> (дата обращения: 19.10.2021).
26. Никитин В. Отлучение // П. Паламарчук (сост.). Анафема. История и XX век. М. : Издательство Сретенского монастыря, 1998. С. 297–309.
27. Акт об отлучении от Церкви Глеба Павловича Якунина // П. Паламарчук (сост.). Анафема. История и XX век. М. : Издательство Сретенского монастыря, 1998. С. 398–399.
28. Указ запрещенному в священнослужении священнику Василию Андреевичу Времени. URL: <http://cerkva.kharkov.ua/novini/ukr/836.html> (дата обращения: 26.09.2021).
29. Чумакова Т. Новое русское Средневековье // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). С. 228–238.
30. Капуто Дж. Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. 2011. № 3 (82). С. 186–205.
4. Beneshevich V. N. *Drevneslavianskaia kormchaia XIV titulov bez tolkovanii*. T. 2 [Old Slavic kormchaia of XIV titles without interpretations. Vol. 2]. Sofiia, Bolgarskaia AN Publ., 1987. 308 p. (in Russian).
5. Iosif Volotskii, prep. *Prosvetitel'* [Enlightener]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2011. 432 p. (in Russian).
6. Maksimovich K. A. Anathema. In: *Pravoslavnaia entsiklopediia*. T. 2 [The Orthodox Encyclopedia, vol. 2]. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi "Pravoslavnaia entsiklopediia", 2001, pp. 274–279 (in Russian).
7. Karabykov A. V. *Cultural and communicational mechanism and forms of realization of performativity in history of culture*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Tomsk, 2014. 347 p. (in Russian).
8. Kaverin R., arkhim. On the anathema. In: *Chto takoe anafema* [What is anathema]. Moscow, Izdatel'stvo "DAR", 2006, pp. 311–316 (in Russian).
9. Kuraev A., diak. What does an excommunication mean. In: *Chto takoe anafema* [What is anathema]. Moscow, Izdatel'stvo "DAR", 2006, pp. 245–311 (in Russian).
10. Aurelius Augustinus. *De correptione et gracia liber unus*. In: S. Aurelii Augustini. Opera omnia. Editio Latina. PL 44. Available at: https://www.augustinus.it/latino/correzione_grazia/index.htm (accessed 16 August 2021).
11. Ioann Zlatoust. The sermon about anathema (curse). In: *Chto takoe anafema* [What is anathema]. Moscow, Izdatel'stvo "DAR", 2006, pp. 215–229 (in Russian).
12. Afanas'ev N. Joining the Church. In: Shmeman A. *Vodoiu i dukhom* [With water and spirit] Afanas'ev N. *Vstuplenie v Tserkov'* [Joining the Church]. Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet, 2004, pp. 194–445 (in Russian).
13. Decision of the Holy Synod, dated February 20–22, 1901 № 557, with a message to the faithful children of the Orthodox Greek Church about Count Leo Tolstoy. *Tserkovnyia vedomosti, izdavaemyia pri Sviateishem Pravitel'stviushchem Synode*. no. 8. 24 Fevralia 1901 goda [Ecclesiastical Gazettes published under the Holy Governing Synod. No. 8. February 24, 1901]. Saint Petersburg, Svnodal'naia Tipografiia, 1901, pp. 45–47. Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/document/opredelenie-svyatejshego-sinoda.htm> (accessed 20 September 2021) (in Russian).
14. Austin J. L. *How to do things with words*. Oxford, Clarendon Press, 1962. 166 p.
15. Orekhanov G., prot. *Lev Tolstoi. "Prorok bez chesti": khronika katastrofy* [Leo Tolstoy. "The Prophet Without Honor": A Chronicle of the Catastrophe]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 608 p. (in Russian).
16. Firsov S. L. *Tserkov' v Imperii. Ocherki iz tserkovnoi istorii epokhi Imperatora Nikolaia II* [Church in the Empire. Essays from the Church History of the Era of Emperor Nicholas II]. Moscow, Derzhava, Satis Publ., 2007. 460 p. (in Russian).
17. Basinskii P. V. *Lev Tolstoi: Svobodnyi chelovek* [Leo Tolstoy: A Free Man]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2017. 302 p. (in Russian).
18. Rozanov V. V. L. N. Tolstoy and the Russian Church. In: Isupov K. G., comp. *L. N. Tolstoi: pro et contra. Antologiya* [L. N. Tolstoy: Pro et contra. Anthology]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA, 2000, pp. 426–436 (in Russian).
19. Tolstoy L. N. Response to the Synod's decision of February 20–22 and to the letters I received on this occa-

REFERENCES

sion. Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 34* [Complete works: 90 vol. Vol. 34]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1952, pp. 245–253 (in Russian).

20. Metropolitan Anthony's Reply to Countess S. A. Tolstaia. In: P. Palamarchuk, comp. *Anafema. Istoriia i XX vek* [Anathema. History and the twentieth century]. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja, 1998, pp. 293–295 (in Russian).

21. Ioann Shakhovskoi, arkhim. *Tolstoi i Tserkov'* [Tolstoy and the Church]. Berlin, Ikhtis, 1939. 203 p. (in Russian).

22. Sukhotin M. S. Leo Tolstoy. In: *Makashin S. A., red. Literaturnoe nasledstvo. T. 69. Kn. 2* [Makashin S. A., ed. Literary legacy, vol. 69, book 2]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961, pp. 141–236 (in Russian).

23. Rozanov V. V. On L. Tolstoy's Excommunication from the Church. In: Rozanov V. V. *Religiia. Filosofii. Kul'tura* [Religion. Philosophy. Culture]. Moscow, Respublika Publ., 1992, pp. 290–291 (in Russian).

24. Chekhov A. P. Letter to N. P. Kondakov. *Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. T. 9* [Complete Collected Works: in 30 vols. Letters: in 12 vols, vol. 9]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1950, pp. 213 (in Russian).

25. Gavriushin N. K. "Menia ofitsial'no provozglasili nepravoslavnym": arkhiepiskop Nikanor (Brovkovich) ["I

was officially declared non-Orthodox": Archbishop Nikanor (Brovkovich)]. Available at: <https://minds.by/news/menya-ofitsial-no-provozglasil-nepravoslavny-m-arkhiepiskop-nikanor-brovkovich#.YXbwwXpn3Gg> (accessed 19 October 2021) (in Russian).

26. Nikitin V. Excommunication. In: P. Palamarchuk (sost.). *Anafema. Istoriia i XX vek* [P. Palamarchuk, comp. Anathema. History and the twentieth century]. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja, 1998, pp. 297–309 (in Russian).

27. The act of excommunication of Gleb Pavlovich Yakunin. In: P. Palamarchuk (sost.) *Anafema. Istoriia i XX vek* [P. Palamarchuk, comp. Anathema. History and the twentieth century]. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja, 1998, pp. 398–399 (in Russian).

28. *Ukaz zapreshchennomu v sviashchennosluzhenii sviashchenniku Vasiliiu Andreevichu Vremia* [Decree to the priest Vasily Andreevich Vrem'a forbidden in serving]. Available at: <http://cerkva.kharkov.ua/novini/ukr/836.html> (accessed 26 September 2021) (in Russian).

29. Chumakova T. New Russian Middle Ages. *Otechestvennye Zapiski*, 2013, no. 1 (52), pp. 228–238 (in Russian).

30. Caputo J. How the Secular World Became Post-Secular. In: Caputo J. *On Religion*. London, New York, Routledge, 2001, pp. 37–66.

Поступила в редакцию 02.11.2021; одобрена после рецензирования 23.12.2021; принята к публикации 15.01.2022

The article was submitted 02.11.2021; approved after reviewing 23.12.2021; accepted for publication 15.01.2022

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 272–284

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 272–284

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-272-284>, EDN: HFBMYH

Научная статья

УДК 81'27'42+929Лавров

«Дипломатичное» и «недипломатичное» в жанрах дипломатического дискурса: на материале метафор в текстах пресс-конференции и интервью Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, посвященных военной спецоперации на Украине

Л. В. Балашова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, balashova53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Аннотация. Статья посвящена анализу выходящих за рамки «дипломатической» речи метафор, используемых Министром иностранных дел РФ С. В. Лавровым в жанрах интервью и пресс-конференций после начала военной операции РФ на Украине. Актуальность темы заключается в том, что именно такого рода переносы достаточно точно и ярко отражают специфику отношений России с мировым сообществом, прежде всего – с коллективным Западом, в указанный период. Цель работы – выявить лингвокогнитивную, функциональную специфику метафорических переносов, используемых С. В. Лавровым в исследуемых текстах. Материалом исследования послужили 25 стенограмм, опубликованных с 24.02.22 по 16.06.22 на официальном сайте mid.ru/ru/press_service/minister_speeches, пресс-конференций (выступлений и ответов на вопросы), интервью Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова. На основе комплексной методики семантического, дискурсивного, лингвокогнитивного анализа текстов установлено, что Министр иностранных дел РФ, наряду с институциональными переносами, активно использует метафоры, которые находятся на границе или выходят за рамки «дипломатичных». С их помощью С. В. Лавров акцентирует внимание на негативной (официальной и личностной – от иронической до гневной) оценке агрессивно-провокационного характера такой политики. Данная смысловая и прагматическая доминанта получает отражение в системе концептуальных метафор, где «недипломатичные» переносы могут концентрироваться в одном из участков общезыковой когнитивной матрицы, занимать доминирующее положение в реализации модели, а также стать когнитивным ядром, вовлекающим в свою орбиту переносы из разных языковых моделей.

Ключевые слова: жанры интервью, пресс-конференции Министра иностранных дел РФ, экспрессивно-оценочные концептуальные метафоры

Для цитирования: Балашова Л. В. «Дипломатичное» и «недипломатичное» в жанрах дипломатического дискурса: на материале метафор в текстах пресс-конференции и интервью Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, посвященных военной спецоперации на Украине // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 272–284. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-272-284>, EDN: HFBMYH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Diplomatic” and “undiplomatic” in the genres of diplomatic discourse: based on metaphors of Russian foreign Minister Sergey Lavrov used during press conferences and interviews on the special military operation in Ukraine

L. V. Balashova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Lyubov V. Balashova, balashova53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Abstract. The article presents the analysis of metaphors which go beyond the “diplomatic” speech used by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov in the genres of interviews and press conferences after the start of the Russian military operation in Ukraine. The relevance of the topic is determined by the fact that it is such transfers which accurately and vividly reflect the specific nature of Russia’s relations with the world community, primarily with the collective West, during this period. The aim of the work is to identify the linguocognitive and functional aspects of metaphorical transfers used by S. V. Lavrov in the texts under study. The research is based on 25 transcripts published from 24.02.22 to 16.06.22 on the official website mid.ru/ru/press_service/minister_speeches, press conferences (speeches and answers to questions) and interviews with the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov. Basing on the complex methodology of semantic, discursive and linguocognitive analysis, the author proves that the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, along with institutional transfers, actively uses metaphors which border on or go beyond the “diplomatic”. With their help, S. V. Lavrov focuses on the negative assessment (official and personal – from ironic to angry) of the aggressive and provocative nature of such policy. This semantic and pragmatic dominant is reflected in the system of conceptual metaphors, where “undiplomatic” transfers can be concentrated in one of the sections of the general linguistic cognitive matrix, occupy a dominant position in the implementation of the model, and also become a cognitive core involving transfers from different language models into its orbit.

Keywords: genres of interviews, press conferences of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, expressive and evaluative conceptual metaphors

For citation: Balashova L. V. “Diplomatic” and “undiplomatic” in the genres of diplomatic discourse: based on metaphors of Russian foreign Minister Sergey Lavrov used during press conferences and interviews on the special military operation in Ukraine. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 272–284 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-272-284>, EDN: HFBMYH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

По мнению исследователей [1–7], дипломатический дискурс относится к институциональному типу дискурса, цель которого – предельно точное и полноценное отражение «особого, востребованного государством ... видения» международных проблем, «защита интересов страны и ее граждан», «регуляция деятельности адресата, побуждение его к определенным действиям» [8: 49]. Данные функции реализуются с помощью разнообразной жанровой системы, что предопределяет сложные отношения (пересечение и противопоставление) с другими типами дискурсов, например, с политическим, научным, массмедиа [8–10; 5]. Именно это обуславливает такие лингвистические особенности дипломатического дискурса, как: обилие специальной терминологии, клише, ориентация на книжный характер литературного языка и др. Вместе с тем институциональность указанного дискурса не исключает возможности выразительности, эмотивности дипломатической речи, которая выражается, в частности, в использовании функционально и коннотативно оценочных лексем (в том числе в метафорических значениях), фразеологизмов и т. п.

Объектом настоящего исследования стали метафоры (в широком их понимании, включая фразеологизмы, формируемые на базе метафорических переносов [11–14], используемые Министром иностранных дел РФ С. В. Лавровым в жанрах интервью и пресс-конференции

после начала военной операции РФ на Украине (24.02.22–16.06.22). Актуальность темы обусловлена следующим. Жанры интервью и пресс-конференции Министра иностранных дел РФ занимают особое место в жанровом пространстве дипломатического дискурса, поскольку совмещают в себе черты статусно-ролевой (внеличностной) формализованной и, как следствие, предельно объективированной нейтральной коммуникации и живого относительно личностного и спонтанного общения с использованием эмотивных, экспрессивно-образных языковых средств. Однако, как правило, данные средства не выходят за рамки книжного литературного языка и не содержат ярко выраженной негативной оценки. Вместе с тем резкое обострение международных отношений, связанное с проведением специальной военной операции в Донбассе, непосредственно отражается в речи официальных представителей государства, в том числе Министра иностранных дел РФ. Наконец, метафора как один из основных способов смыслопроизводства выполняет не только номинативную, но и когнитивную, прагматическую функции. Тем самым именно такого рода переносы достаточно точно и ярко отражают специфику отношений России с мировым сообществом, прежде всего – с коллективным Западом, в указанный период. Цель работы – выявить лингвистические и когнитивные особенности, а также функции метафорических переносов, используемых С. В. Лавровым

в исследуемых текстах. **Материалом** исследования послужили 25 стенограмм, опубликованных с 24.02.22 по 16.06.22 на официальном сайте mid.ru (mid.ru/ru/press_service/minister_speeches), пресс-конференций (выступлений и ответов на вопросы), интервью Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова. Методологической базой исследования стало представление о метафоре как об одном из ведущих способов формирования языковой картины мира; репрезентации и продуцирования взглядов всех участников дипломатического дискурса. При анализе применяется комплексная методика системного семантического, функционально-стилистического, дискурсивного и когнитивного анализа языковых явлений.

Основная часть

1. Языковой и функционально-стилистический статус используемых метафор

Как показал анализ текстов пресс-конференций и интервью Министра иностранных дел РФ, С. В. Лавров активно использует метафоры, которые формируются на основе базовых языковых макромоделей метафоризации – пространственной, натуралистической (включая антропоморфную), социальной и др. (см. подробнее: [15, 16]) (ср.: *Запад встал на путь русофобии* (пространственная макро модель). *Ему не нравится, что режим, который он пестовал против России* (контаминация натуралистической и социальной макромоделей), *вооружал, наставлял на путь неонацистской идеологии* (пространственная макро модель)..., *сейчас должен отвечать за свои преступления* (социальная макро модель). *Украину при нынешних властях Запад рассматривал как инструмент русофобской политики* (артефактная макро модель), *сдерживания России* (пространственная макро модель). *В качестве такового «бесценного» инструмента* (социальная и артефактная макро модели) *киевскому режиму было дозволено всё, включая убийства мирных граждан...* 24.03.2022¹).

Абсолютное большинство выявленных переносов не выходит за рамки собственно «дипломатических» (институциональных) метафор. Это в основном генетические и живые, нейтральные и экспрессивные языковые метафоры, которые относятся к среднему (общеупотребительному) или книжному регистрам функционально-стилистической системы литературного языка (ср.: *Механизм принятия*

решений существует в каждом государстве (живая общеупотребительная нейтральная метафора). *В данном случае механизм, который сложился* (генетическая общеупотребительная нейтральная метафора) *в Российской Федерации, был полностью задействован*. 16.06.2022а; *Международные чиновники ... подвержены давлению Запада* (живая общеупотребительная нейтральная метафора) *и часто выступают* (генетическая общеупотребительная нейтральная метафора) *рупором* (живая книжная метафора) *фейковых новостей*. 16.06.2022б).

Часть таких переносов может содержать оценку (чаще негативную), которая включена в семантику метафорического лексико-семантического варианта (далее ЛСВ) и/или формируется за счет общего оценочного контекста, что в целом усиливает политико-публицистическую составляющую данных употреблений и выводит их за пределы собственно институционального дипломатического дискурса (ср.: *Потом огромными усилиями, при нашем активном участии остановили эту бойню* (генетическая общеупотребительная экспрессивно-оценочная метафора). *Подписали Минские договоренности*. 19.03.2022; *Он [Запад] занимается преступной деятельностью... лелея* (живая книжная экспрессивная метафора), *олекая* (генетическая общеупотребительная нейтральная метафора) *и всячески пестуя* (живая книжная экспрессивная метафора) *неонацистский режим*. 16.06.2022б; *В силовых структурах [Украины] «правят бал»* (общеупотребительный эмоционально-экспрессивный (с пометой ирон.) фразеологизм) *откровенные неонацисты*. 27.04.2022).

Как правило, в рамках данных регистров функционируют относительно немногочисленные окказиональные, развернутые метафоры, отмеченные большей экспрессией и оценочностью, выраженной имплицитно и эксплицитно – ср.: *Из «отравления» в Солсбери был сделан «вселенский гром», развернули кампанию против России*. 24.03.2022; *Но как только на этих условиях по западным правилам игры стали появляться страны, лучше функционирующие в этих сферах, те самые центры, которые будут формировать многополярный мир* (Китай, Индия и другие крупные державы), *Запад тут же решил «переписать» условия*. Как у нас говорят: *«в середине футбольного матча перенести ворота»*. 17.05.2022; *Из тупика, в который они [западные страны] загнали свои «ценности», «принципы» свободного рынка, неприкосновенности частной*

¹Для сокращения объема статьи при цитировании исследуемых текстов указывается только дата данного документа.

собственности, презумпции невиновности. 19.03.2022; Как создавалась Российская Империя. Там не было «плавильного котла», который существовал в США. Когда всех «переплавили», и все стали американцами. 19.03.2022; Он [Китай] стал играть по их [западным] правилам. Китай на их поле по их же правилам обыгрывает. Что теперь, надо правила менять? 19.03.2022; Пусть каждая сторона [суверенные государства мирового сообщества], как взрослый человек, сравнивает эти позиции и делает свой выбор, за кого она – за «красных», или за «белых», или она «посередине» и хочет соблюдать нейтралитет. 16.06.2022в.

Положение на границе собственно дипломатического и политического дискурсов занимают языковые разговорные (без сниженного оттенка) оценочные литературные метафоры – ср.: Мы постоянно говорим о необходимости начинать продвигать нашу культуру «с пеленок», прежде всего в самой России. 19.03.2022; Каждые полгода [западные страны] какие-то новые санкции «накидывали». 19.03.2022; В НАТО «заказывают музыку» США. 19.03.2022; Запад и США думали, что Россия пропала после распада Советского Союза и уже «в кармане» у США. 29.04.2022.

Аналогичное место могут занимать оценочные речевые разговорные клишированные метафоры и устойчивые сочетания, например:

- Искренне признателен ... за то, что Международный Комитет Красного Креста делает «на земле». 24.03.2022; Насчет связи ситуации «на земле» и очертаний гипотетического или, скажем, эвентуального мирного урегулирования. 25.04.2022; Да, это вещи, связанные с практическими действиями «на земле», с созданием инфраструктуры на долгие годы. 09.06.2022 – речевая (не зафиксированная в толковых словарях) метафора, которая формируется на базе прагматической трансформации стереотипного противопоставления неба как 'места обитания Бога или богов' (с исходно позитивной оценкой) и земли как 'места жизни и деятельности людей' (с исходно негативной оценкой): земля в данном случае ассоциируется с реальной действительностью, с истинным положением дел (с позитивной оценкой), небо – с ирреальной; с чем-либо, далеким от насущных проблем людей (с негативной оценкой); кроме того, позитивная оценка в значении устойчивой предположительно надежной формы поддерживается с актуализацией такого ЛСВ субстантива земля, как: 'почва, грунт' (ср. метафорический ЛСВ у лексемы почва 'то, на чем зиждется

что-л.; основание, основа'); подобного рода оценка отражена также в окказиональном и более метафорическом употреблении субстантива космос при трансформации фразеологизма не от мира сего – ср.: Когда сейчас канцлер ФРГ О. Шольц заявляет, что нужно заставить Россию пойти на договоренности с Украиной..., мне кажется, что он не от мира сего, а откуда-то из «космоса». Потому что все восемь лет мы добивались того, чтобы выполнить договоренности, гарантирующие территориальную целостность украинского государства. 16.06.2022б;

- Милитаризация Украины, которую за эти годы накачали вооружениями (в том числе ударными) на многие миллиарды долларов, сопровождалась нацификацией всех сфер общественной жизни. 19.03.2022; Они [страны Запада] систематизировали законодательство, продвигая и поощряя нацистские теории и практики, накачивая Украину оружием. 29.04.2022; Те, кто призывают не дать России победить ... обещали Киеву, что они будут продолжать эту линию путём накачки Украины вооружениями в огромных количествах. 26.04.2022; Вы видите, как Украину накачивают оружием и тяжелыми вооружениями. 04.06.2022 – речевая метафора 'снабжать, предоставлять в большом количестве' у глагола накачать и его дериватов (накачивать, накачка) в сочетании с субстантивами оружие, вооружение содержит негативную оценку субъекта действия и регулярно используется при характеристике провокационно-агрессивной политики коллективного Запада.

Такого рода переносы могут приобретать личностную оценку (в том числе сожаление, пренебрежение, уничижение, гнев и т. п.), что, безусловно, выводит их за рамки собственно институционального дипломатического дискурса и усиливает экспрессивно-оценочную публицистическую составляющую речи Министра иностранных дел – ср.: Сейчас, оказывается, даже в соцсетях можно требовать, чтобы этих людей [русских] преследовали на Западе. В голове не укладывается. 19.03.2022; [Обращаясь к журналисту:] Даже Вам «промыли мозги», насколько я понимаю. Продовольственный кризис ... начался много лет назад. 29.04.2022; Про Солсбери британские друзья благополучно забыли, про А. Навального – немецкие коллеги уходят «в кусты», хотят забыть этот эпизод. 24.03.2022; «Индо» включено с единственной целью – «обхаживать» Индию и ещё больше пытаться настраивать её в антикитайском ключе. 19.03.2022. Эмоционально-

экспрессивная составляющая может усиливаться за счет соположения единиц из разных стилистических регистров (высокого и сниженного) литературного языка (ср.: *Право вето – это одна из несущих опор ООН. Без него Организация пойдёт вразнос*. 26.04.2022).

Наконец, характерной особенностью исследуемых текстов является то, что в них регулярно используются безусловно «недипломатические» метафоры, которые находятся за пределами собственно институционального дипломатического дискурса, поскольку относятся к внелитературной лексико-семантической подсистеме языка, формируются на базе таких единиц и/или содержат ярко выраженную эмоционально-экспрессивную оценку личностного характера. Нами зафиксировано 237 употреблений такого рода единиц, среди которых преобладают следующие типы переносов:

- просторечные, сленговые метафоры, экспрессия которых усиливается за счет их сниженной функционально-стилистической характеристики: *Уже многие страны начинают «чесать голову»* (просторечие). 19.03.2022; *В России нужно ужесточить подходы к тем структурам, которые являются «мутными»* (сленг) *и занимаются вещами, не совпадающими с их уставом и другими документами*. 19.03.2022; *Никогда не предаем друзей в политике. ... Мы не «шкурничаем»* (просторечие) *в отличие от американцев*. 19.03.2022; *Когда в отношении великих держав такие провокационные заходы* (сленг, арг) *делаются – то это просто неуважение*. 19.03.2022; *Мы призывали Германию и Францию остановить этот беспредел* (сленг, арг), *прекратить поддерживать режим, убивающий своих же граждан*. 29.05.2022;
- формируемые на базе языковых речевые метафоры и преобразованные фразеологизмы, экспрессия и оценочность которых усиливается за счет их окказиональности (ср.: *Уже многие страны начинают ... задумываться о том, как им дальше потихоньку «отползать» от долларов в международных расчетах* (на базе метафорического политического клише: *уходить от доллара*). 19.03.2022; *У нас на телевидении есть еженедельная программа «Международное обозрение»*. То, что мы наблюдаем в действиях Запада, я бы назвал (в качестве варианта) *«Международное оборзение»* (на базе арготического оборзеть 'обнаглеть'). Грубое слово, но яркое. Оно четко отражает действия Запада и мотивы, которыми он руководствуется. 13.05.2022; *Они [западные*

страны] *«замотали»* (на базе просторечного метафорического ЛСВ 'утомлять, мучить непрерывной работой, хлопотами' и значения префикса 'чрезмерность действия') *наши инициативы по гарантиям безопасности*. 19.03.2022);

- языковые, речевые, окказиональные переносы, преобразованные фразеологизмы, содержащие ярко выраженную экспрессивную негативную оценку, усиленную личностным эмоциональным отношением к объекту/адресату именованию (ироническое, пренебрежительное, презрительное, уничижительное и т. п.) (ср.: *Про Керченский мост уже кто-то из его [В. А. Зеленского] «говорящих голов» (или чем они там разговаривают) произнёс угрозу*. 16.06.2022в; *Правила – модный термин, который США и их союзники используют, когда от всех требуют вести себя «хорошо»*. 25.04.2022; *Есть еще один пример нечистоплотности американцев в том, что касается международного права и внедрения ими собственных правил по принципу «как хочу, так ворочу»*. 25.04.2022).

В ряде случаев такого рода «недипломатические» переносы становятся чрезвычайно регулярными и фиксируются во многих исследуемых текстах (ср. использование метафор на базе символизации паралингвистических средств коммуникации: *Вопреки гарантиям стран Евросоюза [украинские оппозиционеры] ... на утро разорвали этот договор, наплевали на гарантии, унизили эти европейские державы*. 19.03.2022; *Лидеры майдана просто устроили этот кровавый переворот, фактически «плюнув в лицо» Евросоюзу*. 29.04.2022; *Они [западные страны] сами же и «наплевали» на демократию в международных отношениях*. 29.04.2022; *Им [США] плевать на этот принцип [устава ООН]*. 29.04.2022; *Россия ... долгие годы призывала Запад не делать из Украины «антиРоссию»... Запад наплевательски к этому относился. ... Представьте себе на секунду, если бы Финляндия запретила шведский язык. В европейской «голове» такое невозможно себе представить. В отношении русского языка всей Европе было наплевать*. 29.05.2022; *[Украинская] оппозиция «наплева-ла» на эти подписи и разорвала договор с тогдашним президентом*. 29.05.2022; *Да плевать хотел В. А. Зеленский на международные обязательства*. 26.05.2022).

Все это указывает на то, что использование «недипломатических» (и пограничных с ними) переносов в речи Министра иностранных дел РФ не является спонтанным, случайным, как и свидетельством эмоциональной

несдержанности С. В. Лаврова или его низкой речевой культуры. Напротив, подобного рода метафоры употребляются вполне осознанно, о чем свидетельствует, в частности, их регулярное графическое выделение в стенограммах с помощью кавычек (см. примеры выше и ниже). Цель применения «недипломатических» языковых средств – предельно четко и недвусмысленно указать на отношение Министра как официального представителя властных структур РФ к сложившейся мировой политической ситуации. Начало специальной военной операции максимально обнажило суть глобальных конфликтов в мировом сообществе, что сделало невозможным использование стереотипных сухих, обтекаемых, эвфемистических дипломатических языковых формул и выражений. То, что именно данная функция является ведущей в употреблении указанных переносов, доказывает анализ тематических ситуаций, которые регулярно характеризуются с помощью «недипломатических» (и «пограничных» с ними) метафор.

2. Основные ситуации, при описании которых используются «недипломатические» метафоры

Интервью и пресс-конференции С. В. Лаврова достаточно разнообразны в ситуативно-тематическом аспекте (ср.: пресс-конференции по итогам встреч/переговоров с Президентом Международного Комитета Красного Креста П. Маурером, с Генеральным секретарем ООН А. Гутеррешем, с Министром иностранных дел Республики Казахстан М. Б. Тлеуберди, с Министром иностранных дел Государства Эритрея О. Салехом, с Министром иностранных дел Султаната Оман Б. Аль-Бусаиди, с финалистами трека «Международный» конкурса управленцев «Лидеры России», с участниками просветительского марафона «Новые горизонты»; интервью индийскому телеканалу «Индия Тудэй», телеканалу «Би-Би-Си», французскому телеканалу «TF1», телеканалу «RT Arabic», боснийско-сербской телерадиокомпании «Радио и телевидение Республики Сербской», программе «Большая игра» на «Первом канале», информационному агентству ТАСС и др.). Однако «недипломатические» метафоры С. В. Лавров употребляет весьма избирательно. Абсолютное большинство таких переносов фиксируется при обсуждении проблем, которые, хотя так или иначе и связаны с вооруженной спецоперацией РФ в Донбассе, но затрагивают общемировую политическую ситуацию. С помощью данных метафор Министр акцентирует внимание на общем обострении международных отношений и на основной, по мнению официально-

го представителя Российских государственных структур, причине этого феномена – на стремлении коллективного Запада, и прежде всего США, к доминированию в мировом сообществе, на разрушении сложившихся после Второй мировой войны основных принципов международного сотрудничества, отраженного, прежде всего, в Уставе ООН, заключенных (до развала СССР и Варшавского договора) международных и межгосударственных соглашениях и т. п.

Глобальный взгляд на международную политическую ситуацию проявляется в том, что около 10% «недипломатических» метафор фиксируется при характеристике **конфликтных отношений Украины с РФ, с ДНР и ЛНР**. Примечательно, что ни одного переноса такого рода не зафиксировано при характеристике самих военных действий с 24.02.2022. Но С. В. Лавров может использовать «недипломатические» метафоры с целью дать резко негативную оценку (в том числе с иронией, пренебрежением, негодованием) непоследовательности, провокационности, агрессивности политики Украины, использования дезинформации мирового сообщества как средства борьбы с РФ, ДНР и ЛНР не только в период с 24.02.2022, но и в предшествующие годы – ср.: *Переговоры идут. Хотя украинская делегация, по большому счету, начала их, с «отбывания номера», как говорится. 19.03.2022 – окказиональная сниженная метафора; Теперь, как я уже сказал, от этой концепции Киев «отруливает». 26.05.2022 – окказиональная сниженная метафора; Но, видите, В. А. Зеленский сказал, что посредники ему не нужны. Это его дело. У него «семь пятниц на неделе». 26.05.2022 – просторечный экспрессивно-оценочный («предсудительно») фразеологизм; Более того, они [западные кураторы] участвуют в подготовке неонацистских подразделений и в том, чтобы эти подразделения были заточены на антироссийские действия. 17.05.2022 – сленговый ЛСВ 'узкоспециальный, предназначенный для решения одной частной задачи и обычно непригодный для решения других задач'; Даже в быту русский язык запрещается. Все эти долгие годы, когда этот беспредел происходил, мы не могли достучаться до НАТО, ЕС, США, ОБСЕ, Совета Европы. 17.05.2022 – арготический, сленговый ЛСВ 'крайняя степень беззакония, беспорядка'; Но потом они [члены делегации Украины на переговорах с РФ] передумали. Мы «застряли» из-за их непоследовательности, из-за их желания каждый раз «играть в игры» и, насколько могу догадываться, из-за инструкций, которые они получают из Вашингтона, Лондона и других столиц, не форсировать*

переговорный процесс. 25.04.2022 – сниженные экспрессивно-оценочные разговорные метафора и фразеологизм.

Примерно такой же процент употреблений неинституциональных метафор фиксируется при характеристике **отношений Украины и коллективного Запада**. С помощью сниженных, экспрессивно-оценочных языковых и речевых переносов С. В. Лавров концентрирует внимание на нескольких, подчас противоречивых моментах. С одной стороны, подчеркивается ослабление суверенитета Украины, с другой – агрессивность и непредсказуемость украинской власти. Если эта агрессивность направлена на РФ (на ДНР, ЛНР), то она одобряется и оправдывается Западом, если на страны ЕС, НАТО, США, – то «прощается» – ср.: *Да, всё сходит с рук. Это Вы верно охарактеризовали отношения Запада к своим клиентам на Украине. Украина никому не нужна. Это расходный материал в гибридной тотальной войне против Российской Федерации и, поэтому «любое лыко в струю», как у нас говорят.* 17.05.2022; *Насаждалась [на Украине] нацистская идеология и практика. Все стыдливо «прятали голову в песок» – и внутри «нормандского формата», и за рамками.* 26.04.2022; *Наутро лидеры [украинской] оппозиции «наплевали» на Германию, Францию и Польшу, которые, говоря по-русски, «утёрлись».* 16.06.2022; *У меня нет никаких сомнений, что, если бы этот план [Украины] удался, весь Запад проглотил бы все эти нарушения, как он проглатывал полное пренебрежение прежними договоренностями в ходе предыдущих восьми лет.* 26.05.2022.

Абсолютное большинство (примерно 75%) «недипломатичных» метафор используется С. В. Лавровым при экспрессивной и резко негативной (с разнообразными оттенками в диапазоне от иронической до гневной) характеристике **отношений коллективного Запада** (прежде всего – НАТО, ЕС и США как лидера этих объединений) к **России и другим государствам, к мировому сообществу в целом**. При этом Министр делает акцент на неравноправном, неправовом, лживом и агрессивно-провокационном, конфликтном характере таких отношений, например:

- отношения с Россией: *Когда НАТО «подползало» к границам России, на наши замечания они отвечали, что не стоит бояться.* 26.05.2022; *Если А. Фог Расмуссен был призван, чтобы слепить некие «гарантии» в узком кругу западных спонсоров украинского режима, а потом это пытаться предъявить Российской Федерации, то это тупиковое направление.* 26.05.2022; *По их [западных стран] оцен-*

кам, самоопределение Косово – это правильно, а самоопределение Крыма – это неправильно. Это всё делается «на голубом глазу», как у нас говорят. Никто даже не краснеет от стыда, хотя это позорище для западной дипломатии. 26.05.2022; *Мы по-прежнему открыты к диалогу, но танцевать танго нужно вдвоем. Наши западные партнеры пока занимаются брейк-дансом в одиночку.* 10.06.2022;

- отношения с другими государствами в рамках двусторонних отношений, международных организаций (включая ООН) и т. п.: *Они [США на «саммите демократий»] хотят подогнать их [страны с «недемократическими» режимами] под этот «демократический зонтик», тем самым польстить и дальше использовать для себя.* 25.04.2022; *Но из этих 140 стран, которые голосовали по американской указке, никто санкции не ввёл кроме Запада. Подавляющее большинство стран мира никаких санкций против России не объявляли. Видимо, проголосовав кто-то хотел «отделаться малой кровью», но сами себе «стрелять в ногу» не собираются, будут развивать экономику.* 19.03.2022; *Здесь [урегулирование иранской ядерной программы] возникли некие препятствия в силу позиций США, пытающихся «выторговать» дополнительные условия, изменив тем самым первоначальный замысел и содержание СВГД, утверждённого СБ ООН. Исходим из того, что справедливость требует возобновления СВГД без каких-либо изъятий и доверков.* 31.05.2022; *Под «каток» западных репрессий попадают отдельные пользователи социальных сетей и крупные СМИ со всей создававшейся годами инфраструктурой распространения новостей и оценок.* 14.04.2022; *О попытках наших западных коллег выносить обсуждение ключевых вопросов за рамки универсальных форматов под эгидой ООН и ее системы, «плодить» различные партнерства, призывы, которые презентуются как «клуб передовиков», «клуб избранных».* 26.04.2022.

Особое место занимает оценочная характеристика **конфликтных, неравноправных отношений внутри коллективного Запада**, где С. В. Лавров подчеркивает диктаторскую позицию США и военного блока НАТО по отношению к ЕС и другим своим «союзникам» – ср.: *Удивлены ли мы, что Запад настолько един? Не удивлены. Давно знаем, как работают наши американские коллеги с активной помощью других англосаксонских стран. Знаем, какими угрозами,*

шантажом, «выкручиванием рук» обеспечивается это единство. 26.04.2022; Евросоюз «подминается» под альянс. Уже нейтральные страны, которые не являются членами НАТО., подтягиваются к сотрудничеству под названием «коллективная мобильность». 19.03.2022; США грубо нарушают свои обязательства по Уставу ООН, когда продвигают свои «правила». Они требуют от всего мира слепо, нога в ногу следовать за ними и за уже «построенными» союзниками (прежде всего из Европы и некоторых азиатских стран). 25.04.2022. Число таких переносов относительно невелико (примерно 5%), но оно достаточно показательно в идеологическом аспекте.

Таким образом, Министр иностранных дел С. В. Лавров использует неинституциональные образные средства для акцентирования внимания на содержательной составляющей – на оценке наиболее значимых конфликтных политических процессов в современном мире.

3. Основные модели метафоризации, используемые при формировании «недипломатических» переносов

Метафора как способ смыслопроизводства (см. введение) изначально связана с когнитивными процессами: «метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [17: 389–390]. Вследствие этого каждое переносное употребление в исследуемых текстах в той или иной степени сопряжено с определенной концептуальной моделью. Принципиально важным при этом является то, что «дипломатические» (в том числе генетические) и «недипломатические» переносы формируют единые метафорические подсистемы, отражающие концептуальное представление Министра иностранных дел РФ об обсуждаемых проблемах. Вместе с тем анализ показывает, что в ряде случаев неинституциональные метафоры занимают особое место в реализации той или иной когнитивной матрицы.

В частности, в исследуемых текстах регулярно реализуется **пространственная модель целенаправленной деятельности**, согласно которой действия, направленные на достижение какой-либо цели, ассоциируются с поступательным движением к определенной точке в пространстве; достижение такой точки – с успехом, с достижением цели, тогда как невозможность достичь этой точки (наличие препятствий, отсутствие выверенной траектории движения и т. п.) – с безрезультативностью предпринимаемых усилий. Большая часть переносов в рамках этой модели относится к институциональным –

ср.: Каждый раз, когда мы предпринимали такие шаги, они были фактически отвергнуты, с той или иной степенью вежливости. 29.04.2022; Она [Операция в Донбассе] будет завершена, как только цели, которые я уже описал Вам, будут реализованы и достигнуты. 29.04.2022; Теперь американцы дают [Украине] ракетные системы залпового огня. ... [Англичане], видимо, ждали отмашки из Вашингтона: мол, и мы теперь дадим украинцам РСЗО. Это рискованный путь. 04.06.2022. Меньшая, но весьма концептуально значимая часть таких метафор находится либо на периферии «дипломатических», либо выходит за ее рамки. Показательно, что «дипломатические» метафоры обычно закреплены за характеристикой конкретных ситуаций и за определенными участками в когнитивной матрице модели. Так, провал политики коллективного Запада по укреплению «однополярного» мира ассоциируется с отсутствием возможности свободно продвигаться к поставленной цели – ср.: Посмотрим, как они [западные страны] будут выходить из того тупика, в который себя загнали. 19.03.2022. Многочисленные иностранные турне представителей США и других западных стран с целью организовать изоляцию РФ в мировом сообществе ассоциируются с их непоступательным, беспорядочным перемещением в пространстве – ср.: Американские послы «бегают» по столицам, требуют этого [голосовать на Генеральной Ассамблее ООН против России] даже у великих держав. 19.03.2022; Если бы Запад уважал свои обязательства по Уставу ООН., он бы сейчас не бежал по всему миру, не заставлял бы вводить санкции против России, а дал бы суверенным странам возможность самим разбираться. 16.06.2022 в; Отметили, что американцы «бегают» с темой нефти и газа к Саудовской Аравии, ОАЭ, Катару. 18.03.2022; Тот факт того, что американцы и другие бегают по всему миру., заставляя их присоединяться к санкциям, голосовать против России, не достойно уважающих себя стран. 29.04.2022. Примечательно, что в последнем случае ситуативно обусловленные экспрессивно-оценочные переносы включают в себя частичную актуализацию и первичного ЛСВ глагола бегать 'быстро перемещаться в различных направлениях, а также взад и вперед'.

Аналогичную контаминацию прямого и переносного значений можно наблюдать при использовании **театральной** (в широком осмыслении) **модели**, где сценическое представление ассоциируется с неискренностью, лживостью, хитростью, вымыслом, клеветой и т. п., то есть с несоответствием реальной дей-

ствительности. Такого рода метафоры используются в основном при характеристике информационной войны, фейковых новостей, телерепортажей, где специально поставленные сцены якобы насилия российских войск по отношению к мирным жителям Украины выдаются на документальные кадры – ср.: *Слышал про это театрально презентованное предложение украинской переговорной команды ... провести очередное заседание в Мариуполе у стен «Азовстали». Украинцы любят все инсценировать. Видимо, хотели «поставить» еще одну душераздирающую сцену.* 26.04.2022; *Вместо этого сразу же произошла инсценировка в науч. п. Буча. Этот сюжет был «разыгран» так же, как со Скрипалями в Солсбери, малайзийским «Боингом», А. Навальным, А. Литвиненко. Было «разыграно», но тут же пропало из повестки дня, когда мы представили железобетонные факты, которые они не могут оспорить.* 26.04.2022. Наиболее личностную (пренебрежительно-ироническую) оценку такого рода переносы приобретают при характеристике В. Зеленского и его ближайшего окружения. В частности, даются специальные маркеры, отсылающие слушателей к актерскому, кавээновскому прошлому Президента Украины – ср.: *У них [властей Украины] весь «процесс» – это смесь игры и серьезных намерений. Игры, конечно, больше. И инсценировок много. Вот мы имеем в Европе и в Западном мире процессы, которые напоминают «Клуб веселых и находчивых», «Квартал 95». Там всё инсценируется и разыгрывается как по нотам. Иногда, правда, они фальшивят, даже с точки зрения своей логики. Но бывают серьезные постановки. Возьмите те же самую Бучу, инсценировку переговоров, которые «провалились» после Стамбула.* 16.06.2022.

Ориентация на «недипломатичную» составляющую метафорической системы исследуемых текстов может быть связана с особенностями самих языковых моделей, изначально содержащих эмоционально-экспрессивную и оценочную составляющие. Это достаточно четко прослеживается в использовании, например, таких моделей, как:

- **деструктивная модель** – как способ выражения и оценки одностороннего нарушения коллективным Западом международных законов, достигнутых ранее соглашений и т. п.: *Но отношения с ЕС были разрушены еще в 2014 г.* 19.05.2022 (языковая живая (образная) метафора); *У нас общие позиции по противодействию настойчивым попыткам, предпринимающимся западными странами, подорвать основы ООН.* 27.04.2022 (языковая живая

(образная) метафора); *«Принципы» свободного рынка, неприкосновенности частной собственности, презумпции невиновности. Всё это растоптано ими самими.* 19.03.2022 (языковая живая (образная) метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей); *Это [создание AUKUS] приведёт к развалу (языковая генетическая метафора) асеановской «десятки».* 19.03.2022; *В то же время остальные инструменты контроля над вооружениями и нераспространением практически порушены (языковая живая (образная) просторечная метафора).* 25.04.2022; *Теперь и этот принцип, который Запад возводил во главу угла, он сам же и растоптал (языковая живая (образная) метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей). Запад ясно дает понять, что будет «давить» (языковая живая (образная) метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей), не гнушаясь низкопробными средствами.* 08.06.2022;

- **модель психического расстройства** – как способ выражения и оценки действий коллективного Запада по сохранению «однополярного» мира, противодействию России и т. п.: *Это западная манера, их мания величия (языковая живая (образная) просторечная метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей) и привычка постоянно врать для того, чтобы оправдать своё собственное беззаконие.* 04.06.2022; *Все эти годы Запад устраивал истеричку (речевая сниженная метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей) по поводу того, что мы приняли решение выдавать желающим жителям Донбаса российские паспорта, Запад действительно устраивал истеричку и ни словом не упоминал, что эта практика давно применяется в той же Польше, Румынии.* 16.06.2022; *Эти санкции, похожие на истеричку (я бы даже сказал где-то на агонию) были иницированы Западом.* 29.05.2022; *Мы извлекаем из всего этого урок. Никогда впредь не надо полагаться на этих людей [современных западных политических лидеров]. Это не означает, что мы не будем с ними вообще разговаривать. Когда они «перебесятся» (языковая живая (образная) просторечная метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей), посмотрим, что они нам скажут.* 04.06.2022; *Это уже у наших американских коллег потеря чувства реального, либо захлестывающий все нормы комплекс сверхполноценности.*

Такие комплексы уже были в истории, мы это знаем (развернутая речевая метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей). 19.03.2022;

- **социально-иерархическая модель** – как способ выражения неравноправных отношений коллективного Запада с большинством развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки, с Украиной, а также США – с странами ЕС и партнерами по НАТО: Неоднократно предлагали организовать для вывода судов с нужными товарами через гуманитарные коридоры, но украинская сторона не идёт на сотрудничество. Её западные «хозяева» на это никак не реагируют (речевая метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей). 11.05.2022; Сейчас, когда Запад ... переходит к установлению своего доминирования во всех сферах, то и мы, и Китай, и все другие уважающие себя страны, которые не хотят быть послушными «мальчиками на побегушках» у Запада, занимаются тем, что делают всё для того, чтобы ключевые отрасли ... не зависели от тех, кто доказал свою полную неадекватность (развернутая речевая метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей). 17.05.2022; Но их [страны с недемократическими режимами] пригласили на саммит за демократию, потому что они были послушными слугами Вашингтона или их признали таковыми (языковая образная метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей). 29.04.2022; Эти страны не хотят поступаться со своим национальным достоинством, бегая, как прислужники и выполняя задания «старших товарищей» (развернутая речевая метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей). 26.05.2022; До сих пор нам непонятно, какой инструктаж получает В. А. Зеленский от своих хозяев в Вашингтоне, Лондоне и какие они собираются альянсы создавать (речевая метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей). 16.06.2022в.

Наконец, в исследуемых интервью, ответах на вопросы журналистов фиксируются случаи, когда ярко экспрессивная и оценочная («недипломатичная») развернутая метафора становится когнитивным центром модели, которая объединяет вокруг себя преимущественно неинституциональные переносы из других языковых моделей. К такого рода феноменам можно отнести ассоциацию деструктивной деятельности США (и коллективного Запада) в современном мире с **правами Дикого За-**

пада (в фильмах-вестернах), где **нет законов, а есть право сильного** – ср.: *США создавались через принципы «золотой лихорадки» – «первым пришел, первым обслужен», а «кто первый выстрелил, тот и победил».* Мы не хотим быть частью этой игры и не хотим быть частью этого грабежа. 29.04.2022.

Наиболее значимыми концептуально значимыми компонентами в данной модели становятся признаки 'насилие как средство утверждения своего господства'; 'асоциальные/противоправные действия как средство экономического и политического воздействия на оппонента'. Именно эти компоненты актуализируются при использовании переносов на базе различных языковых моделей, например:

- компонент **'насилие'**: Сейчас американцы и другие западные страны пытаются обесценить право вето. Хотят передать прерогативу Совета безопасности в Генеральную Ассамблею ООН. Там они могут путем «выкручивания рук», шантажа, вплоть до угроз..., получить вымученное, насильственно достигнутое большинство (развернутая метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей). 25.04.2022; [США] подмяли под себя весь Запад – сейчас это уже всем очевидно (сниженная разговорная языковая метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей). 15.05.2022; Они [молдаване] должны беспокоиться о своем собственном будущем, потому что их затягивают в НАТО (сниженная языковая метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей). 29.05.2022;
- компонент **'асоциальные/противоправные действия'**: Запад «кинул» (арготическая, сленговая метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей) нас. Стал тут же поддерживать новые власти [Украины] в силу того, что они объявили антироссийский курс. 19.03.2022; 11.05.2022; Когда после начала специальной военной операции на Украине, наши западные «друзья» украл у нас более, чем 300 млрд долларов [блокировка российских активов в западных странах], по факту они украли то, что заплатили сами же за газ. Иными словами, они все эти годы пользовались нашим газом бесплатно. Чтобы избежать продолжения этого грабежа, Президент России В. В. Путин подписал указ, согласно которому с этого момента нужно будет платить ... «Газпром-банку» по-прежнему в долларах и евро. ... Это абсолютно необходимая схема, чтобы

избежать продолжения бесстыдного грабежа, в который вовлечены эти страны. ... «Газпром» фактически был ограблен. (развернутая языковая метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей и с частичной актуализацией прямого значения). 29.04.2022; Я сказал одному из них [западных дипломатов, неофициально объявивших о своем несогласии с новыми санкциями против РФ], что консенсус означает, что если хотя бы один против, то решения нет. Если ты против, скажи об этом. Это круговая порука (языковая образная метафора с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей) 19.03.2022).

Выводы

1. Комплексный семантический, дискурсивный, лингвокогнитивный анализ текстов интервью и пресс-конференций Министра иностранных дел РФ, данных после начала специальной военной операции РФ на Украине (24.02.22–16.06.22), показывает, что С. В. Лавров активно употребляет переносы, которые находятся на границе собственно институциональных или выходят за эти рамки (разговорные, внелитературные, языковые и речевые, развернутые, метафоры с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей).

2. Ситуативно-тематический анализ свидетельствует об избирательности использования Министром неинституциональных переносов, которые фиксируются преимущественно при освещении глобальных проблем международных отношений, в частности, на обострении конфликтов, связанных со стремлением коллективного Запада (во главе с США) доминировать в мировом сообществе. С помощью «недипломатичных» и пограничных с ними метафор С. В. Лавров акцентирует внимание на негативной (официальной и личностной – от иронической до гневной) оценке неправомерного, агрессивно-провокационного, конфликтного и бесперспективного характера такой политики.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА

Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе встречи с финалистами трека «Международный конкурс управленцев «Лидеры России», Москва, 19 марта 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/video/posledniye_dobavleniye/1805180/

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова по итогам встречи с Президентом Международного Комитета Красного Креста П. Маурером, Москва, 24 марта

3. Данная смысловая и прагматическая доминанта получает отражение в составе используемых С. В. Лавровым концептуальных метафор и той роли, которую играют «недипломатичные» переносы в реализации этих моделей. Неинституциональные метафоры могут концентрироваться в одном из участков общеязыковой когнитивной матрицы для характеристики определенных типов ситуаций (ср. реализацию пространственной модели целенаправленной деятельности). В других случаях такого рода переносы могут занимать доминирующее положение в реализации модели, что обусловлено основным когнитивным принципом формирования концептуальных метафор (ср. модели деструкции, психической аномалии, социальной иерархии). Наконец, развернутые экспрессивные и эмоционально-оценочные метафоры могут стать когнитивным ядром, вокруг которого объединяются переносы из разных языковых моделей (ср. ассоциацию деструктивной деятельности коллективного Запада во главе с США с нравами Дикого Запада, где нет законов, а есть право сильного).

4. Использование неинституциональных метафор с сильной эмоционально-оценочной составляющей в принципе соответствует месту жанров интервью и пресс-конференции Министра иностранных дел – на пересечении собственно дипломатического и политического дискурсов. Возросшая активность такого рода переносов после начала специальной военной операции РФ на Украине во многом связана с инициированной коллективным Западом прямой конфронтацией с Россией, с отсутствием прямых дипломатических контактов с западными странами в рамках «тихой» (в терминологии С. В. Лаврова) дипломатии. Вместе с тем «недипломатичные» метафоры в полной мере выполняют основные функции дипломатического дискурса – отражение государственной точки зрения на международные проблемы, стремление убедить адресата в правомерности данной позиции, защита интересов страны.

2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1806125/

Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова индийскому телеканалу «Индия Тудэй», Москва, 19 апреля 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1810023/

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова по итогам переговоров с Заместителем Премьер-министра – Министром иностранных дел Республики Казахстан М. Б. Тлеуберди, Москва, 22 апреля 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1810518/

Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова программе «Большая игра» на «Первом канале», Москва, 25 апреля 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1810694/

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Генеральным секретарем ООН А. Гутеррешем, Москва, 26 апреля 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1810897/

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова по итогам переговоров с Министром иностранных дел Государства Эритрея О. Салехом, Москва, 27 апреля 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1811037/

Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова телеканалу «Аль-Арабия», Москва, 29 апреля 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1811531/

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Султаната Оман Б. Аль-Бусаиди, Оман, 11 мая 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1812687/

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова по итогам заседания Совета министров иностранных дел СНГ, Душанбе, 13 мая 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1813294/

Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе встречи с участниками просветительского марафона «Новые горизонты», Москва, 17 мая 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1813721/

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел и международного сотрудничества Республики Мали А. Диопом по итогам переговоров, Москва, 20 мая 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1814190/

Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова телеканалу «RT Arabic», Москва, 26 мая 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1814963/

Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова французскому телеканалу «TF1», Москва, 29 мая 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1815148/

Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Королевства Бахрейн А. Л. Аз-Зайяни по итогам переговоров, Манама, 31 мая 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1815430/

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова по итогам заседания Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, Эр-Рияд, 1 июня 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1815613/

Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова боснийско-сербской телерадиокомпании «Радио и телевидение Республики Сербской», Москва, 4 июня 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1816198/

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по актуальным вопросам международной повестки дня, Москва, 6 июня 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1816449/

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова по итогам переговоров с Министром иностранных дел Турецкой Республики М. Чавушоглу, Анкара, 8 июня 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1816794/

Выступление и ответы на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции Министра иностранных дел России С. В. Лаврова и Министра иностранных дел Республики Армения А. С. Мирзояна по итогам переговоров, Ереван, 9 июня 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1817025/

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам заседания СМД ОДКБ, Ереван, 10 июня 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1817245/

Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова информационному агентству ТАСС, Санкт-Петербург, 16 июня 2022 года (а). https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1818188/

Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова телеканалу «Би-Би-Си», Санкт-Петербург, 16 июня 2022 года (б). https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1818228/

Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова телеканалу НТВ, Санкт-Петербург, 16 июня 2022 года (в). https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1818292/

Ответ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на вопрос программы «Москва. Кремль. Путин», Москва, 19 июня 2022 года. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1818499/

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007. 24 с.
2. Голованова Д. А. Интердискурсивность дипломатического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 7 (92). С. 25–30.
3. Кожетева А. С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса (на материале вербальных нот) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 23 с.
4. Метелица Е. В. Дискурс дипломатического протокола в англоязычной ритуальной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 20 с.
5. Яппарова В. Н. Дипломатический дискурс как объект междисциплинарного исследования // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 165–170.

6. D'Acquisto G. *A Linguistic Analysis of Diplomatic Discourse: UN Resolutions on the Question of Palestine*. Cambridge Scholars Publishing, 2017. 140 p.
7. Hamilton K., Langhorne R. *The Practice of Diplomacy. Its Evolution, Theory and Administration*. Second edition. L. ; N. Y. : Routledge, 2010. 328 p.
8. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1 (022). С. 47–56.
9. Беляков М. В., Максименко О. И. Коммуникативно-эмотивные характеристики идиолекта дипломата // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 368–383.
10. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма научной коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 166–185.
11. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
12. Балашова Л. В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики // Вестник Омского университета. 2015. № 2 (76). С. 166–169.
13. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славянской культуры, 2014. 632 с. (Studia Philologica).
14. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. М. : Наука, 1988. С. 173–204.
15. Балашова Л. В. Русская метафора. Прошлое. Настоящее. Будущее. М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica).
16. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М. : Рукописные памятники Древней Руси ; Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica).
17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 387–415.
4. Metelitsa E. V. *The discourse of diplomatic protocol in English-language ritual communication*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2003. 20 p. (in Russian).
5. Yapparova V. N. Diplomatic discourse as an object of interdisciplinary research. *Philology and Culture*, 2016, no. 2 (44), pp. 165–170 (in Russian).
6. D'Acquisto G. *A Linguistic Analysis of Diplomatic Discourse: UN Resolutions on the Question of Palestine*. Cambridge Scholars Publishing, 2017. 140 p.
7. Hamilton K., Langhorne R. *The Practice of Diplomacy. Its Evolution, Theory and Administration*. Second edition. London, New York, Routledge, 2010. 328 p.
8. Terenty L. M. Diplomatic discourse as a special form of political communication. *Questions of Cognitive Linguistics*, 2010, no. 1 (022), pp. 47–56 (in Russian).
9. Belyakov M. V., Maksimenko O. I. Communicative and emotive characteristics of a diplomat's idiolect. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 368–383 (in Russian).
10. Terenty L. M. Diplomatic discourse as a special form of scientific communication. *Questions of Psycholinguistics*, 2015, no. 2 (24), pp. 166–185 (in Russian).
11. Arutyunova N. D. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and the world of the human]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1998. 896 p. (in Russian).
12. Balashova L. V. Dynamic concept of metaphor: from Aristotle to modern cognitive linguistics. *Bulletin of Omsk University*, 2015, no. 2 (76), pp. 166–169 (in Russian).
13. Baranov A. N. *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 632 p. (Studia Philologica) (in Russian).
14. Teliya V. N. Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world. In: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and picture of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 173–204 (in Russian).
15. Balashova L. V. *Russkaya metafora: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [Russian Metaphor: Past, Present, Future]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 496 p. (Studia Philologica).
16. Balashova L. V. *Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitii: XI–XXI vv.* [Russian metaphorical system in development: XI–XXI centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 632 p. (Studia Philologica) (in Russian).
17. Lakoff J., Johnson M. The metaphors we live by. In: *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 387–415 (in Russian).

REFERENCES

Поступила в редакцию 16.06.2022; одобрена после рецензирования 25.07.2022; принята к публикации 15.08.2022
 The article was submitted 16.06.2022; approved after reviewing 25.07.2022; accepted for publication 15.08.2022

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 285–292

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 285–292

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-285-292>, EDN: LDRYDW

Научная статья

УДК 81'161'1'42+929Сахаров

К столетию А. Д. Сахарова: дискурс А. Д. Сахарова как научная публицистика (обозначение говорящего как маркер жанра)

Э. Р. Лассан

Вильнюсский университет, Литва, LT-01513, г. Вильнюс, ул. Университето, д. 3

Лассан Элеонора Руфимовна, хабилированный доктор гуманитарных наук, аффилированный профессор кафедры русской филологии, eleonora.lassan@flf.vu.lt, <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Аннотация. Объектом исследования в данной статье является один из главных текстов академика А. Д. Сахарова – «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», датированный 1968 г. Интерес лингвиста к сахаровскому дискурсу в известной степени мотивируется вопросом о том, каковы черты текста, который самим названием указывает на мыслительные практики философского дискурса и вместе с тем является не только полемическим по отношению к официальным дискурсивным практикам, но и, в силу личности автора-ученого, соединяет научную информацию и политическую позицию субъекта.

Для исследования автор предлагаемой статьи избрал только один из системных элементов текста – обозначение отправителя дискурса. Причина выбора такого объекта исследования объясняется тем, что «образ автора», волнующий исследователей со времен Бахтина и прежде всего по отношению к художественному дискурсу, имеет жанровую обусловленность репрезентации. Как показано в статье, обозначение субъекта текста в «Размышлениях...» соотносится со способами обозначения говорящего в разных по жанру типах дискурса и коррелирует с соответствующими обозначениями «Другого», что может рассматриваться как маркер научной публицистики. Автор полагает, что анализ эгомаркеров текста может быть эффективным при определении его жанровой принадлежности.

Ключевые слова: дискурс Сахарова, эгомаркеры текста, обозначение говорящего, обозначение «Другого», научная публицистика

Для цитирования: Лассан Э. Р. К столетию А. Д. Сахарова: дискурс А. Д. Сахарова как научная публицистика (обозначение говорящего как маркер жанра) // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 285–292. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-285-292>, EDN: LDRYDW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the centenary of A. D. Sakharov: Sakharov's discourse as science publicistics (identifying the speaker as the genre marker)

E. R. Lassar

Vilnius University, 3 Universiteto St., Vilnius LT-01513, Lithuania

Eleonora R. Lassar, eleonora.lassan@flf.vu.lt, <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Abstract. A linguist's interest toward Sakharov's discourse is to a greater extent motivated by the question of what the characteristics of the text whose title (Progress, Coexistence and Intellectual Freedom) itself refers to cogitative practices of philosophical discourses are; the text that not only is polemical in relation to official discursive practices, but due to the personality of the author and the scientist, unites both scientific information and the political standpoint of the subject. For the analysis the author of the article chooses only one systemic text element, i.e. the manifestation of the speaker. Such a choice of the subject of the research is accounted for by the fact that, according to the author of the article, the representation of the author in nonfiction discourse is predetermined by the genre. The author's analysis of Sakharov's "Self" through its incorporation into communicative practices and relations with the "Other" stems from the "Self-concept".

As it is demonstrated in the article, the identification of the subject of the text in “Progress...” is relatable to the means of identifying the speaker in different types of discourse in terms of a genre; it correlates with the corresponding identification of the “Other”, which may be viewed as a marker of science publicistics. The author thinks that the analysis of ego markers of text may be effective when defining its genre.

Keywords: Sakharov’s discourse, text ego markers, the identification of the speaker, the identification of the “Other”, science publicistics

For citation: Lassan E. R. On the centenary of A. D. Sakharov: Sakharov’s discourse as science publicistics (identifying the speaker as the genre marker). *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 285–292 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-285-292>, EDN: LDRYDW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Объектом исследования в данной статье является один из главных текстов академика – «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», датированный 1968 г.¹ Автор обращался к дискурсу А. Д. Сахарова в рамках своей книги «Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ» [1]. Как ни странно, но автор не знаком с другими исследованиями текстов этого великого ученого и правозащитника, поэтому позволяет напомнить о них в связи со столетием со дня рождения академика. Представляемый материал относится в некоторой степени к истории лингвистики, поскольку со времени публикации исследования прошло больше четверти века. С другой стороны, автор представляемой статьи дополняет исследование тех лет более поздними концепциями Я как отправителя текста, что в сочетании с предметом описания – личностью Сахарова и его идеями – позволяет надеяться на некоторый интерес к материалу со стороны потенциального читателя.

А. Д. Сахаров так характеризует роль этой статьи в своей правозащитной деятельности: «В ней я хотел отразить свои мысли о самых важных вопросах, стоящих перед человечеством... Я оцениваю сейчас это произведение как эклектическое и местами претенциозное. Тем не менее, основные его мысли мне дороги. В работе четко сформулирован представлявшийся мне очень важным тезис о сближении социалистической и капиталистической систем как единственно альтернативной гибели человечества» [2].

Итак, в 1968 г. в «самиздате» распространяется статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», которая спустя время попадает в западную прессу, и академика отстраняют от секретной работы, увольняют из института. С этого времени А. Д. Сахаров занимается

правозащитной деятельностью: он становится одним из учредителей Комитета по правам человека, высказывается за отмену смертной казни, за право на эмиграцию, против принудительного лечения инакомыслящих в психиатрических больницах, помогает крымским татарам вернуться в Крым. Те, кому удалось узнать А. Д. Сахарова из «вражеских голосов», отдают себе отчет в том, что автор текста «Размышлений...» – известнейший ученый-физик, отец советской водородной бомбы, ставший в оппозицию к власти. Те же, кто был проинформирован об А. Д. Сахарове из советской печати, мог узнать из «Письма членов Академии наук СССР» следующее:

В последние годы академик А. Д. Сахаров отошел от активной научной деятельности и выступил с рядом заявлений, порочащих государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза. Недавно в интервью, данном им зарубежным корреспондентам в Москве и опубликованном им в западной печати, он дошел до того, что выступил против политики Советского Союза на разрядку международной напряженности и закрепление тех позитивных сдвигов, которые произошли во всем мире за последнее время. Эти заявления, глубоко чуждые интересам всех прогрессивных людей, А. Д. Сахаров пытается оправдать грубым искажением советской действительности и вымышленными упреками в отношении социалистического строя [3].

Источники сведений о Сахарове, при всех идеологических различиях, так или иначе сообщали читателю, что А. Д. Сахаров – ученый и общественный деятель, совершивший некие речевые действия, имеющие большой общественный резонанс. «Образ автора» текстов, о которых говорили различные источники, мог вызывать полярные оценки, однако в своей референтной части «образ» имел констант-

¹Статья впервые опубликована 22 июля 1968 г. в одной из самых влиятельных в мире газет *New York Times*.

ную часть: ученый и правозащитник/враг СССР².

Интерес лингвиста к сахаровскому дискурсу в известной степени мотивируется вопросом о том, каковы черты текста, который самим названием («Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе») указывает на мыслительные практики философского дискурса: («Метафизические размышления» Декарта (1641), «Картезианские размышления» Гуссерля (1929) и вместе с тем является не только полемическим по отношению к официальным дискурсивным практикам, но и, в силу личности автора-ученого, соединяет научную информацию и политическую позицию субъекта. В сущности, А. Д. Сахаров сам определил жанр своего текста в «Небольшом предисловии» к «Размышлениям...»: «...это было одно из первых прорвавшихся на Запад произведений общественно-политического характера, к тому же автором был отмеченный высшими знаками отличия представитель “таинственной” и “грозной” специальности физика-атомщика» [2:1].

1. Обозначение говорящего и адресата как эгомаркер жанра

Для исследования автор предлагаемой статьи избрал только один из системных элементов текста – обозначение отправителя дискурса. Причина выбора такого объекта исследования объясняется тем, что «образ автора», волнующий исследователей со времен Бахтина и прежде всего по отношению к художественному дискурсу, имеет, по мнению автора, жанровую обусловленность репрезентации. По отношению к нехудожественному дискурсу термин «образ автора» не совсем уместен, поскольку несет на себе шлейф исследований того, как представлен автор в художественных текстах. Е. В. Литовская пользуется термином «категория автора» [4], что представляется адекватным исследованию материала, где автор или явлен в соответствии с жанровой характеристикой текста (публицистика – автор репрезентирует себя как личность, чьи мировоззренческие и нравственные установки должны определить симпатии аудитории, к которой обращена мысль «на злобу дня»), или маскирует личность начало в силу репрезентации информации как объективной и чисто рациональной. Так, автор-ученый придерживается стиля, где наименее явлены индивидуализация и рито-

рические ходы, оказывающие эмоциональное влияние на адресата.

Таким образом, принципиальное различие жанровых характеристик различных текстов можно увидеть в различных типах «эгомаркеров» текста. «Вопрос о том, как происходит ... выражение себя», самопредставление в текстах различного стиля, жанра и типа, давно интересует исследователей. Так, традиционно считается, что разговорная речь и язык художественной литературы, являясь более эмоционально насыщенными и нестрогими функциональными разновидностями языка, обладают широкими возможностями представления субъекта речи. Что же касается научного дискурса, то принято считать, что безличность является его важным лингвистическим признаком [5]. Так или иначе, но «Я» стоит за любым текстом, и при разности своей репрезентации сохраняет свою самоидентификацию: «Я – непосредственно мне данная целостность моей индивидуальной жизни. Я – воспринимаю себя как центр моего сознания, как то, кому принадлежат мои мысли, желания, переживания. В то же время Я – это единство моей индивидуальной биографии, это то, что гарантирует мою само-идентичность. Наконец, Я – это то, что управляет моим телом, это инстанция, обеспечивающая свободное принятие моих решений и несущая ответственность за их осуществление и последствия» [6]. «Новая философская энциклопедия», цитата из которой приведена выше, отмечает и концепцию «Я» Гуссерля, согласно которой «Я» существует только во взаимодействии с объектом внешнего мира, и коммуникативные концепции «Я», где «Я» невозможно без его вписанности в определенные коммуникативные практики. Если учитывать эту концепцию³, то анализ репрезентации «Я» как отправителя текста не может не учитывать и специфику «Ты/Вы» – Другого как адресата дискурса.

В дискурсе А. Д. Сахарова несомненный интерес с избранной точки зрения представляют номинации говорящего, поскольку они весьма разнообразны. Само появление текста с таким названием («Размышления...») позволяет говорить о самопрезентации «Я» Сахарова как Я-мыслящего («размышления») и Я-действующего (то, что само появление текста стало общественным действием, следует из предисловия к тексту). В восприятии читателя целостное «Я автора» предстает как синтез Я-знающего (ученый), Я-говорящего (речевой поступок), Я-оценивающего

²По опыту знакомства с этим текстом в 70-е гг. прошлого века автор данной статьи пишет, что проводником текста к относительно широкому слушателю были «голоса»: «Голос Америки», «Свобода» и т. п.

³По мнению автора данной статьи, данная концепция весьма точна, поскольку Я реализуется только во взаимодействии с внешним миром и оценивает себя на фоне этого взаимодействия.

(публицистика). Попытаемся только на одном из структурных элементов текста (адресант – адресат) показать жанровое своеобразие текста, с одной стороны, и с другой – соотнести обозначения отправителя дискурса с некоторыми концепциями «Я».

Итак, обратимся к тексту. В New York Times, впервые опубликовавшей эту статью, текст предстал огромным по газетным масштабам (три полные страницы, более 40 машинописных) [7]. Он многотемен и «многомирен» – охватывает современную Сахарову действительность и два возможных будущих мира: «мир катастроф» и «мир разрешенных конфликтов – объединенного сотрудничающего человечества». «Антиутопия» и «утопия» – обозначили бы соединение этих двух жанров литературоведы.

К внешним приметам, обозначающим принадлежность текста к научному дискурсу, можно отнести структурирование материала – выделение глав, подразделов, наличие выводов в каждой главе, а также структурирование посредством нумерации (1, 2, 3 и т. д.), большое количество лексики, не имеющей хождения в широком обиходе и связанной, скорее, с научной тематикой: «радиоактивная пыль», «гигиена», «производительные силы» и т. п. Черта, не характерная для научного дискурса (впрочем, сегодня она имеет место) – наличие эпиграфа: «Лишь тот достоин славы и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Эпиграф задает определенные отношения в ожидании содержания и уже побуждает читателя к определенному умонастроению.

1.1. Обозначение говорящего

Как мы уже говорили, репрезентация сферы субъективности в общественно-политическом и научном дискурсе осуществляется по-разному. В познании она построена таким образом, что «всякий индивид здесь скрыт за некоей универсальной маской Всеобщего субъекта и говорит от его имени. В противном случае ученого упрекают, что его высказывание есть его личное мнение» [8: 64]. Такая особая форма выражения авторства была обязательной для советской науки, где обычной формой выражения являлось местоимение «мы» или безличные конструкции типа «думается», «представляется» [Там же]. Американские лингвисты позволяли себе употреблять в научном дискурсе местоимение «Я» (напр., Ч. Филлмор: «В этой статье я сопоставляю семантические теории, основывающиеся на понимании языка (в широком смысле), с се-

мантическими теориями, в основе которых лежат суждения об (относительной) истинности» [9]).

В тексте «Размышлений» используются три формы обозначения авторства «Я» – «Мы» – «Автор». Рассмотрим последовательно использование этих обозначений.

«Я». В «Небольшом предисловии», предваряющем текст статьи и написанном значительно позже⁴, используется только местоимение «Я» для обозначения отправителя дискурса и автора «Размышлений...». Однако здесь мы имеем два разных «Я» – одно фиксирует единство, «телесную» идентичность автора во времени: *В 1967 году я написал для одного распространявшегося в служебном порядке сборника футурологическую статью о будущей роли науки в жизни общества и о будущем самой науки... В начале 1968 года я начал работу над книгой, которую назвал «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».* В ней я хотел отразить свои мысли о самых важных вопросах, стоящих перед человечеством, – о войне и мире, о диктатуре... Однако сразу вступает голос Я, расщепленного во времени: *на общем настроении работы сказало время ее написания – разгар «пражской весны»... Я оцениваю сейчас это произведение как эклектическое и местами претенциозное, несовершенное («сырое») по форме. Тем не менее основные мысли его мне дороги.* Здесь мы видим изменение «Я» во времени – оставаясь единым в смысле «телесном» и осознающим свою экзистенциальную идентичность, «Я» выступает как рефлекслирующее над самим собой. «Есть и другое Я, которое присуще мне, но не может быть локализовано в пространстве и времени. Это Я выражает наличие некоторого «внутреннего мира», который является предметом рефлексивного отношения со стороны второго Я. «Внутренний мир» сознания не существует изначально... а конструируется в результате развития моих внешних коммуникаций с другими людьми» [10]. Эти «два Я», реализующиеся в разных по времени коммуникативных практиках, демонстрируют, как представляется, подвижность мышления академика Сахарова, отсутствие догматизма, способность к критическому взгляду на самого себя.

Основная часть текста демонстрирует другие обозначения отправителя дискурса: *Взгляды автора формировались в среде научной и научно-технической интеллигенции, которая проявляет очень большую озабоченность в принципиальных и конкретных*

⁴Впервые в России «Размышления...» опубликованы в 1990 г. («Вопросы философии», № 2, «Юность», № 3 и сборник «Тревога и надежда», для которого в 1989 г. написано «Небольшое предисловие»).

вопросах внешней и внутренней политики, в вопросах будущего человечества... «Научным» мы считаем метод, основанный на глубоком изучении фактов, теорий и взглядов, предполагающий непредвзятое, беспристрастное в своих выводах, открытое обсуждение.

В выносимой на обсуждение читателей брошюре автор поставил себе целью с наибольшей доступной ему убедительностью и откровенностью изложить два тезиса, которые разделяются очень многими людьми во всем мире.

Как видим, здесь исчезает «Я» как субъект размышления, а появляется несколько отчужденное от «Я» обозначение «автор», которое выступает как социальная ипостась говорящего: субъекта определенных политических воззрений, непосредственно действующего лица, совершающего речевой поступок, субъекта интеракционного действия. «С этой статьей автор обращается к руководству страны...», «В выносимой на обсуждение читателей брошюре автор поставил целью с наибольшей убедительностью изложить два тезиса...», «По существу взгляды автора являются глубоко социалистическими...» и т. д.

«Мы». Наряду с «автором» появляется и местоимение «мы» – оно употребляется так, как обычно делается в научном дискурсе: это не инклюзивное «мы», включающее читателя или единомышленника, а «умноженное» Я – субъект знания, которое не есть мнение. Такое употребление «мы» не единично: «Приведем лишь разрозненные примеры», «Суммируя содержание первых разделов, мы приходим к выводу...» и т. д. – конвенциональная форма научного дискурса, где носитель определенного рассуждения и субъект дискурсивного действия «скрывается за универсальной маской». Ниже в тексте местоимение «Мы» встречается и как инклюзивное: «Мы живем в быстроменяющемся мире... Научное изучение нашего вмешательства (в природу. – Э. Л.) явно отстает от темпов происходящих изменений» и т. д. А. Д. Сахаров относит «мы» ко всему человечеству, описывая общую опасность, нависшую над ним. Такое использование местоимения, как представляется, в определенной степени характерно для публицистического стиля, поскольку должно создать платформу единочувствия – сделать так, чтобы человечество прочувствовало то, о чем говорит ученый-мыслитель.

«АВТОР». Наибольшее количество обозначения говорящего существительным «автор» содержится в «Заключении» – в пяти предло-

жениях пять раз употребляется это слово для обозначения отправителя дискурса: «С этой статьей автор обращается к руководству страны...»; «Автор понимает спорность многих положений статьи...», его цель – открытое обсуждение...»; «Автор просит учесть это...»; «Автор глубоко благодарит... читателей предварительных вариантов...» и т. п. Являясь субъектом действия, касающегося еще кого-то, говорящий уже через сам синтаксис текста встречается с «Другим» (благодарит его, спорит или соглашается, концентрирует его внимание) – совершает поступок. Можно говорить о двух «Других» в тексте Сахарова: одного из них назовем «не-Другой» (тот, кто разделяет взгляды пишущего – «многие люди»), а того, кто стоит на иных позициях, противостоит «автору», назовем настоящим «Другим».

По нашей версии, употребление существительного для обозначения субъекта текста, равнозначное обозначению 3-м лицом (он) там, где «автор» встречается с «Другим», закономерно: говорящий выступает как субъект взаимодействия с внешним миром, с другим равноправным актором. «Автор», отстраняясь от «Я», в меньшей мере субъективизирует восприятие мира и готов к его беспристрастному (бесстрашному) обсуждению.

Можно сказать, что наиболее последовательно в дискурсе осуществляется употребление местоимения «я». Это местоимение имеет эпистемическую значимость, называя субъекта полагания, которое выражается глаголами думать, считать, полагать [11: 8]: «Я думаю, что разумным методом решения этой деликатной проблемы явился бы не партмаксимум...», «Я считаю, что в ходе экономической реформы...» и т. д. Даже если перформативные глаголы в тексте отсутствуют, предложение допускает трансформацию, при которой соответствующий глагол в тексте может появиться: «Я не против социалистического принципа» = Я не считаю социалистический принцип предосудительным (плохим и т. п.). Н. Д. Арутюнова отмечает особые прагматические коннотации «Я»-установки полагания – «снятие категоричности утверждения, подчеркивание того, что выражается суждение, основанное на личных сведениях и впечатлениях» [11: 16]. Эпистемическое суждение обычно вводит мнение-ответ на некоторый поставленный в других дискурсах вопрос: «Я» отвечает на этот вопрос и таким образом как бы выражает диалог мнений, имплицитно предполагая наличие Другого.⁵ «Хочу подчеркнуть, что я не против социалистического принципа оплаты по количеству

⁵Нужно сказать, что в дискурсах власти Другой, как мыслящий иначе, элиминировался из возможного пространства общения. Диалог не предполагался.

и качеству труда...». В таких же контекстах полагания, мнения в научном дискурсе чаще употребляется «мы» (*мы полагаем*) – создается впечатление большей уверенности говорящего в праве высказывания и истинности высказываемого мнения.

Интересным представляется соотношение глаголов *видеть* и *понимать* при обозначении ментальных действий: «я понимаю спорность многих моментов статьи» – *я вижу спорность многих моментов статьи*. Н. Д. Арутюнова усматривает основное различие между ментальными состояниями, передаваемыми *видеть* и *полагать* в том, что объект полагания имеет ментальную природу, содержится в мыслях. Того, о чем думает говорящий, может не быть в действительности (возможный мир, эпистемическая модальность), в отличие от пропозиции, вводимой глаголом *видеть* []. Сахаровский «автор» *понимает*, то есть допускает, что статья может показаться спорной, однако он сам полагает возможным предложить ее адресату в силу собственного непротиворечивого понимания ситуации. Если бы употреблялся глагол *видеть* (*вижу спорные моменты статьи* – онтологическая модальность), это означало бы, что автор не находится в согласии с самим собой и осмеливается предложить на общий суд не до конца выверенные положения. Таким образом, мы можем говорить о мягко выраженной уверенности Сахарова в своей правоте и предвосхищении непонимания со стороны адресата.

В некоторых случаях в контекстах мнения Сахаров использует существительное «автор», а не соответствующее нашей версии местоимение «Я»: «Автор понимает спорность...», «Автор очень хорошо понимает, какие уродливые явления... рождает эгоистический принцип капитала...». Однако следует учесть, что такая фраза помещена между двумя другими, где отправитель дискурса выступает как социальное лицо (автор), что, видимо, и влияет на выбор формы 3-го лица.

Возможно и несколько иное объяснение употребления имени «автор», а не местоимения «Я» в контекстах мнения у Сахарова. «Я» онтологической модальности (реальной, бытийной) более эгоцентрично: тот, кто выражает себя через «я», вносит в текст его субъективность, весь круг связанных с ним коннотаций: самолюбие, выделенность из континуума и моделирование этого континуума относительно «я» (проявляется через дейкти-

ческие слова «здесь», «сейчас», «там» и т. п.). Видимо, поэтому, «в науке стремление говорить от первого лица выглядит достаточно нескромным» [8: 65]. Отсюда следует, что А. Д. Сахаров в известной степени подчиняется правилам научного дискурса, хотя в большинстве случаев, используя «я», не уходит от ответственности за образ своих мыслей.

Таким образом, обозначение говорящего в тексте «Размышлений» само по себе позволяет говорить о синтетической жанровой природе текста – научной публицистике. Здесь и неинклюзивное «мы», принятое в научном дискурсе для обезличивания говорящего, и берущая на себя ответственность, окрашенная страстями форма «я» (публицистика), и отчуждающаяся от собственной субъективности форма «автор», к сожалению, не описанная в лингвистической литературе с точки зрения ее прагматических коннотаций в нехудожественном дискурсе. Нам представляется, что форма обозначения личности, порождающей нехудожественный текст, словом «автор», придает тексту диалогичность, готовность к возможной дискуссии, определенную демонстрацию личностного начала – это позволяет рассматривать ее как переходную между «я» и «мы» в системе репрезентации стоящего за текстом субъекта.

1.2. Обозначение Другого

Поскольку концепции «Я» рассматривают формирование «Я» как личности через ее взаимодействие с объектами внешнего мира и участием «Я» в коммуникативной деятельности, постольку вопрос о репрезентации субъекта текста предполагает и его взаимодействие с «Другим» в коммуникативных практиках. Рассмотрим взаимодействие с «Другим» в сахаровском тексте.

1. «Я мысленно слышу здесь вопли о ревизионизме и притуплении классового подхода...». Существительное *вопли* является резко негативным обозначением предвосхищаемой реакции «Другого» как носителя иной точки зрения. «Первая реакция обывателя, когда он узнает о существовании проблемы: «они сами виноваты, почему они так сильно размножаются?»» (речь идет о демографических проблемах и голоде стран Африки). Здесь эксплицитно смоделирован конфликтный диалог между носителем научного знания (знатока проблемы) и «Другим». Этот «Другой», чья позиция расходится с позицией говорящего, назван «обывателем». Слово *обыватель*

⁶Быть мещанином – это значит быть обывателем в самом худшем смысле этого слова. Собственно, «обыватель» – уже само по себе слово негативного оттенка. Во всяком случае так нас воспитывали. Если человек обыватель, то это значит, что его собственная, маленькая личная жизнь и ее тихие радости, бытовой комфорт, карьера, интересуют гораздо больше, чем великие свершения Человечества, совершаемые необывателями. Так во всяком случае учили в советское время (<https://lrlay777.livejournal.com/567218.html>).

имело в период действия советской идеологии отрицательные коннотации⁶ – человек, живущий только своими мелкими интересами и не участвующий в общественной жизни, то есть в строительстве светлого будущего. Здесь А. Д. Сахаров словно говорит на «языке власти» – но и русская культура отвергала замкнутость на собственных интересах, отсутствие эмпатии, сострадания к другим: (напр., А. П. Чехов «Крыжовник»: «Надо, чтобы за дверью каждого довольно-го, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные...» или тот же А. П. Чехов в «Ионыче»: об обывателях как исповедниках тупой и злой философии). Таким образом, можно объяснить употребление слова *обыватель* в дискурсе Сахарова синтетическим следованием языку власти и русской классической культуры одновременно. В любом случае мы видим личностное, оценочно окрашенное отношение автора к «Другому», не разделяющему его воззрений, и такое оценочное отношение к Другому соотносится с «Я» автора текста, не скрывающего собственную субъективность.

2. «Часто в качестве главного ущерба от маоизма называют раскол мирового коммунистического движения...». «Обычно в наших пропагандистских кругах пишут...». Здесь мы видим формы неопределенно личных предложений для обозначения «Другого», того, с кем автор вступает в полемику. Неопределенно-личные предложения используются, как правило, в научном или политическом дискурсе для передачи действий или речевых актов научных или общественных субъектов. Полемичность сахаровского текста задается употреблением наречий «часто», «обычно» указывающих на банальность, неоригинальность определенных взглядов, что одновременно создает у реципиента ожидание новизны воззрения, которое выскажет говорящий в последующем тексте. Такая форма обозначения оппонента, характерная для названных выше дискурсов, коррелирует с номинацией

самого говорящего через «мы» – наиболее принятой формой научного дискурса. Так же, как за «мы» скрывается некоторый субъект познания, с одной стороны, лишенный индивидуальности, с другой – «умноженный», более весомый, так и за неопределенно-личной формой предложения скрывается некто – обезличенный и «умноженный» (этой формой множественного числа может быть обозначен и одиночный представитель определенных воззрений).

3. «Руководство нашей страны и наш народ должны знать.../Руководство нашей страны должно понимать...»/«Вероятно, автор не дождался таких же комплиментов от товарища...(N)». В дискурсе подобного типа Другой обозначен безоценочной формой, соотносимой с третьим лицом (*они/он*). Такая форма обычно относится к лицу, в непосредственном диалоге не участвующему, т. е. отчужденному от него, и характерна, скорее, для официальных документов. Она, соответственно, коррелирует с номинацией говорящего посредством 3-го лица («автор»).

Выводы

Таким образом, анализ номинаций говорящего и «Другого» в дискурсе А. Д. Сахарова позволяет усмотреть достаточно четкую систему соответствий между ними, что, в свою очередь, связано с самой личностью отправителя дискурса – человека с его страстями, ученого, общественного деятеля. Использование разных обозначений для отправителя дискурса и его адресата/оппонента демонстрирует близость «Размышлений...» как к публицистическим текстам, так и к собственно научному дискурсу, что позволяет и на данном основании соотносить текст с жанром научной публицистики. Проведенное описание, на взгляд автора статьи, побуждает думать, что анализ эгомаркеров текста может быть эффективным при определении его жанровой принадлежности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лассан Э. Р. Дискурс власти и инакомыслия в СССР (когнитивно-риторический анализ). Вильнюс : Изд-во Вильнюс. ун-та, 1995. 235 с.
2. Сахаров А. Д. Мир. Прогресс. Права человека. Л. : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1990. 128 с.
3. Письмо членов Академии наук СССР // «Правда» 29 авг. 1973 г. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2085> (дата обращения: 25.07.21)
4. Литовская Е. В. Текстовая категория автора в динамическом аспекте (на материале русских кулинарных

книг XIX–XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018. 26 с.

5. Гергокаева Д. Д. Эгоцентризм лингвистического дискурса : на материале русского, английского, карачаево-балкарского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 26 с.

6. НФЭ (Новая философская энциклопедия). URL: https://platon.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/ja/3-1-0-938 (дата обращения: 01.08.21).

7. Горелик Г. 50 лет «Размышлениям...» Андрея Сахарова о прогрессе, мире и свободе // «Троицкий вариант», № 13 (257), 17 июля 2018 года. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/

434201/50_let_razmyshleniyam_Andreya_Sakharova_o_progresse_mire_i_svobode (дата обращения: 02.08.22)

8. Парахонский Б. А. Семиотический субъект и субъект познания // Логика, психология, семиотика : аспекты взаимодействия. Киев : Наукова думка, 1990. С. 59–69.

9. Fillmore Ch. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di semántica. 1985 Vol. VI, no. 2, December. С. 222–254.

10. Hare R. The Self and Others... URL: https://platona.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/ja/3-1-0-938 (дата обращения: 01.08.21).

11. Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть» (К проблеме смещенных позиционных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М. : Наука, 1989. С. 7–30.

REFERENCES

1. Lassan E. R. *Diskurs vlasti i inakomysliya v SSSR (kognitivno-ritoricheskij analiz)* [The discourse of power and dissent in the USSR (cognitive-rhetorical analysis)]. Vil'nyus, Izd-vo Vil'nyus. un-ta, 1995. 235 p. (in Russian).

2. Sakharov A. D. *Mir. Progress. Prava cheloveka*. [The world. Progress. Human rights]. Leningrad, Sovetskij pisatel', Leningradskoe otdelenie Publ., 1990. 128 p. (in Russian).

3. Letter of the members of the USSR Academy of Sciences. "Pravda" 29 aug. 1973. Available at: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2085> (accessed 25 July 2021) (in Russian).

4. Litovskaya E. V. *The author's text category in the dynamic aspect (based on the material of Russian cook-*

books of the XIX–XXI centuries). Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Ekaterinburg, 2018. 26 p. (in Russian).

5. Gergokaeva D. D. *Egocentrism of linguistic discourse : Based on the material of Russian, English, Karachay-Balkar languages*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Nal'chik, 2008. 26 p. (in Russian).

6. (NFE). *New Philosophical Encyclopedia*. Available at: https://platona.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/ja/3-1-0-938 (accessed 01 August 2021) (in Russian).

7. Gorelik G. 50 years of Andrey Sakharov's "Reflections..." on progress, peace and freedom. "Troickij variant", № 13(257), 17 July 2018. Available at: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/434201/50_let_razmyshleniyam_Andreya_Sakharova_o_progresse_mire_i_svobode (accessed 02 August 2021) (in Russian).

8. Parahonskij B. A. Semiotic subject and subject of cognition. In: *Logic, Psychology of Semiotics : Aspects of Interaction*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, pp. 59–69 (in Russian).

9. Fillmore Ch. Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di semántica*, 1985, vol. VI, no. 2, December, pp. 222–254.

10. Hare R. *The Self and Others...* Available at: https://platona.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/ja/3-1-0-938 (accessed 01 August 2021).

11. Arutyunova N. D. "Believe" and "see" (On the problem of mixed propositional attitudes). In: *Logicheskij analiz yazyka. Problemy intentsional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov* [Logical analysis of language. Problems of intentional and pragmatic contexts]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 7–30 (in Russian).

Поступила в редакцию 26.08.2021; одобрена после рецензирования 11.10.2021; принята к публикации 17.11.2021

The article was submitted 26.08.2021; approved after reviewing 11.10.2021; accepted for publication 17.11.2021

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 293–301

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 293–301

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-293-301>, EDN: EOBRQK

Научная статья

УДК 821.161.1.09-32:81'23+929[Выготский+Бунин]

**Возможности и ограничения жанра психологического эссе,
или Опыт медленного чтения статьи Л. С. Выготского
о «Легком дыхании» И. А. Бунина**

В. П. Крючков[✉], О. В. Якунина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Крючков Владимир Петрович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
логопедии и психолингвистики, vpks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7479-0779>

Якунина Ольга Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры логопедии
и психолингвистики, olgayakunina64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2667-9376>

Аннотация. Статья включает аналитический обзор различных концептуальных подходов, интерпретаций новеллы И. А. Бунина «Легкое дыхание», появившихся за десятилетия после написания статьи Л. С. Выготского о «Легком дыхании» И. А. Бунина. В качестве наиболее проблематичных и вызывающих противоположные точки зрения выделены: взаимосвязь и взаимозависимость формы и содержания в произведении; противоречивый образ юной гимназистки Оли Мещерской; кульминационный мотив «падения» главной героини; специфика конфликта; символический смысл доминантного мотива легкого дыхания и финала новеллы. Обосновывается жанровое определение статьи Л. С. Выготского как психологического эссе, включающего преимущественно индивидуальные субъективные художественные впечатления и комментарии автора по поводу отдельных элементов формосодержания произведения в эмоционально-художественном стиле. Рассматривается толкование Л. С. Выготским конфликта формы и содержания в новелле И. А. Бунина, отмечается нечеткость в разграничении автором «жизнейской» основы новеллы и цепи событий в новелле в их «естественной» последовательности, что приводит, в трактовке Выготского, к приобщению к «жизнейской мути» также и героини новеллы Оли Мещерской. На основе анализа речевой организации новеллы И. А. Бунина уточняются характеристики основных персонажей новеллы, с учетом авторского замысла новеллы корректируется восприятие Выготским доминантного мотива легкого дыхания. Жанр статьи Л. С. Выготского о «Легком дыхании» И. А. Бунина определяется как формалистское психолого-физиологическое эссе, цель которого – вскрыть механизм воздействия композиции литературного произведения на читателя. Отмечается, что формальную, физиологическую природу этого воздействия критик-психолог представил классически, реализовав потенциал жанра психологического эссе, то есть акцентировав один элемент формы литературного произведения и на нем основывая общий вывод об идейно-художественном содержании произведения, однако необходимо иметь в виду, что произведение как художественное целое воздействует на читателя и посредством других элементов формы произведения: ритма, тона, лексики, интонации, речевой организации, физической, нравственной, эстетической точками зрения автора-повествователя в новелле.

Ключевые слова: Л. С. Выготский, И. А. Бунин, психологизм в литературе, композиция, форма и содержание в литературном произведении

Для цитирования: Крючков В. П., Якунина О. В. Возможности и ограничения жанра психологического эссе, или Опыт медленного чтения статьи Л. С. Выготского о «Легком дыхании» И. А. Бунина // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 293–301. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-293-301>, EDN: EOBRQK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Possibilities and limitations of the psychological method in the analysis
of a literary work (based on the analysis of L. S. Vygotsky's psychological essay
on "Light Breathing" by I. A. Bunin)**

V. P. Kryuchkov[✉], O. V. Yakunina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir P. Kryuchkov, vpks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7479-0779>

Olga V. Yakunina, olgayakunina64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2667-9376>

Abstract. The article includes an analytical review of different conceptual approaches and interpretations of I. A. Bunin's novelette "Light breathing", which have emerged during the decades after the publication of L. S. Vygotsky's article on Bunin's "Light breathing". The most problematic and discussible questions are the following: the interconnection and interdependence of the form and content in the novelette; the contradictory image of the young high-school girl Olya Meshcherskaya; the culmination motive of the main character's "failure"; the conflict; the symbolic meaning of the light breathing dominant motive and the novelette's final. The authors of this article explain that the genre definition of L. S. Vygotsky's article is a psychological essay, containing prevalently individual subjective and imaginative impressions and comments of the author on some elements of form and content of the literary work expounded in the emotional style. The authors also analyze Vygotsky's version of the form and content conflict in Bunin's novelette, note the vague differentiation of "earthly" basis of the novelette and the chain of the events in the novelette in their "natural" consequence, that leads, according to L. S. Vygotsky, to Olya Meshcherskaya's drawing into the "earthbound haze". Based on the speech analysis of Bunin's novelette, the characteristics of the novelette's main characters are redefined. Considering the writer's intention, the authors correct Vygotsky's perception of the light breathing dominant motive. The genre of L. S. Vygotsky's article on Bunin's "Light breathing" is defined as a formalistic psychological and physiological essay aiming at revealing the mechanism of literary creation impact on the reader. It is noted that the critic and psychologist presented the formal, physiological nature of this impact in a classical manner, by realizing the potential of a psychological essay genre, that is by emphasizing only one element of the literary creation and basing on it the general conclusion about ideological and artistic content of the novelette. However, it is necessary to remember that the literary creation as a whole exerts an influence on its reader by the other elements of its form, which are rhythm, tone, vocabulary, intonation, speech organization, physical, moral, esthetic points of view of the author-narrator in the novelette.

Keywords: L. S. Vygotsky, I. A. Bunin, psychologism in literature, composition, form and content in a literary work

For citation: Kryuchkov V. P., Yakunina O. V. Possibilities and limitations of the psychological method in the analysis of a literary work (based on the analysis of L. S. Vygotsky's psychological essay on "Light Breathing" by I. A. Bunin). *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 293–301 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-293-301>, EDN: EOBRQK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Новелла И. А. Бунина «Легкое дыхание» уже более ста лет вызывает пристальный интерес у исследователей и у читателей. К этому классическому тексту обращались в разное время А. Ю. Андреева, К. В. Анисимов, С. Вайман, А. Н. Васильева, Г. Н. Ермоленко, А. К. Жолковский, С. Н. Зенкин, Г. Ю. Карпенко, Д. М. Красоткин, Н. М. Кучеровский, О. С. Рощина, О. В. Сливицкая, Т. Г. Юрченко, многие другие исследователи.

В свою очередь, Л. С. Выготский, давший в своей статье блестящий структурный анализ «Легкого дыхания», затронул только один аспект формосодержания новеллы – композиционный, и это смещение акцента обусловило

необходимость последующих уточнений, комментариев, несогласий, споров, в том числе и появление данной статьи.

Интерпретации особенностей формы и содержания новеллы, понимание и оценки образа главной героини были и остаются различными, порой противоположными. Существуют различные точки зрения на:

- взаимосвязь и взаимозависимость формы и содержания в новелле. Л. С. Выготский, один из первых критиков бунинской новеллы, полемически утверждал, что форма в ней «уничтожает» содержание. Другую точку зрения представили, например, Н. М. Кучеровский, отмечавший «удивительное единство формы и содержания» [1: 233], А. Н. Васильева [2: 108];

- *образ Оли Мещерской*. По Выготскому, это «история о беспутной гимназистке», – порождении «житейской мути» [3: 195], по О. В. Сливицкой, некорректно говорить о «житейской мути» в связи с образом главной героини [4: 95], а природа драматического финала новеллы лежит принципиально в иной плоскости: «Обреченность Оли Мещерской была в ней самой, в той жажде бытия, которая и составляла ее очарование: она была устремлена к жизни с такой неистовой страстностью, что любое столкновение с действительностью должно было привести к катастрофе» [4: 94]; по А. К. Жолковскому, в новелле присутствует «эстетизация героини, эмоционально сильная и культурно изощренная (рассказом увековечивается эфемерное продолжение ее существования в ветре и памяти другого персонажа), но освобожденная – “облегченная” – от моральных оценок» [5: 118]. Заметим, что богатство интерпретаций и аналитических концепций в данном случае отражает богатство идейно-художественного содержания новеллы как шедевра русской классической литературы;
- *кульминационный мотив «падения» главной героини*. Л. С. Выготский говорит о свершившемся «падении» героини новеллы [3: 193], С. Вайман воспринимает встречу героини с соблазвившим её Малутиным как встречу с собою, предельное проявление жизни, а быть предельно живым – значит быть предельно обреченным [6];
- *специфика конфликта новеллы И. А. Бунина*. Л. С. Выготский понимает конфликт в ключе классово-социологическом («жизнь провинциальной гимназистки < ... > явно всходит на гнилых корнях и, с точки зрения оценки жизни, дает гнилой цвет» [3: 193–194] и в конфликт, таким образом, вступают «житейская муть» и идея легкого дыхания, или иначе: содержание и форма; Выготскому возражает О. В. Сливицкая, когда пишет о космическом мироощущении и движущих мотивах у Бунина: «Космос у Бунина онтологически первичен по отношению к человеку ... Источник его чувств (Человек. – В. К., О. Я.) – не в нем самом, импульс его поступков – не в нем. Тайна его судьбы – это таинство законов бытия» [7: 54]; К. Зенкин утверждает, что в рассказе «наглядно сталкиваются в конфликте «легкое дыхание “девического эроса” и “житейская муть” уездного быта» [8];
- *символический смысл доминантного мотива легкого дыхания и финала новеллы*. Для Л. С. Выготского «впечатление

легкого дыхания есть выдумка, заменяющая ему (автору новеллы. – В. К., О. Я.) действительную жизнь» [3: 195–196]; по Кучеровскому, «писатель освобождает главную героиню от всякого нравственного суда ... во имя несравненной красоты этой жизни, жизни с легким дыханием» [1: 234]; по К. В. Анисимову, «Легкое дыхание из кокетливого книжного концепта превращается в вечную и бессмертную мировую душу, растворяясь в “этом” мире» [9: 85]. В некоторых последних публикациях идея легкого дыхания и финал новеллы интерпретируются в православном духе. Например, К. В. Анисимов актуализирует «скрытый пасхальный сюжет рассказа» [9: 83–94], а К. Зенкин трактует идею легкого дыхания – воскресения, появляющуюся в финале, следующим образом: «Радикализируя христианскую традицию, Бунин трактует пасху как праздник освобождения не только от мирской власти и от плоти, но и вообще от формы» [8]. Близкая точка зрения принадлежит Г. Ю. Карпенко, усматривающему в новелле религиозно-философские традиции: «Бунин изображал смерть как двойной процесс: с одной стороны, она есть уничтожение, сгорание человеческого тела, праха, с другой, – выделение в человеке нетленного: мысли, любви, души, духа, дыхания» [10: 44].

Приведенный перечень различных, порой противоположных точек зрения относительно бунинской новеллы в литературоведении далеко не полный, и, конечно, методологические противоречия и научные споры в данном случае порождают методические трудности в вузовском и школьном изучении новеллы И. А. Бунина «Легкое дыхание».

Характеристика жанра статьи Л. С. Выготского как психологического эссе

Психологическое исследование Л. С. Выготского о композиции в «Легком дыхании» И. А. Бунина, написанное практически сразу после появления новеллы, давно стало классикой отечественного психологического литературоведения, востребовано в методической практике преподавания русской литературы в вузе и школе. Однако очевидно, что необходимо видеть не только безусловные открытия в анализе новеллы Выготским, но и некоторые противоречия в восприятии новеллы как художественного целого. И эти противоречия, помимо всего прочего, вызваны «субъективностью» авторского подхода к интерпретации литературного произведения.

Обращаясь к литературно-критическому тексту Л. С. Выготского о «Легком дыха-

нии» И. А. Бунина, представляется важным уточнить жанровую специфику созданного психологом текста и понять «законы», которые он в данном случае над собой поставил. Прежде всего, автор относит свою статью именно к критике как одной из составляющей литературоведения и, по собственному его признанию, его «критика питается не научным знанием, не философской мыслью, но непосредственным художественным впечатлением. Это – критика откровенно субъективная, ни на что не претендующая, критика читательская» (выделено нами. – В. К., О. Я.) [3: 337]. К жанрам критики относятся «статья, рецензия, обзор, эссе, литературный портрет, литературно-критический диалог, полемическая реплика, библиографическая заметка» [11: 170]. В свою очередь, эссе, наиболее уместная в данном случае жанровая дефиниция труда Л. С. Выготского, – это «прозаическое произведение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета» [11: 116], то есть изначально Выготский не претендовал на в большей или меньшей степени целостную интерпретацию произведения И. А. Бунина.

Что дает такой подход к уяснению идейно-художественного содержания новеллы И. А. Бунина в целом, а не только особенностей композиции и её воздействия на читателя?

Л. С. Выготский утверждал, что он изучал в «Психологии искусства» не конкретные литературные произведения, а то, «что составляет основу всего искусства, – природу и механизм эстетической реакции. Я опирался на общие элементы формы и материала, которые присущи всякому искусству» [12: 405]. Но, очевидно, «абстракция от конкретных черт» в случае, когда речь идет о конкретном произведении, может неизбежно войти в противоречие с его идейно-художественным содержанием. Проиллюстрируем эту мысль на примере анализа Выготским новеллы И. А. Бунина «Легкое дыхание».

Выготский о конфликте формы и содержания в новелле

Из-за особенностей композиции Л. С. Выготский назвал бунинскую новеллу (как и другие анализируемые им произведения) «уродом», так как в ней присутствует «нестандартное», сложное построение, которое порождает оригинальный психологический эффект: «Я выбрал для анализа самые трудные басни, новеллы и трагедии – именно такие,

на которых общие законы особенно видны: я выбрал уродов среди трагедий и т. п.» [12: 405]. В главе VII книги «Психология искусства» Л. С. Выготский аннотирует содержание своего анализа «Легкого дыхания»: «“Анатомия” и “физиология” рассказа. Диспозиция и композиция. Характеристика материала. Функциональное значение композиции. Вспомогательные приемы. Аффективное противоречие и уничтожение содержания формой» [3: 183]. Механизм этого эффекта Выготский и стремится выяснить.

Выготский – исследователь новеллы – полемически заостряет и ставит целью опровергнуть аксиоматичную в эстетике истину о единстве содержания и формы, а эстетическое своеобразие бунинского произведения он воспринимает как «аффективное противоречие и уничтожение содержания формой».

Выготский проводит эксперимент: приводит фабульную и сюжетную последовательности событий в новелле, осуществляет «пневмографическую запись» восприятия новеллы читателем, фиксирует с помощью приборов реакцию (физиологию) читателя: пульс, дыхание. При этом Выготский ссылается на Павла Петровича Блонского (вообще оказавшего большое влияние на молодого Выготского), утверждавшего, что «в сущности, мы чувствуем так, как мы дышим, и чрезвычайно показательным для эмоционального действия каждого произведения является та система дыхания, которая ему соответствует» [3: 203]. При сюжетной последовательности событий, когда эмоции уступают место рациональному уровню восприятия произведения, действительной доминантой произведения становится не содержание – «жизетская муть», а легкое дыхание, и цель автора – «заставить ужасное говорить на языке “легкого дыхания” <...>, житетскую муть заставить звенеть и звенеть, как холодный весенний ветер» [3: 205].

С этим, бесспорно, нельзя не согласиться: психолог-физиолог прав. Но не соответствует художественной логике новеллы вывод Выготского о том, с какой целью не на эмоциональном, но философско-художественном уровне Бунин создает такую сложную композицию: по Выготскому, Бунин будто бы стремился приукрасить «гнилую» действительность посредством композиции, «легкого дыхания», которое Выготский прямо называет «выдумкой»: «Бунин с беспощадной безжалостностью истинного поэта совершенно ясно говорит нам о том, что это идущее от его рассказа впечатление легкого дыхания есть выдумка, заменяющая ему действительную жизнь» [3: 195–196].

Логичен вопрос: какое содержание новеллы, по Л. С. Выготскому, уничтожается

формой? Этот вопрос порождается следующим ходом размышлений Л. С. Выготского: 1) о материале рассказа как его «житейской» основе», 2) о фабуле как «естественной» последовательности событий в новелле и 3) о сюжете, в котором получила авторскую (И. Бунина) интерпретацию «естественная» последовательность событий новеллы, т. е. не очень четким разграничением «житейской» основы (?) новеллы и цепью событий в самой новелле. Л. С. Выготский напрямую связывает именно материал – как необработанную художником действительность – и форму: «Под материалом ... следует разуместь все то, что поэт взял как готовое (? – В. К., О. Я.) – житейские отношения, истории, случаи, бытовую обстановку, характеры, все то, что существовало до рассказа и может существовать вне и независимо от этого рассказа (выделено нами. – В. К., О. Я.), если это толково и связно пересказать своими словами. Расположение этого материала по законам художественного построения следует называть в точном смысле этого слова формой этого произведения» [3: 183]. Вызывает вопросы с точки зрения соотношения «реальной» фактической основы произведения и создание в произведении «другой реальности» (не второй, но другой) – художественной – и следующий ход размышлений психолога: «В жизни Оли Мещерской была тысяча событий, тысяча разговоров, связь с офицером заключала в себе десятки перипетий, в ее гимназических увлечениях был не один Шеншин, она не единственный раз начальнице проговорила о Малютине, но автор почему-то выбрал эти эпизоды, отбросив тысячи остальных» [3: 202].

Л. С. Выготский о «житейской мути» в новелле, И. А. Бунина и Оле Мещерской

Л. С. Выготский и И. А. Бунина помещает в эти «житейские отношения», поскольку он – «сам выросший в той же жизни» [3: 194]. Если представленные Выготским особенности «формы», т. е. особенности композиции новеллы и её ритмико-стилистической организации, дают ключ к механизму восприятия новеллы читателем на уровне психолого-физиологическом, то анализ содержания, выполненный в классово-социологическом ключе, не проясняет идейно-художественное содержание произведения.

Выготский называет житейской мутой и среду, в которой произросла героиня новеллы, и самое Олю Мещерскую, в которой он видит лишь реальную гимназистку, порожденную гнилой аристократической средой до революции: «перед нами просто ничем не примечательная, ничтожная и не имеющая смысла жизнь провинциальной гимназистки,

жизнь, которая явно всходит на гнилых корнях и, с точки зрения оценки жизни, дает гнилой цвет и остается бесплодной вовеки» [3: 194–195]. И эта всеобщая – в социальном смысле – житейская мута, по Выготскому, уничтожается авторской композицией и ритмом словесного строя новеллы во имя легкого дыхания, т. е. в конечном счете, по Выготскому, уничтожается на уровне «физиологического» восприятия новеллы читателем.

Необходимо заметить, что Л. С. Выготский, который начинал свою деятельность в качестве учителя русского языка и литературы, конечно, помнит о том, что форму художественного произведения составляет не только композиция, что «художественная разработка темы» сказывается и «в том, как автор рассказывает эти события, каким языком, каким тоном, как выбирает слова, как строит фразы, описывает ли он сцены или дает краткое изложение их итогов, приводит ли он непосредственно дневники или диалоги своих героев или просто знакомит нас с протекающим событием» [3: 202], однако жанр психологического эссе и соответствующие ему особенности «жанрового мышления» [13: 10] позволяют ему сосредоточиться на отдельном элементе формы, причем в стиле эмоционально-художественном, что искажает общую перспективу анализа новеллы.

Речевая организация новеллы и речевая характеристика персонажей

В частности, речевая организация текста новеллы, игра различными точками зрения вносят дополнительные характеристики в образы персонажей и лишают однозначности образы новеллы, что уже было замечено исследователями [1: 238–239, 5: 111; 14: 54; 15: 97]. При этом А. Жолковский отмечает 8 различных точек зрения в новелле, освещающих жизнь Оли, О. Рощина – 11, и эти затруднения также свидетельствуют о сложности структурной и содержательной организации новеллы и содержат богатые интерпретационные возможности.

В обоих случаях, говоря о главных в событийном плане виновниках драмы главной героини – Малютине и офицере-плебее, автор не дает им характеристики и нравственной оценки от лица-автора повествователя. В первых, «казачий офицер, некрасивый и плебейского вида» дается сквозь призму восприятия «круга, к которому принадлежала Оля Мещерская» [16: 277], как и «ошеломившее начальницу признание Оли Мещерской», которое «совершенно подтвердилось». В широком смысле «толпа народа» также причастна к произошедшей драме и является незримым, но активным участников событий – более ак-

тивным, чем Хор в древнегреческой трагедии, где он был только резонером. Далее в форме косвенной речи передается речь на суде офицера-плебея и «двойной» косвенной речи – слова Оли Мещерской в передаче офицера-плебея на суде: «завлекла», «покаялась», «не думала никогда любить», «издевательство над ним». Особенно показательно для характеристики казачьего офицера звучит его утверждение о том, что Оля «гуляла» на платформе, поджидая, когда офицер кончит читать страницу её дневника. Оля, конечно, мысленно отсчитывала последние минуты своей жизни перед роковым выстрелом офицера, он для неё не был закрытой книгой. Примечательно, что речь офицера в данном случае включает в основном глаголы, и они отражают его – нового Отелло с его уязвленным мужским самолюбием – уровень эмоционально-интеллектуального развития. На уязвленное и мужское, и социальное самолюбие офицера обратила внимание Рощина [14: 56]. Но при любом уровне эмоциональной зрелости и интеллектуального развития и независимо от социального статуса психология мужской ревности, подогреваемая соответствующей работой воображения и уже не контролируемая разумом, как правило, находит выражение в эмоциях и как следствие – в поступке. Не думается, что в плебейской негативной оценке образа офицера присутствует социальный подтекст И. А. Бунина – автора «Окаянных дней» как предвестия (?) скорого восстания социальных низов [8]. Вообще, социальная маркированность офицера-плебея и аристократа Малютина вряд ли может быть плодотворной для понимания идейно-художественного содержания новеллы. Формально, внешне, с точки зрения Олиного «круга», офицер-плебей противопоставляется аристократу Малютину, но с нравственной стороны образ Малютина получает в восприятии читателя совершенно четкую оценку, хотя нравственное содержание – далеко не единственное и не основное идейно-художественное содержание новеллы.

Встреча с Малютиным дана сквозь призму дневника юной Оли Мещерской. По замечанию Л. С. Выготского, «Во всей этой сцене, как она записана в дневнике, нет ни одной черты, которая могла бы намекнуть нам о движении живого чувства» [3: 194–195]. Однако дневник Оли, с его поэтической интонацией, лексикой, ощущением гармоничного единства со всем миром (до непосредственного фрагмента о Малютине) – это лириче-

ское отступление развивает линию легкого дыхания. Сравнение же Малютина и Оли Мещерской с Фаустом и Маргаритой (сравнение принадлежит самому Малютину) звучит как тревожное предчувствие, хотя воспринимается юной героиней как лестное для неё и как некая литературная игра¹.

Заметим, что Алексей Малютин не случайно представлен Олей Мещерской как брат начальницы гимназии – не только в смысле фактического родства, но и концептуально, и слова Оли, обращенные к начальнице гимназии, выделяются и звучат в интонационном плане как обвинение, ср.: «друг и сосед папы, а **ваш брат**, Алексей Михайлович Малютин» [16: 277] (выделено нами. – В. К., О. Я.). Уже этот факт разводит по разные стороны нравственно-эстетического и психологического конфликта новеллы Олю Мещерскую и «других». И вполне понятно, что в сцене соблазнения Оли Мещерской другом её отца 56-летним Малютиным даже нет слова «любовь», что вызывает недоумение у Л. С. Выготского. Да откуда же «любви» взяться в этой неприглядной сцене? По Выготскому же, смысл процитированной выше фразы о Малютине – брате начальницы гимназии – «не имеет другого значения, как погасить, уничтожить ошеломленность и невероятность этого признания» [3: 199], что придавало бы этому фрагменту новеллы чисто вспомогательную роль в тексте.

Тем не менее к этим персонажам – «жизнелюбивой мути» Л. С. Выготский относит и Олю Мещерскую, противопоставляя её доминантному мотиву «легкого дыхания». Но на самом деле легкое дыхание присутствует в новелле не только на уровне композиции, ритма и строя текста, что утверждает Л. С. Выготский, но и прямо сопровождает образ героини новеллы на уровне речи автора-повествователя: «почему-то никого не любили так младшие классы, как её», её «отличало в последние два года из всей гимназии, – изящество, нарядность, ловкость, ясный блеск глаз...» И совершенно справедливо О. В. Сливичкина еще в 1974 году отмечала, что «некорректно говорить о «жизнелюбивой мути», которая присутствует в Оле Мещерской наряду с её чистым взглядом» [4: 95].

И. А. Бунин о творческой истории «Легкого дыхания»

Авторский комментарий И. А. Бунина к «Легкому дыханию», к идее легкого дыха-

¹ Нам представляется логичным замечание О. Рощиной о том, что и в эпизоде с Малютиным, и в отношениях с Шеншиным и казачьим офицером Оля предстает скорее Фаустом, чем соблазненной Маргаритой [14: 57]. Кстати, юноши-студенты на занятии по совместному прочтению «Легкого дыхания» порой отводят Малютину роль жертвы – «жертвы красоты Оли Мещерской», на что женская половина аудитории отвечает дружным негодованием.

ния содержит для читателя и исследователя основные ориентиры в интерпретации центрального образа новеллы и её идейно-художественной сути, хотя спектр нравственно-этических, психологических и философско-концептуальных оценок остается довольно широким.

Здесь будет уместным обратиться к творческой лаборатории писателя, истории написания новеллы и процитировать его воспоминания об истоках замысла новеллы: «вдруг вспомнилось, что забрел я однажды зимой совсем случайно на одно маленькое кладбище на Капри и наткнулся на могильный крест с фотографическим портретом на выпуклом фарфоровом медальоне какой-то молоденькой девушки с необыкновенно живыми, радостными глазами. Девушку эту я тотчас же сделал мысленно русской, Олей Мещерской, и, обмакнув перо в чернильницу, стал выдумывать рассказ с той восхитительной быстротой, которая бывала в некоторые счастливейшие минуты моего писательства» [16: 470].

И. А. Бунин (со слов Кузнецовой) объяснял, «что его всегда влекло изображение женщины, доведенной до предела своей «утробной сущности». «Только мы называем это утробностью, а я там назвал это легким дыханием. Такая наивность и легкость во всем, и в дерзости, и в смерти и есть «легкое дыхание», недуманье. Впрочем, не знаю» [17: 443]. В этом авторском размышлении вызывает недоумение «недуманье» в связи с образом Оли Мещерской, но, представляется, что это свойство и проявление абсолютной естественности, самой жизни, не нуждающейся в излишней саморефлексии. Согласимся с исследователем, утверждающим, что «выдумка» Оли о легком дыхании в отличие от «страстной мечты» классной дамы оказывается в авторском кругозоре самой жизнью [14: 58].

Природа конфликта в «Легком дыхании»

Оля пишет в дневнике после встречи с Малютиным: «Теперь мне один выход ... Я чувствую к нему такое *отвращение*, что не могу пережить этого!» [16: 278] (выделено нами. – В. К., О. Я.). «Отвращение», которое «чувствует» Оля Мещерская по отношению к Малютину – это отвращение и физиологического, и эстетического, и нравственного свойства (хотя нравственность, т. е. принятие известных общечеловеческих и социальных норм, находится не в сфере чувств прежде всего, но и она здесь не может не играть важной роли). Охватившее Олю чувство отвращения к этому омерзительному персонажу настолько сильно эмоционально, что

Оля «не может пережить этого», и «только один выход» осуществляется посредством казачьего офицера. По сути, она провоцирует казачьего офицера на роковой выстрел – он помог ей избавиться от мучительной боли едва ли не на уровне соматическом.

Логично конфликт новеллы И. А. Бунина интерпретировать также в эстетическом ключе (один из уровней конфликта новеллы): как столкновение «легкого дыхания», красоты в её женском воплощении и – антиэстетичности, разноликой пошлости, которую представляют и начальница гимназии, и офицер-плебей, и аристократ Малютин, и «толпа народа, прибывшая с поездом». Подобный конфликт вне времени и социального статуса героев: неважно – плебей или аристократ на социальной лестнице, в нравственном и эстетическом отношении эти внешние этикетки в действительности не всегда соответствуют содержанию или легко меняются местами.

Нами уже было замечено, что невнимание Л. С. Выготского к речевой организации текста новеллы ведет к субъективным и неверным умозаключениям, и, в частности, к выводу о принадлежности героини наряду с другими персонажами к «житейской мути» с её «пустотой, бессмысленностью, ничтожеством». Необходимо разграничивать автора новеллы, автора-повествователя и автора-повествователя, неявно цитирующего (?) другие точки зрения, отстраняющегося от описываемых событий и передающего свой голос другим, порой конкретно неопределенным, чьи «толки» меняют угол зрения. В частности, (один из примеров), Л. С. Выготский отдает следующий фрагмент новеллы её автору (биографическому автору или автору-повествователю в новелле, Выготский не уточняет): «Вот как *автор* говорит о своей героине: «...незаметно упрочилась ее гимназическая слава, и уже *пошли толки* (выделено нами. – В. К., О. Я.), что она ветрена, что она не может жить без поклонников...» [3: 194]. Однако эта точка зрения – не в авторском кругозоре, но – той же «толпы», которую ошеломило признание Оли Мещерской начальнице гимназии о роковой встрече с Малютиным.

Легкое дыхание как доминантный мотив новеллы И. А. Бунина

Выготскому близка идея анализа произведения через его доминанту, и такой доминантой в новелле Бунина он считает, естественно, идею легкого дыхания. Однако само содержание этой доминанты у Выготского противоречиво и не находит подтверждения в тексте новеллы. Вот что он утверждает об идее легкого дыхания: «Бунин с беспощадной безжалостностью истинного поэта

совершенно ясно говорит нам о том, что это идущее от его рассказа впечатление легкого дыхания есть выдумка, заменяющая ему действительную жизнь» [3: 195–196].

В более поздних аналитических интерпретациях новеллы понимание доминантного мотива легкого дыхания стало более сложным, многоплановым, продолжающим вызывать споры и актуализировать различные точки зрения. Генеральное направление интерпретаций, думается, принадлежит О. В. Сливичкой, заявленное в её работах различных лет. В частности, исследователь творчества И. А. Бунина не согласна, в первую очередь, с исходным противопоставлением формы и содержания у Л. С. Выготского и пониманием легкого дыхания как «выдумки», заменяющей реальную жизнь: «Бунину в высшей степени свойственно воспринимать мир в неразложимом единстве его контрастов» [4: 94].

Заключение

Жанр статьи Л. С. Выготского о «Легком дыхании» И. А. Бунина можно определить как формалистское психолого-физиологическое эссе, цель которого – вскрыть механизм воздействия композиции литературного произ-

ведения на читателя. И формальную, физиологическую природу этого воздействия критик-психолог представил оригинально, с современной точки зрения – классически, реализовав потенции жанра психологического эссе, то есть сосредоточившись и субъективно поставив во главу угла один элемент формы литературного произведения. И в этом заключается отличие жанра эссе от научной статьи, роль субъективности в которой ограничена, и любой элемент формы рассматривается в его связи с художественным целым, что методологически принципиально значимо. Если говорить о произведении как художественном целом, воздействие на читателя оказывают и другие элементы формы произведения: ритм, тон, лексика, интонация, речевая организация, физическая и эстетическая точка зрения автора-повествователя в новелле, однако они не были актуализированы, в той или иной степени, Л. С. Выготским, без чего к загадке «Легкого дыхания» невозможно приблизиться. Представляется, что наиболее перспективный путь читательского или тем более исследовательского прочтения шедевра И. А. Бунина – это путь медленного чтения, с вниманием к каждой языковой детали в её связи с художественным целым произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кучеровский Н. М. И. Бунин и его проза (1887–1917). Тула : Приок. кн. изд-во, 1980. 319 с.
2. Васильева А. Н. Выготский против Выготского (к трактовке рассказа И. Бунина «Легкое дыхание» // Специфика и эволюция функциональных стилей : межвуз. сб. науч. тр. Пермь : Изд-во ПГУ, 1981. С. 99–110.
3. Выготский Л. С. Психология искусства / общ. ред. В. В. Иванова. 3-е изд. М. : Искусство, 1986. 573 с.
4. Сливичкая О. В. Фабула – композиция – деталь бунинской новеллы // Бунинский сборник : материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И. А. Бунина / отв. ред. А. И. Гаврилов. Орел : Орлов. пед. ин-т, 1974. С. 90–103.
5. Жолковский А. К. «Легкое дыхание» Бунина – Выготского семьдесят лет спустя // Блуждающие сны и другие работы. М. : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 103–120.
6. Вайман С. Трагедия «Легкого дыхания» // Литературная учеба. 1980. № 5. С. 137–146.
7. Сливичкая О. В. «Повышенное чувство жизни» : мир Ивана Бунина. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. 270 с.
8. Зенкин С. Н. Переглядывающиеся портреты («Легкое дыхание» Бунина) // Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/146_nlo_4_2017/article/12604/ (дата обращения: 20.09.2021).
9. Анисимов К. В. Пасхальные мотивы в рассказе И. А. Бунина «Легкое дыхание» // Вестник Томского

государственного университета. Филология. 2016. № 6. С. 83–94.

10. Карпенко Г. Ю. Творчество И. А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков. Самара : Изд-во Самар. гуманитар. акад., 1998. 113 с.
11. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
12. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М. : Педагогика, 1982. С. 291–435.
13. Дементьев В. В. Аксиологическая генристика : «оценка и жанр» // Жанры речи. 2016. № 2. С. 9–24. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24>
14. Рощина О. С. К интерпретации рассказа И. А. Бунина «Легкое дыхание» // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 53–59.
15. Красоткин Д. М. Стратегии чтения : «Легкое дыхание» И. Бунина с точки зрения семиотики // Уральский филологический вестник. Серия : Драфт : молодая наука. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-chteniya-legkoe-dyhanie-i-bunina-s-tochki-zreniya-semiotiki> (дата обращения: 24.08.2021).
16. Бунин И. А. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 4. Воды многие (1914–1926) ; Грамматика любви (1914–1926). М. : Воскресение, 2006. 536 с.
17. Кузнецова Г. Н. Грасский дневник // Бунин И. А. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 12. М. : Воскресенье, 2006. С. 361–464.

REFERENCES

1. Kuchеровский Н. М. *I. Bunin i ego proza (1887–1917)* [I. Bunin and his prose (1887–1917)]. Tula, Priok. kn. izd-vo, 1980. 319 p. (in Russian).
2. Vasil'eva A. N. Vygotskij against Vygotskij (about the interpretation of I. Bunin's novelette "Light breathing"). In: *Specifika i jevoljucija funkcional'nyh stilej: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Specificity and evolution of functional styles: inter. univ. coll. sci. works]. Perm', Izd-vo PGU, 1981, pp. 99–110 (in Russian).
3. Vygotskij L. S. *Psihologija iskusstva. Obch. red. V. V. Ivanova* [Ivaniv V. V., ed. Art Psychology]. 3rd ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 573 p. (in Russian).
4. Slivickaja O. V. Plot – composition – detail in Bunin's novelette. In: *Buninskij sbornik: materialy nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Bunina. Otv. red. A. I. Gavrilov* [Gavrilov A. I., ed. Bunin collection: materials of sci. conf., dedicated to 100th anniversary the birth of I. A. Bunin]. Orel, Orel Pedagogical Institute, 1974, pp. 90–103 (in Russian).
5. Zholkovskij A. K. "Light breathing" of Bunin and Vygotskij 70 years after. In: *Bluzhdajushhie sny i drugie raboty* [Wandering dreams and other works]. Moscow, Nauka Publ., Izdatel'skaja firma "Vostochnaja literature" Publ., 1994, pp. 103–120 (in Russian).
6. Vajman S. The tragedy of "Light breathing". *Literaturnaja ucheba*, 1980, no. 5, pp. 137–146 (in Russian).
7. Slivickaja O. V. "Povyshennoe chuvstvo zhizni": mir Ivana Bunina ["A stronger feeling of life": Ivan Bunin's world]. Moscow, Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2004. 270 p. (in Russian).
8. Zenkin S. N. The portraits that exchange glances (Bunin's "Light breathing"). *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2017, no. 4 (146). Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/146_nlo_4_2017/article/12604/ (accessed 20 September 2021).
9. Anisimov K. V. Easter motives in I. Bunin's novelette "Light breathing". *Tomsk State University Journal of Philology*, 2016, no. 6, pp. 83–94 (in Russian).
10. Karpenko G. Ju. *Tvorchestvo I. A. Bunina i religiozno-filosofskaja kul'tura rubezha vekov* [I. A. Bunin's oeuvre and religious and philosophic culture of the turn of the century]. Samara, Izd-vo Samar. gumanitar. akad., 1998. 113 p. (in Russian).
11. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'. Pod obshch. red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva* [Kozhevnikova V. M., Nikolaeva P. A., eds. Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1987. 752 p. (in Russian).
12. Vygotskij L. S. Historical sense of a psychological crisis. *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 1. Voprosy teorii i istorii psichologii* [Collected works: in 6 vols. Vol. 1. Questions of the theory and history of psychology]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982, pp. 291–435 (in Russian).
13. Dementyev V. V. Axiological genistics: Aspects of a problem "evaluation and genre". *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 9–24 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24>
14. Roshchina O. S. About the interpretation of I. A. Bunin's "Light breathing". *Siberian Journal of Philology*, 2011, no. 1, pp. 53–59 (in Russian).
15. Krasotkin D. M. Reading strategies: "Legkoe dyhanie" ("The light breath") by I. Bunin from the point of view of semiotics. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Draft: molodaja nauka*, 2019, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-chteniya-legkoe-dyhanie-i-bunina-s-tochki-zreniya-semiotiki> (accessed 24 August 2021).
16. Bunin I. A. *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 4. Vody mnogie (1914–1926) ; Grammatika lyubvi (1914–1926)* [Collected works: in 13 vols. Vol. 4. Many waters (1914–1926). Love grammar (1914–1926)]. Moscow, Voskresenie Publ., 2006. 536 p. (in Russian).
17. Kuznecova G. N. Grasskij diary. *Bunin I. A. Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 12* [Collected works: in 13 vols. Vol. 12]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2006, pp. 361–464 (in Russian).

Поступила в редакцию 19.10.2021; одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 14.01.2022
 The article was submitted 19.10.2021; approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 14.01.2022

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 302–310

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 302–310

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-302-310>, EDN: CMXNCN

Научная статья

УДК 811.161.1'38'42

**Речежанровая структура флирта у советской интеллигенции:
композитные жанры и субжанры
(на материале драматургических текстов Л. Зорина и В. Азерникова)**

Е. И. Рогожина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рогожина Елена Игоревна, ассистент кафедры теории, истории языка и прикладной
лингвистики, r.elena.igorevna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1291-979X>

Аннотация. Статья посвящена исследованию речевого поведения героев-интеллигентов в коммуникативных ситуациях флирта. Материалом послужили советские комедийные пьесы 60–70-х гг.: «Добряки», «Энциклопедисты», «Транзит», «Покровские ворота», «Театральная фантазия» Леонида Зорина и «Возможны варианты» Валентина Азерникова. В последние годы выходят лингвистические работы, исследующие вербальные средства, характерные как для романтического дискурса в целом, так и для жанра флирта в частности, что обуславливает актуальность темы исследования. Создавая речевую характеристику героя и помещая его в разные речевые ситуации, драматурги используют жанры и их вербальные средства актуализации, характерные для социальной группы, к которой принадлежит персонаж. В статье представлено семантическое содержание лексемы *флирт*, а также выявлены наиболее характерные черты рассматриваемого речевого жанра: двусмысленность (наличие намеков, недосказанность), включение игровых компонентов (соревновательность, наличие правил и выигрыша), элементов комических жанров (анекдот, шутка, каламбур, ирония). Рассматриваются субжанры, составляющие речевой жанр флирта: комплимент, благодарность, намек, шутка, а также входящие в содержание рассматриваемых субжанров конструкции, лексические показатели, тропы, фигуры речи и другие приемы. Выявлены средства, актуализирующие речевой жанр флирта в речи представителей советской интеллигенции: сложные и неоднозначные по смыслу конструкции, многозначные слова, лексические повторы, этикетные обращения на «вы», лексика с положительной семантикой в оценке моральных качеств, прецедентные высказывания. Вспомогательными средствами, описывающими невербальное поведение персонажей в коммуникативных ситуациях флирта, являются ремарки, характеризующие интонацию, жестикуляцию и движения.

Ключевые слова: флирт, речевое поведение, речевой жанр, субжанр, комплимент, советская интеллигенция, драматургический диалог, вербальная коммуникация

Для цитирования: Рогожина Е. И. Речежанровая структура флирта у советской интеллигенции: композитные жанры и субжанры (на материале драматургических текстов Л. Зорина и В. Азерникова) // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 302–310. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-302-310>, EDN: CMXNCN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**The structure of flirtation as a speech genre in dialogues of Soviet intelligentsia:
Composite genres and subgenres (based on plays by L. Zorin and V. Azernikov)**

E. I. Rogozhina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena I. Rogozhina, r.elena.igorevna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1291-979X>

Abstract. The article studies speech behavior of the class of Soviet intelligentsia in communicative situations of flirting. The research is based on Soviet comedy plays of the 1960s–1970s: “Dobryaki”, “Entsiklopedist”, “Tranzit”, “Pokrovskie vorota”, “Teatral’naya fantaziya” by Leonid Zorin and “Vozmozhny varianty” by Valentin Azernikov. The relevance of the topic is related to the increased interest of modern linguistics in the verbal means typical of romantic discourse in general and of the genre of flirting in particular. Authors of dramatic texts create a speech portrait of the characters and place them in different communicative situations using speech genres and their verbal means of actualization, appropriated for the social group to which the character belongs. The semantic content of the lexeme “flirt” includes the following main features: ambiguity, elements of comic genres and play. The article presents the subgenres of the speech genre of flirting: compliment, gratitude, hint, joke. The author describes the revealed verbal means which actualize the speech genre of flirting in the speech of the class of Soviet intelligentsia. They are complicated and ambiguous constructions, polysemous words, lexical repetitions, use of plural “you”, vocabulary with positive semantics in assessing moral qualities, precedent statements. Stage directions describing characters’ intonation, gestures and movements are treated as supporting means of modeling of the non-verbal behavior in flirting.

Keywords: flirtation, speech behavior, speech genre, subgenre, compliment, Soviet intelligentsia, dramaturgic dialogue, verbal communication

For citation: Rogozhina E. I. The structure of flirtation as a speech genre in dialogues of Soviet intelligentsia: Composite genres and subgenres (based on plays by L. Zorin and V. Azernikov). *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 302–310 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-302-310>, EDN: CMXNCN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В отечественном языкознании речевой жанр «флирт» стал рассматриваться как возможный объект лингвистического исследования более 30 лет назад. Жанр «флирт» имеет множество определений, большая часть которых содержит в толковании слово *игра* (любовная игра [1; 2: 18; 3: 399; 4: 246]; сексуальная игра [5: 103], «игра по правилам, которые, с одной стороны, достаточно жестки, а с другой – довольно неопределенны» [6: 213], «чистейший образчик всех игр, в котором наиболее четко представлены игровые признаки» [7: 57]. Другие же определения включают однокоренное слово – *заигрывание*: «своего рода любовный спорт, состоящий в кокетливом заигрывании со стороны молодой девушки или молодого человека» [8]; «заигрывание или начальный этап ухаживания, механизм завязывания отношений с представителем противоположного пола [9: 92]. Некоторые авторы определений отмечают такие черты флирта, как *остроумие*, наличие *намека* и умение его разгадать [2]; а также отсутствие глубокого чувства и серьезных намерений [10]. Отдельное внимание лингвисты уделяют лексико-семантическому анализу глагола «флиртовать» и его сопоставлению с близкими лексемами (кокетничать, заигрывать, манерничать, жеманничать и др.) [11, 12].

Исходя из этих определений, вслед за Д. Колоян можно выделить следующие семы, входящие в смысловое содержание лексемы *флирт*: *наличие правил*; *театрализованность действия*; *неожиданность*; *создание напряженных моментов*; *обманное поведение* (*притворство*); *несерьезность*; *двусмыслен-*

ность происходящего; *недосказанность*; *современность*; *наличие выигрыша* [13].

Исследователи характеризуют жанр «флирт» как фатический, вторичный, непрямой речевой жанр, при этом непрямой характер коммуникации во флирте является обязательной и главной отличительной особенностью данного типа общения во всех его проявлениях [3: 404]. По мнению В. В. Дементьева, цели, которые преследуют участники флирта, можно разделить на макроцели и микроинтенции и на основании этого выделить ряд разновидностей флирта. С позиции макроцелей, флирт может рассматриваться как игра, нацеленная на получение удовольствия от самого общения и не предусматривающая дальнейшего развития отношений («флирт ради самого флирта»); как «словесный поединок, пикировка, обмен колкостями», направленный на получение удовольствия от тонких уколов противника, демонстрацию своего превосходства; «как прелюдия или повод для “настоящей” любовной игры». Глобальные макроинтенции обуславливают микроинтенции структурных элементов и стратегий флирта. Среди микроинтенций выделяются такие, как выражение собеседнику своей симпатии за счет **косвенных комплиментов и косвенных предложений**; желание понравиться объекту флирта, зачастую реализующееся в косвенной напускной **грубости и нахальности**; интенции сохранить свое лицо и лицо адресата [3: 406–413]. Кроме того, обязательным структурным элементом флирта В. В. Дементьев считает **шутливый фатический спор**, который касается личности собеседника и может включать имплицитное

содержание и косвенный комплимент – «*ты достойна того, чтобы с тобой играть*» [14: 74]

Жанр флирта является неоднородным по содержанию, многоактным, и поэтому в его состав могут входить субжанры. Под термином «субжанр» мы вслед за К. Ф. Седовым понимаем «минимальные единицы типологии речевых жанров, равные одному речевому акту» [14: 74]. По мнению Д. Л. Колоян, жанр флирта включает такие субжанры, как **шутка**, **ирония**, **комплимент** [13: 142], И. С. Черкасс добавляет к этому списку субжанры **издевка** [4: 246] и **благодарность**, а шутку определяет как элемент **комического жанра** наряду с **анекдотом**, **каламбуром** [15: 286–287]. В свою очередь, данные жанры могут рассматриваться как первичные коммуникативные жанры, имеющие речевую форму, но способные к реализации и «без участия речи или сочетанием вербальных и невербальных коммуникативных средств» [16: 15]. Кроме того, Д. Колоян рассматривает жанр флирта как составляющую гипержанра **ухаживание** [13: 142–143].

В. В. Дементьев подчеркивает, что жанр флирта не имеет «прямых средств осуществления» [17: 96], однако имеет **комплекс жанрообразующих признаков**, необходимых и достаточных для опознания, характеристики и конструирования РЖ [18: 89]. В последнее десятилетие отечественные лингвисты стали всё чаще в своих работах уделять внимание рассмотрению вербальных средств, характерных как для романтического дискурса в целом [19], так и для жанра флирта в частности [4, 15, 20, 21]. Разработанные классификации и полученные результаты требуют обобщения и дополнительного анализа.

Основу драматургического диалога составляют персонажные реплики, поэтому, создавая речевую характеристику героя и помещая его в разные речевые ситуации, автор использует жанры и их вербальные средства актуализации, характерные для социальной группы, к которой принадлежит персонаж. Ситуации флирта являются типичными для комедийных пьес, а непрямая коммуникация в целом характерна для интеллигентной среды. В связи с этим предметом нашего исследования было выбрано речевое поведение в ситуациях флирта представителей советской интеллигенции. Материалом послужили отечественные драматургические тексты 60–70-х гг. XX века «Добряки» (далее – Д) (1960) [22], «Энциклопедисты» (далее – Э) (1967) [23], «Транзит» (далее – Т) (1973) [24], «Покровские ворота» (далее – ПВ) (1974) [25], «Театральная фантазия» (далее – ТФ) (1974) [26] Леонида Зорина

и «Возможны варианты» (далее – ВВ) Валентина Азерникова (1974) [27].

Все вербальные средства, актуализирующие жанр флирта, можно подразделить на лексико-семантические и синтактико-семантические. Поскольку флирт является комплексным речевым жанром, в поле нашего интереса попадают языковые средства, характерные для субжанров, входящих в жанр флирта. Наиболее распространенными типами оценочных высказываний, выражающими положительную оценку, являющимися субжанрами похвалы, комплимента, одобрения, восхищения и др., способствующие созданию атмосферы доверительного общения.

Значительное место в нашем материале занимает субжанр «комплимент», который может быть как прямым, так и косвенным. Высказывания, содержащие положительную оценку, встретившиеся в речи героев-интеллигентов, можно разделить на две группы: 1) характеризующие непосредственно личность человека и 2) характеризующие предметы, связанные с человеком, черты характера, поведение, части тела и т. п.

Прямой тип комплимента оформляется в форме утверждения о наличии у адресата какого-либо положительного признака или свойства, или признания адресанта в том, что он положительно оценивает данный признак или свойство, где оценка представляется через ощущения адресанта [15]. Косвенный комплимент может выражаться в похвале дорогих адресату людей или вещей, подчеркивании достоинств объекта флирта – прямо или опосредованно (в форме вопроса, побуждения, сравнения) [15].

Герои-интеллигенты высоко ценят в собеседниках такие качества, как чувство юмора, высокая нравственность, профессиональные способности, представительницы женского пола также отмечают мужские физические качества.

Для выражения комплимента персонажи используют конструкцию «у тебя/вас + положительное качество», но чаще всего опускают личное местоимение с предлогом, образуя тем самым эллиптические высказывания:

Гребешкова. Сейчас я на тебя со спины смотрела. У тебя затылок сильного человека.

Кабачков. Затылок – это тебе видней... (Она его обнимает.) (Д)

Хоботов. Да, представляете. На редкость грустная биография. Сражался. Страдал. Потерял глаз. Впоследствии умер нищим.

Людочка. Надо же! (Утирает слезы.)

Хоботов. Божже, какая у вас душа. (ПВ)

Шишкин. Да, подумать, что перенес. Но устоял. Не сник. Не сдался... Конская. Могучий, непобедимый характер. (ТФ)

Комплимент часто сопровождается междометиями (о, боже, боже мой), восклицательными (такой, какой, как) и притяжательными (ваш, твой) местоимениями.

В пьесе «Театральная фантазия» в речи представителей интеллигенции можно наблюдать гиперболическую восторженность:

Маргарита. Мне только жаль, что Натан Иванович не доверился целиком вашей прозрачной, явной стихии. Его индивидуальность слишком грузна. Под нею гнутся хрупкие плечи вашего младенчески чистого замысла. (ТФ)

Персонаж пьесы «Транзит», Владимир Багров, известный и самоуверенный московский архитектор, вступает в профессиональную дискуссию, после которой за его оппонента заступает жена.

Нина (закуривая). В сущности, вы ребенок – вынь да положь.

Багров. Совершенно верно, я большое дитя. Я страшный капризуля и люблю, чтобы мои желания выполнялись. (Т)

Герой лишь утрирует смысл слов, произнесенных Ниной с целью пристыдить строптивого собеседника.

Когда герои остаются наедине, разговор продолжается в виде своеобразного словесного поединка, коммуникативной дуэли. Герои обмениваются колкостями («косвенными ударами») и испытывают «удовольствие от тонких уколов противника» [3: 406], от игрового общения в целом:

Нина. А вы – экземпляр.

Багров. Сообщать мне об этом не обязательно.

Нина. Мужу ведь неприятно, что вы при мне его цукаете.

Багров. Мало ли что кому неприятно.

Нина. Вы об этом, само собой, не подумали.

Багров. Ежели ему неприятно, почему он вас за собой таскает? Так вы ему нужны?

Нина (помедлив). Однако в ваших словах есть некая мысль.

Багров. В моих словах всегда есть мысль. В этом моя специфика.

Нина. Итак?

Багров. Итак, я красоту жен к достоинствам мужей не отношу. (Т)

Реплики «А вы – экземпляр» и «я красоту жен к достоинствам мужей не отношу» можно охарактеризовать как отдельный тип комплимента (выделенный В. В. Дементьевым): оскорбление-комплимент [3: 175], относящееся к жанру флирта. Багров положительно оценивает внешность героини, однако использует косвенный комплимент, содержащий в то же время оскорбление, относящееся к близкому для адресата лицу.

Нина. Вы забыли, что я архитектор.

Багров. Вы об этом забыли, дорогая русалка. Вы должны горло за меня грызть.

Нина. Должна?

Багров. Обязаны. Это ваш муж не господь бог. А я как раз господь бог. Для вас. Если уж вы архитектор.

<...>

Багров. Мой заместитель все равно что дама в критическом возрасте – к сопротивлению не способен.

Нина. Должно быть, за это его и держите.

Багров. Слушайте, местная достопримечательность, вы прикусили бы язычок. (Т)

В речи Багрова можно наблюдать прием «рефрейминг», который выражается в повторении «сказанной партнером фразы, но с иной расстановкой акцента» с целью придания «утверждению другого смысла путем перевода внимания на другую часть высказывания» [20: 241] (Вы об этом забыли). «Вы должны горло за меня грызть», «Это ваш муж не господь бог. А я как раз господь бог. Для вас. Если уж вы архитектор», – этими словами герой возвеличивает себя и принижает мужа собеседницы. Иронический тон высказывания подчеркивается обращениями «дорогая русалка», «местная достопримечательность», диминутивным выражением «вы прикусили бы язычок».

Вербализация флирта в комплименте может быть также стилистически окрашена посредством использования различных тропов, таких как эпитет, метафора, гипербола, градация, сравнение, перифраз и антитеза [28: 4].

В интеграции с косвенным комплиментом может использоваться **наме́к** (наме́к-комплимент, наме́к-демонстрация чувств). Намек предполагает такую организацию текста, в которой содержится имплицитное выражение информации, которую адресат может извлечь благодаря фоновым знаниям, в том числе аллюзиям и ретроспекциям. Суть намека как особого коммуникативного приема заключается в том, что именно вторичный, косвенный смысл является подлинной целью высказывания. В любовном дискурсе намеки используются для оказания побудительного, манипулятивного воздействия, причем обязательным элементом осуществления персуазивной стратегии является смена внеличностной установки на межличностную или же установки с третьего лица на адресата.

Татьяна. Что ли вы любопытный?

Багров. Нет.

Татьяна. За что же мне такое внимание? Очень, наверно, вам приглянулась?

Багров. Наверно.

Татьяна. Слово-то не воробей.

Багров. Я от слова не отрекаюсь.

Татьяна. Он сказал, а я теперь думаю. Шутка это или намек? (Т)

Субжанр «намеки» может актуализироваться с помощью сравнений и метафор, иронии, прецедентных высказываний, фразеологических единиц, риторических вопросов, языковой игры.

В пьесе «Покровские ворота» один из диалогов разворачивается в ЗАГСе между сотрудницей (Алевтиной) и свидетелем (Костиком). Герой как инициатор флирта задает множество общих и специальных вопросов, чтобы получить как можно больше информации об адресате [29: 27]. С помощью вопросов о профессии девушки и ее отношении к жизни Костик демонстрирует свой интерес, проявляет симпатию.

Костик. Скажите мне, вы волнуетесь, когда соединяете души? Что вы чувствуете в этот момент? Зависть? Симпатию? Сострадание? Может быть, материнскую нежность?

Алевтина. Когда вы женитесь, я сообщу.

Костик. Скажите, а кто в ваших глазах жених и невеста? Только искренне. Безумцы или авантюристы? Или все-таки мудрецы?

Алевтина. Это зависит только от них.

Костик. А вы можете определить по внешности будущее брачующихся?

Алевтина. Вы говорили – один вопрос, а задали десять.

Костик. Предпоследний. Какую роль сыграла для вас ваша профессия? Мне важно знать. Положительную или отрицательную.

Алевтина. То есть?

Костик. Вы полюбили людей или изверились в человечестве? (ПВ)

Героиня избегает прямого ответа на вопросы, иронично отвечая на вопросы собеседника, но в то же время в некоторой степени подыгрывая ему: «Когда вы женитесь, я сообщу», «Вы говорили – один вопрос, а задали десять». После этого Алевтина дважды переводит диалог на молодого человека, давая возможность рассказать о себе «Я понимаю, вы – журналист», «Вы – будущий муж?».

Алевтина. Я понимаю, вы – журналист.

Костик. Нет, я историк. Но современность вызывает мой живой интерес.

Алевтина. Задавайте ваш последний вопрос, и займемся делом.

Костик. Как вас зовут?

Алевтина. Алевтина.

Костик. Благодарю за внимание.

Алевтина. Прошу вас к столу. Вы – будущий муж?

Костик. Не будущий, а потенциальный. (ПВ)

В ответе на второй вопрос явно содержится намек на дальнейшее развитие отношений: «Не будущий, а потенциальный».

Алевтина (Костику). Ваша очередь.

Костик. Вашу ручку. В смысле – ваше перо. (Берет ее авторучку, расписывается.) Константин Ромин. Прошу запомнить. (ПВ)

Герой использует двусмысленную фразу: «Вашу ручку», которую можно рассматривать как предложение руки и сердца или приглашение и в то же время как просьбу подать инструмент для письма. Двусмысленность фразы создает сближение в одном контексте слов «ручка» и «перо».

Алевтина. Я постараюсь.

Костик. Да уж, пожалуйста. Кон-стан-тин. В переводе с античного – постоянный (ПВ).

Персонаж завершает диалог повтором собственного имени по слогам и упоминанием его происхождения и значения («В переводе с античного – постоянный») с целью продемонстрировать собеседнице положительное качество будущего избранника.

Отдельное место в жанре флирта занимает выражение **благодарности**, которое представляет собой **положительно конвенционально эксплицируемую реакцию на некоторое действие**, совершенное в отношении субъекта благодарности другим лицом, которое сам субъект оценивает как бенефактивное (выгодное или приятное) для себя. Языковое воплощение во флирте благодарность находит как в одиночных речевых актах выражения благодарности и реакции на них, так и в сопровождении разнообразных речевых актов, таких как комплименты, похвала, обещание, «неискренний» упрек [30: 135].

Как отмечает Т. Г. Рабенко, одним из наиболее востребованных тактических ходов флирта является лудический прием **речевой маски** [20: 237]. Благодаря случайно сложившимся обстоятельствам, героиня пьесы «Энциклопедисты» считает, что Вилкин – бандит, однако герой не спешит ее убеждать в обратном и использует прием речевой маски, играя роль одинокого, отвергнутого обществом юноши:

Таня. Что вы хотите?

Вилкин. Исповедаться.

Таня (испуганно). Не надо.

Вилкин. В этом городе, в котором я родился, я чувствую себя одиноким. Старых друзей не осталось, а новых нет и не может быть.

Таня торжественно протягивает ему руку.

Он пожимает ее.

Спасибо. Недаром сказано у поэта: «Нет ничего прекрасней протянутой руки». Безусловно поэт имел в виду вашу руку. (Э)

Вероятно, персонаж пьесы намеренно использует неточную цитату, компилируя строки из произведения В. Ф. Ходасевича «Нет ничего прекрасней и привольней...» [31: 90] и слова из стихотворения М. Ю. Лермонто-

ва «Нищий»: «И кто-то камень положил // В его протянутую руку» [32: 218]. Оба стихотворения носят лирический характер, однако скомпилированная цитата позволяет создать подходящее высказывание для речевой ситуации флирта.

Таня. Что вам от меня нужно?

Вилкин. Моральной поддержки. Я хочу, чтобы вы повели меня по городу. Я хочу пройти по родным местам. Вспомнить розовое, невинное детство... Вы понимаете... одному тяжело...

Таня. Но я не могу... Я занята.

Вилкин (горестно усмехнувшись). Брезгаете? То есть гребуете? Ясно.

Таня. Вы плохо меня знаете. Идемте.

Вилкин. Как? Вы решились?

Таня. Что же вы стоите?

Вилкин (целует её руку). Благодарю вас. Благодарю. За всех моих друзей, социально опасных, но ценящих доверие.

Таня (вырывая руку, смущенно). Не надо... Зачем?

Вилкин. Благородная девушка, вы не расклетесь. Пусть я во многом виноват, но я еще не совсем пропащий. (Берет ее под руку) (Э).

Играя роль раскаивающегося бандита, Вилкин успешно добивается поставленной цели – уговаривает девушку пойти на прогулку. Герой избегает прямых императивных форм и выражает свое желание с помощью сложноподчиненной конструкции «я хочу, чтобы вы...». В ответ на отказ Вилкин ставит девушку в неловкое положение, косвенно обвиняя ее в презрительном отношении к себе: «Брезгаете?». Добившись желаемого, герой рассыпается в благодарностях, однако продолжает играть роль.

Даже в ситуации выражения благодарности иногда герои могут сталкиваться с коммуникативными неудачами. Герой комедии «Покровские ворота», интеллигент (Хоботов), пытается отблагодарить медсестру за курс уколов.

Хоботов. Спасибо за все. Позвольте поцеловать вашу руку.

Людочка. Так вы уже целовали.

Хоботов. Неважно. То есть не то... Вы прекрасно колели.

Людочка. Ну что вы!

Хоботов. Я ничего не чувствовал.

Людочка (негромко). Жаль.

Хоботов. Нет, нет, вы меня не поняли. Я не чувствовал там, куда шприц входил. Таково ваше мастерство. Но вообще-то... я очень почувствовал. (ПВ)

Высказывание «Я ничего не чувствовал» становится двусмысленным. Если Хоботов подразумевал под этими словами, что он не испытывал болезненных ощущений во время процедуры, то девушка воспринимает фразу собеседника как признание в отсутствии сим-

патии. Хоботов, осознав неудачу, пытается исправиться.

Желание адресанта выглядеть в глазах привлеченного его внимание объекта умным, нестандартно мыслящим, красноречивым, разбирающимся во всех тонкостях общения находит отражение в **комических жанрах**, составляющих жанр флирта.

Дама. Вы шерсть принесли? А то у меня сейчас нету. Давайте я сниму пока с вас мерку, а шерсть вы потом поднесете. Мы что будем вязать – пуловер или жилет?

Игорь. При чем здесь пуловер? Я по обмену пришел.

Дама. Господи, что же вы сразу не сказали.

Игорь. Я застенчивый.

Дама. Какой вы шутник (ВВ).

В пьесе «Возможны варианты» автор начинает диалог персонажей с коммуникативной неудачи: дама принимает за клиента мужчину, пришедшего по объявлению и желающего обменять квартиру. Шутка позволяет сгладить общение: на риторический вопрос «... что же вы сразу не сказали» герой отвечает репликой «Я застенчивый». Лексема **застенчивый** в значении 'стыдливо-робкий', 'смущающийся' [33] обычно описывает девушку или ребенка и крайне редко характеризует лиц мужского пола, чем и обуславливается комический эффект.

Дама. Вы считаете, что у меня есть шансы?

Игорь. Особенно зимой.

Дама. Почему зимой?

Игорь. Вы же еще и вяжете немного.

Дама. Нет, вы определенно шутник (ВВ).

Из разговора становится известно, что объявление дамы было лишь поводом для знакомства. Герой утешает собеседницу, иронично отмечая, что в холодное время года благодаря своему занятию (вязанию) она обязательно найдет себе спутника жизни. Юмор в этом диалоге построен на использовании в одном контексте ассоциативно близких лексем (зима и вязание).

В обоих микродиалогах дама эксплицирует намерения собеседника, используя номинацию **шутник**.

В устной речи о наличии иронии сигнализирует интонация, в драматургическом тексте эту функцию выполняют ремарки или перлюкутивный эффект – реакция адресата и его комментарий:

Таня. Я решила написать вам потому, что это становится невозможным. Каждый день мне приносят письма от вас. Вы ставите меня в дурацкое положение.

Вилкин. У вас волшебное перо.

Таня. Странный тон.

Вилкин (пылко). Кто внушил вам послать мне это... отношение?

Таня (пожав плечами) Я не понимаю, чего вы ждали.

Вилкин (читает) «Уважаемый Андрей Андреевич!» (Страстно) Господи, чтоб обратиться подобным образом, не нужно быть женщиной – достаточно быть учреждением.

Таня. Вы чудак. (Э)

В приведенном примере упрек приобретает форму комплимента: «волшебное перо». Лишь по наличию странного тона, который замечает девушка, можно понять значение этих слов. Письмо, содержащее клишированные формулировки, молодой человек называет «отношением». А девушку, отправившее его, сравнивает с «учреждением», таким же равнодушным, как и она.

Описывая невербальное поведение персонажей в ситуации флирта, авторы используют ремарки, которые можно подразделить на следующие группы:

- 1) интонация («пылко», «страстно», «экстатически», «патетически», «ошарашенно», «в экстазе», «нежно», «галантно»),
- 2) жестикуляция («всплеснув руками»),
- 3) движения («обнимает», «целует», «целует ее руку», «гладит его»).

Моделируемое драматургами речевое поведение представителей советской интеллигенции в жанре флирта актуализируются

субжанрами (комплимент, намек, благодарность, шутка). Языковые средства, используемые в процессе моделирования ситуации флирта в среде героев-интеллигентов, представляют собой сложные и неоднозначные по смыслу конструкции, многозначные слова, лексические повторы, этикетные обращения на «вы», лексику с положительной семантикой в оценке моральных качеств. Анализ материала свидетельствует, что для авторов пьес важно показать знание персонажами прецедентных текстов и высказываний, которые используются в жанре флирта часто в трансформированном виде. Модель речевого поведения включает не только вербальные, но и невербальные компоненты: интонацию, жестикуляцию, движения, которые драматурги актуализируют с помощью ремарок.

В дальнейшем мы планируем расширить драматургический материал, в котором представлен жанр флирта, а также учесть коммуникативные ситуации разных типов (например, служебный флирт, флирт между интеллигентом и представителем другой социальной группы и т. д.). Основная цель будущего исследования состоит в создании модели речевого поведения героев-интеллигентов драматургии 60–80-х гг. XX века, включающей и другие диалогические жанры непрямого общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ушаков Д. Н. Толковый словарь. М., 2001. URL: <http://ushakovdictionary.ru/~word.php?wordid=82638> (дата обращения: 19.07.2021).
2. Вислоцкая М. Искусство любви // Советский Красный Крест. 1989. № 9. С. 18–19.
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
4. Черкасс И. А. Типология речевых жанров: флирт как неформальной речевой жанр // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 241–251.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М. : Прогресс, 1988. 399 с.
6. Кон И. С. Введение в сексологию. М. : Медицина, 1988. 319 с.
7. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М. : Прогресс ; Прогресс – Академия, 1992. 458 с.
8. Павленков Ф. Ф. Энциклопедический словарь. СПб., 1910. [6] с., 3104 стб.
9. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М. : Языки славянской культуры, 2005. 223 с.
10. Попов Ю. В. Скрытый смысл в структуре текста // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1983. С. 100–106.
11. Крылова Т. В. Кокетничать, заигрывать, флиртовать: игровые аспекты в общении между мужчинами и женщинами // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М. : Индрик, 2006. С. 168–177.
12. Темиргазина З. К. Культурные сценарии поведения мужчин и женщин: ухаживание и флирт //

Гендерная лингвистика : кол. моногр. Павлодар : [б. и.], 2013. С. 250–280.

13. Колоян Д. Л. Ухаживание как тип коммуникативного поведения: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 247 с.
14. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 107 с.
15. Черкасс И. А. Вербальные средства коммуникации в ситуациях флирта // Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 278–290.
16. Гольдин В. Е., Дубровская О. Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 5–17.
17. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 248 с.
18. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
19. Ренц Т. Г. Романтическое общение в коммуникативно-семантическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2011. 413 с.
20. Рабенко Т. Г. Приемы языковой игры в жанровой структуре флирта // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 233–242.
21. Князева А. А. Специфика коммуникативного поведения человека в ситуациях флирта: гендерный аспект (на материале англоязычной художественной литературы): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2017. 191 с.

22. Зорин Л. Добряки // Л. Зорин. Театральная фантазия. Одиннадцать пьес. М. : Искусство, 1974. С. 143–212.
23. Зорин Л. Энциклопедисты // Л. Зорин. Театральная фантазия. Одиннадцать пьес. М. : Искусство, 1974. С. 213–280.
24. Зорин Л. Транзит // Л. Зорин. Театральная фантазия. Одиннадцать пьес. М. : Искусство, 1974. С. 447–492.
25. Зорин Л. Покровские ворота // Л. Зорин. Покровские ворота : пьесы. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 113–182.
26. Зорин Л. Театральная фантазия // Л. Зорин. Театральная фантазия. Одиннадцать пьес. М. : Искусство, 1974. С. 281–346.
27. Азерников В. З. Возможны варианты: пьеса. 1974. URL: <https://theatre-library.ru/authors/a/azernikov> (дата обращения: 19.07.2021).
28. Мудрова Е. В. Комплимент как первичный речевой жанр: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2007. 26 с.
29. Карташкова Ф. И., Князева А. А. Коммуникативное поведение человека в ситуациях флирта (гендерный и семиотический аспекты) // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 2. С. 25–34.
30. Варфоломеева И. В. Дискурсивное событие выражения благодарности в естественной коммуникации в английском и русском языках // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2010. № 11. С. 134–137.
31. Ходасевич В. Ф. Собрание стихов : в 2 т. Т. 2. Париж : La Presse Libre, 1983. 481 с.
32. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения 1828–1831. М. : Воскресенье, 2000. 504 с.
33. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.

REFERENCES

1. Ushakov D. N. *Tolkovyj slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2001. Available at: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=82638> (accessed 19 July 2021) (in Russian).
2. Vislotskaia M. The Art of Love. *Sovetskii Krasnyi Krest*, 1989, no. 9, pp. 18–19 (in Russian).
3. Dementyev V. V. *Teoriia rechevykh zhanrov* [The Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).
4. Cherkass I. A. Typology of speech genre: Flirt as an indirect speech genre. *Humanities and Social Sciences*, 2019, no. 6, pp. 241–251 (in Russian). <https://doi.org/10.23683/2070-1403-2019-77-6-241-251>
5. Bern E. *Igry, v kotorye igraut liudi* [Games People Play]. Moscow, Progress Publ., 1988. 399 p. (in Russian).
6. Kon I. S. *Vvedenie v seksologiiu* [Introduction to sexology]. Moscow, Meditsina Publ., 1988. 319 p. (in Russian).
7. Kheizinga I. *Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the Shadow of Tomorrow]. Moscow, Progress, Progress – Akademiya Publ., 1992. 458 p. (in Russian).
8. Pavlenkov F. F. *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg, 1910. [6] p., 3104 colm. (in Russian).

9. Kreidlin G. E. *Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noi kommunikatsii* [Men and women in non-verbal communication]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005. 223 p. (in Russian)
10. Popov Iu. V. Hidden meaning in the structure of the text. In: *Soderzhatel'nye aspekty predlozheniya i teksta* [Content aspects of the sentence and text]. Kalinin, Izd-vo Kalinin. gos. un-ta, 1983, pp. 100–106 (in Russian).
11. Krylova T. V. Ludic aspects in communication between men and women. In: *Logicheskii analiz yazyka. Kontseptual'nye polya igry* [Logical analysis of language. Conceptual game fields]. Moscow, Indrik Publ., 2006, pp. 168–177 (in Russian).
12. Temirgazina Z. K. The Cultural Scripts of Behavior of men and Women: Courtship and Flirtation. In: *Gender naya lingvistika: kol. monogr.* [Gender Linguistics: coll. monograph.] Pavlodar, 2013, pp. 250–280 (in Russian).
13. Koloian D. L. *Courtship as a Type of Communicative Behavior*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2007. 247 p. (in Russian).
14. Dementyev V. V., Sedov K. F. *Sotsiopragmaticheskii aspekt teorii rechevykh zhanrov* [A sociopragmatic aspect of speech genres theory]. Saratov, Izd-vo Sarat. ped. in-ta, 1998. 107 p. (in Russian).
15. Cherkass I. A. Verbal means of communication in flirt situations. *Humanities and Social Sciences*, 2018, pp. 278–290 (in Russian). <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2018-71-6-278-290>
16. Gol'din V. E., Dubrovskaja O. N. The genre organization of speech in aspect of the social interactions. *Zhany rech: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh" Publ., 2002, iss. 3, pp. 5–17 (in Russian).
17. Dementyev V. V. *Nepriamaya kommunikatsiia i ee zhanry* [Indirect communication and its genres]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. 248 p. (in Russian).
18. Shmeleva T. V. Model of the speech genre. *Zhany rech: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh" Publ., 1997, iss. 1, pp. 88–99. (in Russian).
19. Rents T. G. *Romantic communication in the communicative-semiotic aspect*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2011. 413 p. (in Russian).
20. Rabenko T. G. Devices of linguistic games in the genre structure of flirtation. *Siberian Journal of Philology*, 2014, no. 3, pp. 233–242 (in Russian).
21. Kniazeva A. A. *Specifics of communicative behaviour of a person in situations of flirtation: Gender aspects (based on the material of English-language fiction)*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Ivanovo, 2017. 191 p. (in Russian).
22. Zorin L. Kind Men. In: *L. Zorin. Teatral'naya fantaziya. Odinnadtsat' p'es* [L. Zorin. Theatrical fantasy. Eleven plays]. Moscow, Iskustvo Publ., 1974, pp. 143–212 (in Russian).
23. Zorin L. Encyclopedists. In: *L. Zorin. Teatral'naya fantaziya. Odinnadtsat' p'es* [L. Zorin. Theatrical fantasy. Eleven plays]. Moscow, Iskustvo Publ., 1974, pp. 213–280 (in Russian).
24. Zorin L. The Transit. In: *L. Zorin. Teatral'naya fantaziya. Odinnadtsat' p'es* [L. Zorin. Theatrical fantasy. Eleven plays]. Moscow, Iskustvo Publ., 1974, pp. 447–492 (in Russian).
25. Zorin L. The Pokrovsky Gate. In: *L. Zorin. Pokrovskie vorota: p'esy* [L. Zorin. The Pokrovsky Gate:

plays]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016, pp. 113–182 (in Russian).

26. Zorin L. Theatrical fantasy. In: L. Zorin. *Teatral'naya fantaziya. Odinnadtsat' p'es* [L. Zorin. Theatrical fantasy. Eleven plays]. Moscow, Iskustvo Publ., 1974, pp. 281–346 (in Russian).

27. Azernikov V. Z. *Vozmozhny varianty* [That depends]. 1974. Available at: <https://theatre-library.ru/authors/a/azernikov> (accessed 19 July 2021) (in Russian).

28. Mudrova E. V. *Compliment as a Primary Speech Genre*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Taganrog, 2007. 26 p. (in Russian).

29. Kartashkova F. I., Knyazeva A. A. Communicative behaviour of a person in situations of flirtation (gender and semiotic aspects). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2016, no. 2, pp. 25–34 (in Russian).

30. Varfolomeeva I. V. A discursive event of expressing gratitude in natural communication in English and Russian. *Almanac of Modern Science and Education*. Tambov, Gramota Publ., 2010, no. 11, pp. 134–137 (in Russian).

31. Khodasevich V. F. *Sobranie stikhov: v 2 t. T. 2* [Collection of poems: in 2 vols., vol. 2]. Paris, La Presse Libre, 1983. 481 p. (in Russian).

32. Lermontov M. Iu. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. T. 1. Stikhotvoreniia 1828–1831* [The complete works: in 10 vols. Vol. 1. Poems 1828–1831]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2000. 504 p. (in Russian).

33. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Tolkovy slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow, A TEMP Publ., 1999. 944 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 23.07.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 10.10.2021

The article was submitted 23.07.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 10.10.2021

ЖАНРЫ В ФИЛО- И ОНТОГЕНЕЗЕ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 311–318

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 311–318

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-311-318>, EDN: BUMSBW

Научная статья

УДК 811.161.1'243

Референциальные особенности текстов нарративного жанра при освоении первого и второго языка

Е. В. Галкина¹✉, С. В. Краснощекова^{2,3}, Е. В. Кожевникова¹

¹Институт физиологии имени И. П. Павлова РАН, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6.

²Институт лингвистических исследований РАН, Россия, 199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9.

³Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29

Галкина Елена Владимировна, научный сотрудник отдела физиологии сенсорных систем, лаборатория психофизиологии речи, dinomama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5041-2498>

Краснощекова Софья Викторовна, кандидат филологических наук, ²научный сотрудник отдела теории грамматики, ³доцент Высшей школы международных образовательных программ, ndhito@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8830-5121>

Кожевникова Елена Валерьевна, кандидат биологических наук, научный сотрудник отдела физиологии сенсорных систем, лаборатория психофизиологии речи, lenakozhev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0941-7676>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос становления отдельных элементов речевого жанра в дискурсивном пространстве русской лингвокультуры, в процессе овладения русским языком представителями иных языковых групп. Референциальность как часть языковой системы связана с называнием и обозначением объектов реального мира языковыми средствами. Исследуется проблема референциального выбора (какими факторами руководствуется говорящий при выборе того или иного выражения) и разрешения анафоры (каким образом собеседник, воспринимающий текст, связывает местоимение с кореферентным существительным). Целью является изучение референциальных характеристик нарративов, в том числе референциальных ошибок, характерных для речи студентов, изучающих русский язык как иностранный. Для сравнения привлекаются русскоязычные взрослые и дети. Анализ материала демонстрирует, что основные особенности референциальной компетенции индивида (способность делать верный референциальный выбор, строить анафорические цепочки) связаны с возрастным когнитивным развитием и не зависят от родного языка; основные референциальные характеристики совпадают у взрослых инофонов и русскоязычных взрослых, что говорит о когнитивной природе референциальности. Обе группы взрослых одинаково используют существительные и местоимения для первичного и повторного ввода персонажа и поддержания топика и выстраивают неразрывные анафорические цепочки. Частные анафорические ошибки инофонов связаны с уровнем развития их грамматических навыков. По причинам, стоящим за возникновением референциальных ошибок, взрослые инофоны принципиально отличаются от одноязычных детей: детские ошибки связаны с недостаточной освоенностью когнитивных принципов референциального связывания, то есть в детской речи главным является когнитивный фактор. В основе же ошибок инофонов лежит недостаточная сформированность грамматического уровня неродного языка, то есть для взрослых ведущую роль играет структурно-грамматический фактор. Референциальные ошибки взрослых инофонов, таким образом, не следует выделять в отдельный тип.

Ключевые слова: нарратив, референция, анафора, освоение языка, освоение второго языка, русский язык

Для цитирования: Галкина Е. В., Краснощекова С. В., Кожевникова Е. В. Референциальные особенности текстов нарративного жанра при освоении первого и второго языка // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 311–318. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-311-318>, EDN: BUMSBW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Referential features of narrative genres in the process of language acquisition

E. V. Galkina¹✉, S. V. Krasnoshchekova^{2,3}, E. V. Kozhevnikova¹¹Pavlov Institute of Physiology Russian Academy of Science, 6 Makarova Emb., Saint Petersburg 199034, Russia²Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Science, 9 Tuchkov Per., Saint Petersburg 199053, Russia³Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 29 Politechnicheskaja St., Saint Petersburg 195251, RussiaElena V. Galkina, dinomama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5041-2498>Sofia V. Krasnoshchekova, ndhito@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8830-5121>Elena V. Kozhevnikova, lenakozhev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0941-7676>

Abstract. The paper regards the process of the development of several features of the narrative speech genre in the discourse field of Russian culture while learning Russian as a second language. Referentiality in general linguistic sense is an area concerning naming of objects and characters by language means. In this paper we analyse the problems of the referential choice (what factors influence the speaker's choice of a referential expression) and anaphora resolution (how the listener/reader binds an anaphoric pronoun to a coreferential noun phrase). The main goal of our paper is to study referential features of narratives produced by foreign students acquiring Russian as a second language (RSL), compared with adult Russian speakers and children acquiring Russian as a first language (RFL). Also, we describe referential mistakes made by RSL learners. The analysis of the data demonstrates that the main referential features (abilities to make the right referential choices, form anaphoric chains, etc.) are related to the age-specific cognitive development and do not depend on the native language. Both groups of adults show similar patterns in using nouns and pronouns for the introduction or reintroduction of a referent and for the topic maintenance, and build continuous anaphoric chains. Particular anaphoric mistakes of RSL learners are related to the level of their grammar skills and differ from the mistakes made by RFL children: while children's mistakes base on the cognitive factor, RSL students' mistakes are mostly grammatical.

Keywords: narrative, reference, anaphora, language acquisition, second language acquisition, Russian language

For citation: Galkina E. V., Krasnoshchekova S. V., Kozhevnikova E. V. Referential features of narrative genres in the process of language acquisition. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 311–318 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-311-318>, EDN: BUMSBW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вступительные замечания

Согласно данным литературы, посвященной изучению данного вопроса, речевой жанр можно определить как единицу речи, представляющую собой некую типовую модель коммуникации, которая характеризуется единством цели, темы и композиции, воплощенную в одном или множестве текстов. Подобные модели могут быть реализованы при помощи различных вербальных и невербальных средств и включать в себя один или несколько речевых актов [1: 102] и обладать такими параметрами, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, стратегия и тактика коммуникативного поведения [2: 153].

Речевое общение между людьми по большей части осуществляется посредством определенных жанров, «представляющих собой некий устойчивый тематический, стилистический, композиционный тип высказывания»:

«Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам... Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [3: 237, 257].

Речевые жанры, как правило, состоят из определенных функциональных компонентов, наличие, сочетаемость и следование которых характеризуют данный жанр [4: 2007]. Речевой жанр является «культурно и исторически оформленным, общественно конвенциализированным способом языковой коммуникации; образцом организации текста» [5: 104].

Умение строить эффективную речевую деятельность и эффективное речевое поведение, которое соответствует нормам социального взаимодействия, присущим конкретному этносу, является одной из важнейших составляющих успешной коммуникации, в соответствии с нормами речевых жанров данной языковой культуры [4: 1]. Однако, как указывает в своей работе М. Б. Бергельсон, «связь

между формой и значением языковых символов не всегда является прямой и очевидной, что влечет за собой неоднозначность самих языковых выражений, неоднозначность сообщения говорящего и неоднозначность с точки зрения адресата сообщения, вследствие этого затрудняется абсолютно правильная интерпретация дискурса. Успех или провал дискурсивного события зависит от степени совпадения лингвокультурных моделей адресата и рассказчика, а степень понимания обуславливается многими социокультурными факторами» [4: 1].

Как правило, речевые жанры осваиваются в ходе коммуникативного взаимодействия и обычно интуитивно правильно употребляются в речи носителей языка [5: 104].

В данной работе нас интересует вопрос становления отдельных элементов нарративного¹ жанра в процессе овладения русским языком представителями иных языковых групп. Новизна данного исследования заключается в том, что на основе анализа референциальных характеристик индивидуальных рассказов инофонов на русскоязычном материале было проанализировано то, как модели первого и второго языка мотивируют способы представления информации говорящим, какие элементы определяются языковыми нормами конкретной лингвокультуры, а какие имеют общекогнитивный характер.

К области референциальности в широком смысле относятся все явления, связанные с обозначением языковыми средствами объектов реального мира. Языковые средства, обозначающие в тексте тот или иной объект (референт), называют референциальными выражениями. К ним относятся полнзначные именные группы (полнзначные существительные, словосочетания с вершиной – существительным, субстантивированные прилагательные и др.), местоимения (обычно деиктические) и так называемые «синтаксические нули», то есть валентности, оставшиеся незаполненными (нулевые субъекты и, реже, объекты) [12]. Два основных вопроса, которым посвящено большинство современных работ по теории референциальности, – это (а) референциальный выбор и (б) разрешение анафоры. Референциальный выбор относится к сфере порождения речи (какие именно языковые средства выбирает говорящий для обозначения референта и что заставляет его сделать тот или иной выбор), разрешение анафоры – к сфере восприятия речи (какие характеристики референциального выражения и контекста позволяют слушающему «при-

вязать» местоимение к «соответствующему» (корреферентному) полнзначному выражению так, как это задумал говорящий) [13].

На выбор референциального выражения при порождении речи влияет целый спектр факторов: так, при введении нового референта используются существительные, при поддержании топики – местоимения; дети предпочитают обозначать людей и вообще одушевленные референты местоимениями, а неодушевленные – существительными [14]. Набор частных факторов различается в разных языках [15: 129–130]. Осваивающий язык ребенок или взрослый учится использовать референциальные выражения так, чтобы соблюдать баланс между понятностью и избыточностью. Освоению референциальности в родном языке посвящено значительное количество исследований [16–18]; известно, что этот процесс идет в связке с развитием «модели психического» (способности поставить себя на место собеседника, представить ситуацию его глазами [19]); при освоении второго языка взрослым когнитивные принципы референциальности обычно уже отработаны на базе родного языка.

Таким образом, цель данного исследования – выявить референциальные особенности нарративов, порожденных взрослыми инофонами, осваивающими русский язык как второй. Для того чтобы выяснить, какие особенности связаны с общекогнитивными способностями и возрастом говорящего, а какие – с процессом освоения языка, мы сравниваем инофонов с русскоязычными взрослыми и русскоязычными детьми.

Материалы и методика исследования

В данном исследовании анализируются 50 нарративов инофонов (носителей китайского, вьетнамского, итальянского, турецкого, таджикского и болгарского языков). В качестве контрольной группы были задействованы русскоязычные информанты – дети 4–5 лет (50 нарративов) и взрослые 18–20 лет (70 нарративов). Гендерное соотношение участников и соотношение рассказов и пересказов сбалансировано. Общее количество референциальных выражений, извлеченных из всех нарративов, составляет 3100.

Материал собирался при помощи разработанного Н. В. Гагариной и коллегами «Теста на определение нарративных навыков»/«Мультиязычного инструмента анализа нарративов» (ТОН/MAIN) [20]. В экспериментальный набор входит 4 серии картинок:

¹Термин «нарратив» принадлежит одновременно многим научным парадигмам [4, 6] и широко используется в лингвистических исследованиях [7–11]. Логически и хронологически нарратив обозначает соответствующий дискурсивный жанр [4].

каждая серия включает 6 рисунков и излагает связную нарисованную историю; персонажами историй являются люди и животные, в каждой истории активно действуют 3 героя. В задании на порождение нарратива участникам предлагалось рассмотреть картинки и на основе увиденного сюжета придумать собственную историю (сказку). Таким образом, в качестве жанрового элемента выступал свободный индивидуальный рассказ на определенную тему.

В нашем эксперименте нарративы, порождаемые детьми, собирались в устном виде, затем расшифровывались. Сбор данных происходил в форме беседы взрослого и ребенка, когда ребенок и экспериментатор по очереди рассказывали друг другу истории; нарративы же, порождаемые взрослыми, собирались в письменном виде: предлагалось сочинить историю, для того чтобы впоследствии зачитать ее другим студентам и преподавателю, выступающим в роли «слушающего» собеседника.

В ходе анализа учитываются такие референциальные характеристики, как выбор референциального выражения в зависимости от разных факторов; референциальное расстояние (количество клауз до предыдущего кореферентного выражения); длина анафорической цепочки; референциальные ошибки.

Результаты и их обсуждение

В ходе анализа материала (в соответствии с параметрами, указанными выше) были получены следующие результаты.

1. Общее соотношение различных референциальных выражений объединяет взрослых информантов и отличает их от детей: около 75% существительных, 25% местоимений и 1% нулевых актантов у обеих групп взрослых и 65% существительных, 25% местоимений и 10% нулевых актантов у детей, то есть взрослые инофоны без труда порождают синтаксически полные высказывания, в которых не выпускаются субъекты/объекты.

2. Анафорические цепочки у взрослых инофонов в целом длиннее, чем у русскоязычных взрослых и детей: максимально длинные цепочки содержат 19, 13 и 11 членов соответственно. Неразрывные анафорические цепочки у всех участников не превышают 7–9 клауз; здесь не обнаружено различий между группами.

3. Для первого ввода персонажа все взрослые в нашем материале в 100% случаев

используют существительное, что считается нормой в стандартном русском языке; дети же допускают 6% «ошибок» (точнее, «невзрослых» употреблений, т. к. ошибочными в строгом смысле такие высказывания считать нельзя): для ввода нового персонажа используется местоимение либо нулевой актант: «*О [мама-птица] Дала ну один раз одному... потом второму*» (4 года 11 месяцев – персонаж *мама-птица* встречается впервые в нарративе). Сюда же примыкают разрывы анафорической местоименной цепочки (ситуация, в которой говорящий рассказывает об одном персонаже, затем переключается на другого персонажа, затем возвращается к первому, но повторно вводит его местоимением, а не существительным, как будто продолжает связную анафорическую цепочку)². Эта ситуация тоже встречается в основном в детских нарративах, в речи взрослых подобные случаи можно считать оговорками. Следовательно, когда референт вводится первый раз или повторно после перерыва, взрослые – ни на родном, ни на неродном языке – без труда выбирают нужное полнозначное референциальное выражение так, чтобы сделать свое высказывание понятным для собеседника. Это происходит потому, что у взрослого уже освоена и развита «модель психического», то есть он отслеживает, понимает ли его собеседник в непосредственный момент коммуникации или будет ли его понимать «перенесенный собеседник» – будущий читатель (кроме того, в письменной речи – в отличие от устной, спонтанной – порождающий текст имеет возможность вернуться назад и изменить высказывания так, чтобы сделать использованные референциальные выражения однозначно понятными). Ребенок же, «модель психического» которого сформирована не до конца, еще не готов отслеживать, насколько четко собеседник понимает его речь, и поэтому использует те референциальные выражения, которые показались ему наиболее подходящими или которые первыми всплыли в памяти.

4. Говоря об анафорических разрывах, стоит сказать о референциальном расстоянии вообще. Анализ нашего материала дал понять, что расстояние в 2 клаузы (см. примечание 2) на русском языке слишком невелико, чтобы считать его достаточным для полноценного разрыва, поэтому в данной работе термин «повторный ввод» относится к ситуациям, когда между двумя упоминаниями

²Обычно анафорическая цепочка строится так: в первой клаузе используется полнозначная именная группа, в следующих – местоимения и нули. Когда фокус внимания говорящего переключается на другой референт, топик перестает поддерживаться, и происходит анафорический разрыв. Ситуацию, когда говорящий возвращается к предыдущему референту, называют повторным вводом референта. Обычно разрывом считают уже расстояние в 2 клаузы между двумя упоминаниями одного референта [14: 50].

референта находится 5 клауз и более. Для расстояния в 2–4 клаузы мы предлагаем обозначение «промежуточная зона». Взрослые используют местоимения в «промежуточной зоне» формально чаще, чем при повторном вводе референта, но в абсолютных числах – все еще крайне редко (ср. русскоязычные взрослые – в 5% случаев от всех случаев использования местоименные референциальных выражений, инофоны – в 9% случаев), и не используют нули; в детских текстах же 30% местоимений и нулей принадлежит именно «промежуточной зоне».

5. Что касается обозначения конкретных персонажей, то взрослые инофоны отличаются от русскоязычных взрослых и сближаются с детьми при назывании следующих референтов: а) активного персонажа – человека (значительно больше местоимений и меньше существительных, чем в общем); б) пассивного персонажа – животного в пересказе, а также активного положительного персонажа в рассказе (в обоих случаях больше существительных, чем в общем). Возможно, это связано с универсальной иерархией одушевленности, в которой по референциальной шкале местоимения стоят выше существительных, а обозначения человека – выше обозначений прочих живых существ [21: 433].

6. Конкуренцию antecedентов (то есть ситуацию, в которой анафорическое местоимение может восприниматься собеседником как отсылающее к одной или другой полнозначной именной группе) очень редко допускают взрослые, как носители языка, так и инофоны. В текстах на русском как втором отмечается около 10 случаев, из которых большинство представляет собой псевдоконкуренцию, то есть при отсутствии широкого ситуативного контекста грамматическое строение фразы позволяет трактовать местоимение двояко, однако контекст помогает сделать однозначный выбор, например: (а) «*В третьем карте кошка взёт на дерево и даже мама птица несёт пищу к птицев. На 4-х карте она хочет есть птицу*» [На третьей картинке кошка влезает на дерево, а мама-птица несет еду птенцам; на четвертой картинке она хочет съесть птенцов] (родной язык турецкий) – формально, грамматически конкурируют «мама-птица» и «кошка», связанные с «она», но по контексту однозначно понятно, кто из персонажей хочет съесть птенцов; (б) «*В этот момент высокий мальчик возвращается с Рыбалко, он всю видел и поэтому его мячик упал в воду. Тогда он заметил ветро и достать мячик*» [В это время высокий мальчик возвращался с рыбалки, он все видел, и поэтому его мячик упал в воду. Тогда он заме-

тил ведро и достал мячик] (родной язык итальянский) – формально может быть конкуренция между «мальчик» и «мячик» при связи с «он», но контекст отсекает эту возможность. В текстах русскоязычных взрослых обнаружено 5 случаев, например: «*Неожиданно мячик выскользнул из рук мальчика, и он покатился в море*» – формально-грамматически отмечается конкуренция между «мальчик» и «мячик». В нарративах с элементами диалога, порождаемых детьми, грамматическая конкуренция antecedентов допускается регулярно, однако недопонимания удается избежать благодаря особенностям речевой ситуации: ребенок жестами или взглядом указывает на изображение того персонажа, о котором идет речь. Конкуренция antecedентов, таким образом, нехарактерна для взрослых инофонов, то есть, вероятно, это еще одна характеристика нарративов, которая зависит от уровня развития когнитивных механизмов индивида.

Обобщая пункты 1–6, сделаем следующий промежуточный вывод: взрослые инофоны, порождающие текст на втором языке, почти не допускают ошибок, которые имеют отношение к сфере когнитивного и связаны с «моделью психического». Большинство ошибок детей, из-за которых их собеседникам может быть трудно связать местоимение/синтаксический ноль и полнозначный antecedent, соотносить местоимение/синтаксический ноль и внеязыковой референт, происходят от того, что у ребенка еще не до конца освоена способность посмотреть на текущую коммуникативную ситуацию «глазами собеседника», но у взрослых эта способность полностью сформирована. Уровень развития «модели психического» не имеет отношения к уровню развития строго лингвистических навыков: когда индивид, успешно освоивший в родном языке принципы ориентации на собеседника, начинает изучать новый язык, для порождения высказываний на втором языке начинают применяться уже отработанные когнитивные механизмы, то есть происходит автоматический перенос из родного языка. Таким образом, в отношении пунктов 1–6 любые взрослые (носители языка и инофоны) отличаются от любых детей (заметим, что в дальнейшем необходимо проверить полученные результаты на детях-билингвах и на детях, изучающих второй язык). Интересно, однако, что в заданиях, где проверяется восприятие местоимений, взрослые инофоны оказываются ближе к одноязычным детям, чем к другим взрослым, то есть при разрешении анафоры задействуются не столько когнитивные, сколько лингвистические механизмы [22].

7. В области референциальности обнаружены ошибки, характерные в первую очередь

для взрослых инофонов. Они зафиксированы у половины информантов этой группы в нашем материале и все относятся к рас-согласованию кореферентных языковых выражений в роде и/или числе: местоимения мужского рода (м. р.) связываются с существительными женского рода (ж. р.); местоимения во множественном числе (мн. ч.) – с существительными в единственном числе (ед. ч.) и т. д., ср.: (а) «Рядом с *деревой* *собака* *видит* *кот*. *Потом он* *поймает* *кто*» [Рядом с *деревом* *собака* *увидела* *кота*. *Потом она поймала кота*] (родной язык китайский) – «он» = «собака»; эта информантка предпочитает стратегию симплификации и использует «замороженные», оставленные без изменения «словарные» формы именительного падежа м. р. прилагательных и местоимений независимо от формы существительного (ср. в том же тексте: «*летать* в *другой* *месте*», «*дети* *ждут* *свой* *маму*»); (б) «*Мама* *зовут* *Лена* и *очень* *люблю* *свою* *детей*. *У него* *2* *детей*» (родной язык португальский) – «у него» (м. р.) = «у мамы»/«мама» (ж. р.); этот информант использует более редкую при освоении второго языка, но тоже регулярно отмечаемую стратегию – стратегию «любой граммеы», при которой формы присваиваются хаотично, то есть каждая лексема ставится в ту грамматическую форму, которая первой всплывает у говорящего в памяти, независимо от семантического или грамматического наполнения – это относится не только к роду, но и к падежу, лицу, числу и т. д. (ср. в том же предложении: «*она* *люблю*», «*свою* *детей*»); (в) «*А* *за* *кустом* *кошка* *заметила* *что* *у* *мальничика* *у* *руки* *рыба*, *и* *он* *поставил* *их* *на* *земле*» (родной язык китайский) – «они» = «рыба» (ср. «рыбы») – ед. ч. *рыба* соотносится со множественностью объектов на рисунке (*несколько* *рыбин*) и, соответственно, связывается с мн. ч. местоимения *их*. У русскоязычных взрослых не зафиксировано таких ошибок; из всех детей только 2 информанта допускают «чередование» м. р. и ж. р. при обозначении одного и того же персонажа в течение одного рассказа: «*А* *потом* *кошка* *полезла* *на* *дерево*. *А* *собака* *его* *схватила* *за* *хвост*. *Потом* *она* *убежала* *собака* *за* *котом*» (4 года 11 месяцев) – один герой обозначен как «кошка» = «он» = «кот».

Ошибки инофонов при порождении местоимений, на первый взгляд, похожие на референциальные, но на самом деле не имеют к области референциальности прямого отношения и принципиально отличаются от описанных в п. 1–6 ошибок детей-монолингвов. Неверное присваивание местоимению рода или числа, неверный выбор формы и пр. – все это относится к той же области, что и непра-

вильный выбор окончания прилагательного, падежа имени, личной формы глагола. Это типичные ошибки в сфере языковой синтагматики и парадигматики, характеризующие любую индивидуальную промежуточную систему языка. Такие ошибки возникают обычно, когда говорящий прибегает к стратегиям, облегчающим порождение речи на неродном языке: стратегии симплификации и ее подтипам – стратегии «любой граммеы» и «замороженных форм».

8. Особенности нарративов инофонов связаны с уровнем освоения грамматического уровня языка: в отличие от русскоязычных взрослых, инофоны активнее пользуются референциальными выражениями, т. к. для них менее доступны нефинитные глагольные конструкции, не требующие субъекта (причастные и деепричастные обороты, а также придаточные предложения с инфинитивами) – у инофонов на один текст в среднем приходится 21 референциальное выражение, у русскоязычных взрослых – 18, у детей – 14.

Заключение и выводы

В результате анализа референциальной составляющей русскоязычных нарративов (представляющих собой свободный рассказ на определенную тему), порожденных информантами с различной степенью развития языковых навыков, можно отметить следующие моменты.

1. Обе группы взрослых рассказчиков – как носители языка, так и изучающие русский в качестве второго – одинаково успешно используют существительные и местоимения для *первичного и повторного ввода персонажа, поддержания топика и выстраивают неразрывные анафорические цепочки*. Таким образом, основные референциальные характеристики совпадают у взрослых инофонов и русскоязычных взрослых, в отличие от русскоязычных детей, которые допускают ошибки, что свидетельствует о когнитивно-возрастной природе данных элементов нарративного речевого жанра.

2. Почти все ошибки, связанные с *употреблением местоимений*, зафиксированные в текстах взрослых инофонов, имеют отношение к системно-грамматическому уровню языка: механизм порождения подобных ошибок не отделим от универсальных процессов, которые имеют место при формировании у взрослого собственной системы второго языка. Таким образом, по-видимому, если в ходе освоения ребенком референциальности, главенствующая роль принадлежит именно когнитивному фактору, то его значение нивелируется, когда с областью языковой

референциальности во втором языке сталкивается взрослый индивид.

3. Обнаруженные характерные ошибки инофонов, касающиеся *правил анафорического связывания* («перенос» из родного языка на русский), – свидетельствуют о том, что данный элемент построения жанра формируется в процессе обучения и в наибольшей степени является связанным с уровнем владения языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косицкая Ф. Л. Речевой жанр как единица контрастного анализа // Вестник ТГПУ. 2006. № 4 (55). С. 101–105.
2. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 248 с.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 445 с.
4. Бергелсон М. Б. Социокультурная мотивированность нарративов. URL: <https://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/06.htm> (дата обращения: 24.07.2021).
5. Гайда С. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. 1999. № 2. С. 103–111.
6. Prince G. A Dictionary of Narratology. Nebraska : University of Nebraska Press, 2003. 126 p.
7. Николаева Т. М. Лингвистика текста: современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1978. Вып. VIII. С. 5–39.
8. Banfield A. Narrative style and the grammar of direct and indirect speech // Foundations of Language. 1973. Vol. X. P. 1–39.
9. Givón T. (ed). Conversation. Cognitive, Communicative and Social Perspectives. Typological Studies in Language. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1997. 302 p.
10. Николаева Т. М. От звука к тексту. М. : Языки русской культуры, 2000. 680 с.
11. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М. : Языки русской культуры, 1996. 479 с.
12. Gruening A. Referential Choice and Activation Factors: A Neural Network Approach // Proceedings of the 4th Discourse anaphora and anaphor resolution colloquium. Lisbon, Edições Colibri, 2002. P. 81–86.
13. Прокопья В. К. Механизмы анафоры при речепорождении и речепонимании: экспериментальное исследование на материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 27 с.
14. Lindgren J., Vogels J. Referential cohesion in Swedish preschool children's narratives // Journal of Pragmatics. 2018. № 133. P. 45–62. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.06.007>
15. Allen S., Hughes M. E., Skarabela B. The role of cognitive accessibility in children's referential choice // The Acquisition of Reference. Amsterdam : John Benjamins, 2015. P. 123–154. <https://doi.org/10.1075/tilar.15.06all>
16. Pine J. M. The functional basis of referentiality: Evidence from children's spontaneous speech // First Language. 1992. № 12. P. 39–56. <https://doi.org/10.1177/014272379201203403>

4. Конкретные события, как правило, описываются с точки зрения рассказчика, его оценки ситуации, индивидуального и социокультурного знания. Языковое проявление этого также возможно увидеть в решениях, принимаемых говорящим относительно того, какую информацию он подает эксплицитно, а какая, по его мнению, должна быть понятна адресату из контекста ситуации.

17. Aksu-Koç A., Nicolopoulou A. Character reference in young children's narratives: A crosslinguistic comparison of English, Greek, and Turkish // Lingua. 2015. № 155. P. 62–84. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2014.04.006>
18. Онупенко Н. К. Грамматика текста в онтолингвистическом аспекте // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. № 189. С. 169–178.
19. Flavell J. H. Theory-of-mind development Retrospect and prospect // Merrill-Palmer Quarterly. 2004. Vol. 50, № 3. P. 274–290.
20. Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Balčiūnienė L., Bohnacker U., Walters J. Assessment of Narrative Abilities in Bilingual Children // Assessing Multilingual Children. Disentangling Bilingualism from Language Impairment. Bristol, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters., 2015. P. 243–276. <https://doi.org/10.21832/9781783093137>
21. Haude K., Witzlack-Makarevich A. Referential hierarchies and alignment: An overview // Linguistics. 2016. Vol. 54, № 3. P. 433–441. <https://doi.org/10.1515/ling-2016-0008>
22. Slabakova R., White L., Brambatti Guzzo N. Pronoun Interpretation in the Second Language: Effects of Computational Complexity // Frontiers in Psychology. 2017. № 8. P. 12–36. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01236>

REFERENCES

1. Kositskaya F. L. Speech genre as a unit of contrastive analysis. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, no. 4 (55), pp. 101–105 (in Russian).
2. Dementyev V. V. *Nepriyamaya kommunikatsiya i yeye zhanry* [Indirect communication and its genres]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. 248 p. (in Russian).
3. Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov. Yestetika slovesnogo tvorchestva* [The problem of speech genres. Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskustvo Publ., 1979. 445 p. (in Russian).
4. Bergelson M. B. *Sotsiokulturnaya motivirovannost narrativov* [Sociocultural motivation of narratives]. Available at: <https://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/06.htm> (accessed 24 July 2021) (in Russian).
5. Gayda S. Conversational genres. *Speech Genres*, 1999, no. 2, pp. 103–111 (in Russian).
6. Prince G. A *Dictionary of Narratology*. Nebraska, University of Nebraska Press, 2003. 126 p.
7. Nikolayeva T. M. Linguistics of the text: Current state and prospects. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. VIII* [New in the Foreign Linguistics, iss. VIII]. Moscow, Progress Publ., 1978, pp. 5–39 (in Russian).

8. Banfiyeld A. Narrative style and the grammar of direct and indirect speech. *Foundations of Language*, 1973, vol. X, pp. 1–39.
9. Givon T., ed. *Conversation. Cognitive, Communicative and Social Perspectives. Typological Studies in Language*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1997. 302 p.
10. Nikolayeva T. M. *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 680 p. (in Russian).
11. Paducheva E. V. *Semanticheskiye issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrative* [Semantic research. Semantics of Time and View in Russian. Narrative semantics]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 479 p. (in Russian).
12. Gruyening A. Referential Choice and Activation Factors: A Neural Network Approach. *Proceedings of the 4th Discourse anaphora and anaphor resolution colloquium*. Lisbon, Edições Colibri, 2002, pp. 81–86.
13. Prokopenya V. K. *The mechanisms of anaphora in speech production and comprehension: An experimental study based on the material of the Russian language*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2016. 27 p. (in Russian).
14. Lindgren J., Vogels J. Referential cohesion in Swedish preschool children's narratives. *Journal of Pragmatics*, 2018, no. 133, pp. 45–62. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.06.007>
15. Allen S., Hughes M. E., Skarabela B. The role of cognitive accessibility in children's referential choice. In: *The Acquisition of Reference*. Amsterdam, John Benjamins, 2015, pp. 123–154. <https://doi.org/10.1075/tilar.15.06all>
16. Pine J. M. The functional basis of referentiality: Evidence from children's spontaneous speech. *First Language*, 1992, no. 12, pp. 39–56. <https://doi.org/10.1177/014272379201203403>
17. Aksu-Koç A., Nicolopoulou A. Character reference in young children's narratives: A crosslinguistic comparison of English, Greek, and Turkish. *Lingua*, 2015, no. 155, pp. 62–84. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2014.04.006>
18. Onipenko N. K. Ontolinguistic grammar of the text. *Scientific Journal of Herzen University*, 2018, no. 189, pp. 169–178 (in Russian).
19. Flavell J. H. Theory-of-mind development Retrospect and prospect. *Merrill-Palmer Quarterly*, 2004, vol. 50, no. 3, pp. 274–290.
20. Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Balčiūnienė I., Bohnacker U., Walters J. Assessment of Narrative Abilities in Bilingual Children. Assessing Multilingual Children. In: *Disentangling Bilingualism from Language Impairment*. Bristol, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters., 2015, pp. 243–276. <https://doi.org/10.21832/9781783093137>
21. Haude K., Witzlack-Makarevich A. Referential hierarchy and alignment: An overview. *Linguistics*, 2016, vol. 54, no. 3, pp. 433–441. <https://doi.org/10.1515/ling-2016-0008>
22. Slabakova R., White L., Brambatti Guzzo N. Pronoun Interpretation in the Second Language: Effects of Computational Complexity. *Frontiers in Psychology*, 2017, no. 8, pp. 12–36. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01236>

Поступила в редакцию 28.07.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 10.10.2021
 The article was submitted 28.07.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 10.10.2021

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ. ХРОНИКА

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 319–322

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 319–322

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-319-322>, EDN: AUSXFE

Рецензия

УДК [271.2:811.161.1'38](049.32)

Религиозный стиль как система жанров

(Рец. на кн.: Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля [Текст] : монография / Т. В. Ицкович. – М. : ФЛИНТА, 2021. – 400 с.)

О. А. Прохвятилова

Совместный университет МГУ-ППИ, КНР, 517182, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюеюань, д. 1

Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125047, ЦФО, г. Москва, Миусская площадь, д. 6

Прохвятилова Ольга Александровна, профессор, доктор филологических наук, 12_09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0990-8229>

Аннотация. Рецензия является откликом на выход в свет монографии Т. В. Ицкович «Жанровая система религиозного стиля». Автор представляет оригинальный взгляд на функциональный религиозный стиль как систему жанров и дает ее многоаспектное описание. Актуальность исследования обосновывается необходимостью всестороннего лингвистического изучения религиозного стиля в составе парадигмы функциональных разновидностей современного русского литературного языка и создания классификации жанров религиозного стиля на едином основании. В монографии на основе комплексного подхода, сочетающего коммуникативно-прагматический и категориально-текстовый аспекты изучения религиозных текстов, с учетом культурно-исторического и текстуального генезиса религиозных жанров установлен конструктивный принцип религиозного стиля, дано научное описание системы религиозных жанров и ее протожанровой основы, раскрыто композиционно-тематическое и речевое своеобразие религиозных жанровых типов и их разновидностей, выявлено ядро и периферия жанрового поля религиозного стиля. Исследование выполнено на материале текстов богослужебной и небогослужебной сфер православной религиозной коммуникации на русском и церковнославянском языках, отобранных автором на основе традиции их использования в религиозной деятельности Церкви и личности, а также частотности употребления в современной религиозной коммуникации.

Ключевые слова: религиозный стиль, система жанров, протожанр, жанр, субжанр, прототекстуальность, жанровое поле

Для цитирования: Прохвятилова О. А. Религиозный стиль как система жанров (Рец. на кн.: Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля [Текст] : монография / Т. В. Ицкович. – М. : ФЛИНТА, 2021. – 400 с.) // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 319–322. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-319-322>, EDN: AUSXFE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

The religious style as a system of genres

(Review of the book: Itskovich T. V. A Genre System of the Religious Style [Text]: monograph / T. V. Itskovich. – Moscow, FLINTA, 2021. – 400 p.)

O. A. Prokhvatilova

No. 1, International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, PRC, 518172, China

Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow, GSP-3 125993, Russia

Olga A. Prokhvatilova, 12_09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0990-8229>

Abstract. The review is a response to the publication of T. V. Itskovich's monograph "Genre system of the religious style". The author of the book presents an original view on the functional religious style as a system of genres and gives its multidimensional description. The relevance of the research is justified by the need for a comprehensive linguistic study of the religious style as part of the paradigm of functional varieties of the modern Russian literary language and the classification of genres of the religious style on a single basis. In the monograph, its author, basing on an integrated approach which combines communicative-pragmatic and categorical-textual aspects of the study of religious texts, taking into account the cultural-historical and textual genesis of religious genres, establishes the constructive principle of the religious style, gives a scientific description of the system of religious genres and its proto-genre basis, reveals the compositional-thematic and speech originality of religious genre types and their varieties as well as the core and periphery of the genre field of religious style. The study is based on the texts of the liturgical and non-liturgical spheres of Orthodox religious communication in Russian and Church Slavonic, selected by the author on the basis of the tradition of their use in the religious activities of the Church and the individual as well as the frequency of their use in modern religious communication.

Keywords: religious style, genre system, proto-genre, genre, sub-genre, proto-textuality, genre field

For citation: Prokhvatilova O. A. The religious style as a system of genres (Review of the book: Itskovich T. V. A Genre System of the Religious Style [Text]: monograph / T. V. Itskovich. – Moscow, FLINTA, 2021. – 400 p.). *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 319–322 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-319-322>, EDN: AUSXFE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Рецензируемая монография Т. В. Ицкович «Жанровая система религиозного стиля» входит в круг исследований, выполненных в русле теолингвистики – одного из динамично развивающихся в последние десятилетия направлений современного языкознания. В ряду многочисленных работ, в той или иной мере раскрывающих специфику религиозной сферы общения, особое место сегодня занимают исследования, обращенные к изучению внеязыковых и собственно лингвистических свойств, которые объединяют массив религиозных текстов в функциональную разновидность языка, стилистическую целостность. Это работы, связанные с обоснованием стилистического статуса современной духовной речи, раскрытием экстралингвистических параметров религиозного стиля, установлением комплекса разноуровневых стилиобразующих средств, функционирующих в религиозных текстах, описанием жанрового многообразия религиозного стиля. К числу таких работ можно отнести и монографию Т. В. Ицкович.

Сложность проблемы описания религиозного стиля объясняется рядом причин: сосуществованием в рамках духовной речи текстов на церковнославянском языке и речевых произведений на современном русском языке; реализацией религиозной коммуникации как в богослужебной, так в небогослужебной сферах, активным развитием в последние годы конфессиональных средств массовой коммуникации и интернет-общения. В монографии Т. В. Ицкович предлагается комплексный подход, который дает ключ к решению этой проблемы.

Сущность этого подхода состоит в сочетании коммуникативно-прагматического и категориально-текстового аспектов изучения религиозных текстов, что дает автору возможность представить свой взгляд на религиозный стиль как на жанровую систему и, с учетом культурно-исторического и текстуального генезиса религиозных жанров, дать научное описание их системы, выявить протожанровую основу, раскрыть своеобразие жанровых типов и разновидностей, определить ядро и периферию жанрового поля религиозного стиля.

Исследование базируется на широком фактическом материале, включающем религиозные тексты на церковнославянском и современном русском языках, в числе которых канонические тексты Евангелия в русских переводах, проповеди, канонические и современные жития, канонические и неканонические молитвословия, публикации православных СМИ, тексты переписки православных прихожан в социальных сетях. Такой широкий охват разножанровых текстов позволяет Т. В. Ицкович быть максимально убедительной в своих выводах.

Монография состоит из пяти глав, в которых последовательно раскрываются стилиевые параметры религиозного стиля, его протожанровая основа, специфика жанровых типов проповеди, молитвы и жития. Такая структура представляется логичной и внутренне непротиворечивой в аспекте поэтапного решения основных задач исследования.

В первой главе «Религиозный функциональный стиль: конструктивный принцип и стилиевые черты» характеризуются экстралингви-

стические параметры и стилевые признаки религиозного стиля, дается описание специфики понятий и категорий используемого в работе исследовательского инструментария, формулируется авторская концепция общей жанровой систематики религиозного стиля.

Здесь следует отметить два, с нашей точки зрения принципиально важных, положения. Первое из них касается выдвигаемого Т. В. Ицкович лингвистического конструктивного принципа религиозного стиля – прототекстуальности, трактуемой автором монографии как «константная опора любого религиозного текста на канонический текстовый источник, или прототекст» [1: 83]. Второе положение связано с пониманием современной жанровой системы религиозного функционального стиля как результата трансформации триады протожанров (молитва – проповедь – житие), зафиксированных в прототексте Евангелия.

В основе предлагаемой Т. В. Ицкович дедуктивной модели развития основных протожанров в разветвленную систему современных жанров религиозного стиля лежит представление о жанровом типе, жанре и субжанре как целостных текстотипах, в каждом из которых находит отражение конструктивный принцип религиозного функционального стиля.

Вторая глава «Протожанровая основа религиозного функционального стиля» посвящена анализу зафиксированной в Евангелии триады протожанров, которые лежат в основе современной жанровой системы религиозного стиля. Используя коммуникативно-прагматический подход и категориальную концепцию текста, Т. В. Ицкович последовательно выявляет инвариантные признаки проповеди, молитвы и жития, которые могут рассматриваться как прототексты соответствующих субжанровых разновидностей.

Глава третья «Проповедь как жанровый тип» обращена к анализу проповеднических текстов на основе метода категориально-текстового анализа. Определена композиционно-тематическая модель церковной проповеди, включающая развертывание духовной, предметно-сакральной, профанной и ситуативной предметных тем в различных композиционных блоках; раскрыта темпоральная и пространственная организация, соотносимая с композиционно-тематическим членением проповеднического текста, установлены языковые средства экспликации названных текстовых категорий. Кроме того, дано описание особенностей периферии жанрового поля проповеди и продемонстрировано свойственное ей совмещение в рамках текста элементов религиозного, публицистического и разговорного функциональных стилей.

Четвертая глава «Молитва как жанровый тип» включает описание ядерных и периферических молитвенных жанров. Хотелось бы отметить удачную, с нашей точки зрения, типологию молитвословий на основе ведущих интенций адресата (хвала – благодарность – просьба – покаяние), позволяющую систематизировать многообразие современной подсистемы системы молитвенных жанров, развившейся из протожанра молитвы.

В этой главе дается описание жанрового типа молитвы и составляющих его субжанров: ядерных (канонической молитвы, канона, акафиста) и периферийных (личная неканоническая молитва). Для каждого субжанра установлены доминирующие интенции адресанта, раскрыты особенности композиционно-тематической организации, охарактеризованы языковые средства их экспликации.

Обращаясь к периферии жанрового типа молитвы, Т. В. Ицкович раскрывает композиционно-тематические особенности практически не изученного в лингвистике типа личных молитв. Автор подробно анализирует тексты личных молитв, оставленных паломниками на месте почитания св. Матроны Московской, и убедительно демонстрирует сочетание разговорных и книжных стилистических компонентов, преобладание разговорного начала, как в композиционно-тематическом членении, так и в языковом оформлении личных молитв.

В пятой главе «Житие как жанровый тип» рассмотрена специфика жанрового типа жития и выявлена парадигма его субжанров с учетом композиционно-тематической и пространственно-временной специфики. Не вызывают сомнений подкрепленные тщательным лингвистическим анализом утверждения автора о жанрообразующей роли духовной темы в житийных текстах и ее связи с категориями хронотопа и композиции.

Таким образом, в монографии религиозный стиль представлен целостной системой жанровых типов, в основе которой лежит протекстуальность как стилевой конструктивный признак. Убедительно продемонстрировано, что все современные религиозные тексты тяготеют к определенному каноническому прототипу, или протожанру, воплощенному в Евангелических текстах, – молитве, проповеди, житию. Дано описание жанров и субжанров, входящих в отдельные жанровые типы проповеди, молитвы и жития, на основе таких признаков, как вид религиозной коммуникации, субъективно-модальная доминанта (тональность), реализация текстовых категорий. Установлены доминирующие для каждого жанрового типа категории: тема – для жанрового типа проповеди, композиция – для жанрового типа жития, интенциональное со-

держание (благодарственная тональность) – для жанрового типа молитвы.

Чрезвычайно интересным для понимания особенностей жанровой системы религиозного стиля является предлагаемое в монографии описание ее полевой структуры. Автор показывает, что ядро проповеднической, молитвословной и житийной жанровых подсистем религиозного стиля образуют жанры, которые используются в богослужбной церковной практике, периферию – жанры, актуальные для небогослужбной сферы религиозной коммуникации. Именно в них зафиксированы максимальные модификации протожанра как в структурно-содержательном, так и в формальном плане.

По законам жанра рецензии выскажем некоторые соображения, которые следует рассматривать не как замечания, а скорее, как приглашение к дискуссии. Прежде всего хотелось бы обратить внимание на то, что, раскрывая композиционно-тематические связи в проповеднических текстах, Т. В. Ицкович соотносит экспликацию ведущих тем слова пастыря с «классическим трехчастным композиционным членением» [1: 158 и след.]. Между тем, как известно, композиционная структура проповеди отлична от классических образцов. Более того, в традиции русского духовного красноречия взгляд на композиционный строй пастырского слова претерпевал изменения.

В гомилетиках XIX века в период теоретического осмысления сущности и форм пастырского проповедания получила распространение точка зрения, согласно которой композиционная структура проповеди ставилась в зависимость от типа пастырского слова. Например, в опубликованном в 1858 г. «Руководстве к церковному собеседованию, или Гомилетике» Н. Фаворова называется 5 возможных форм проповедания, каждому

из которых предписывается соответствующий состав [2: 83–170].

Современные весьма немногочисленные пособия по православной христианской гомилетике ориентируют составителей проповеди на четырехчастный план. Он, по рекомендации, например, «Настольной книги священнослужителя», должен включать вводящее в суть темы вступление; основную часть, раскрывающую тему проповеди «на основании Священного Писания, в свете учения Православной Церкви, в ключе святоотеческого опыта»; нравственное приложение, применяющее «тематическую проповедь к духовным потребностям конкретных слушателей», и заключение, призывающее «воплощать с своей жизнью учение Евангелия» [3: 22]. Назидательная часть проповеди, ее нравственное приложение является обязательной составляющей композиционной структуры пастырского слова, поскольку воплощает дидактическую, учительную, спасительную направленность этого жанра.

Кроме того, трудно согласиться с представленным в монографии чрезмерно, на наш взгляд, широким пониманием жанровых границ проповеди, что позволило Т. В. Ицкович отнести к периферии этой жанровой подсистемы не только тексты конфессиональных СМИ (что, безусловно, можно принять), но и размещенные в сети Интернет комментарии открытой группы православного храма.

В заключение хочется отметить, что идеи, подходы и методики анализа языковых фактов, предложенные Т. В. Ицкович и успешно реализованные ею на материале православных религиозных текстов, могут, с нашей точки зрения, быть востребованными в исследованиях текстов иной конфессиональной принадлежности и, несомненно, способствовать дальнейшему развитию жанроведения, стилистики текста и теолингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля: монография. М. : ФЛИНТА, 2021. 400 с.
2. Фаворов Н. Руководство к церковному собеседованию, или Гомилетика. Киев : Тип. И. и А. Давиденко, 1858. 257 с.
3. Настольная книга священнослужителя : в 8 т. М. : Изд-во Московской Патриархии, 1985–1989. Т. 5. М., 1986. 816 с.

REFERENCES

1. Iczkovich T. V. *Zhanrovaya sistema religioznogo stilya* [Genre system of religious style]. Moscow, FLINTA Publ., 2021. 400 p. (in Russian).
2. Favorov N. *Rukovodstvo k tserkovnomu sobesedovaniyu, ili Gomiletika* [A Guide to the Church Interview, or Homiletics]. Kiev, Tip. I. i A. Davidenko, 1858. 257 p. (in Russian).
3. *Nastol'naya kniga svyashchennoslužhitelya : v 8 t.* [The Clergyman's Handbook : in 8 vols.]. Moscow, Izd-vo Moskovskoi Patriarxii, 1985–1989, vol. 5. 1986. 816 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 25.12.2021; принята к публикации 15.01.2022
The article was submitted 01.11.2021; approved after reviewing 25.12.2021; accepted for publication 15.01.2022

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 23.11.2022. Подписано в свет 30.11.2022.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 9.33 (10.0). Тираж 100. Заказ 143-Т.

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.